Костёр

6

июнь

1967

МИТИНГ В ПЕНИНО

Фото А. Ритова

Костёр

6

ИЮНЬ

1967

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Северный Чапаев
очерк В. ФАРБЕРОВА **2**

Стихи Генри Лоусона
перевод Г. УСОВОЙ **6**

Носовой платок
рассказ В. ДУБРОВИНА **8**

Дедушка и музыка
повесть Юз. АЛЕШКОВСКОГО **10**

Приключения Васи Булкина в революционном Петрограде **16**

Кто тут хозяин?
беседа писателя В. АРРО **18**

Клуб Жака Паганеля **23**

История одной семьи
из воспоминаний Г. КРУГЛИКОВА **26**

Подводная страна
стихи Е. СЕРОВОЙ **32**

Восемьдесят восемь дорог
повесть Н. ПЕЧЕРСКОГО **34**

Что? Где? Когда? Почему? **53**

Тайна золотого форта
рассказ в картинках **54**

Морская газета **56**

Школа „Спринт“ **57**

В ледовом лагере
фотоочерк В. КАНАКИ **58**

Уголёк
журнал для малышей **59**

Героическая Нина
спортивный очерк **61**

Операция „64“!!! **63**

Уголок веселого архивариуса **64**

Я мгновенно, как теленок, отпрыгнул в сторону, а собака вскочила и, моргая, уставилась на меня...

(Читайте повесть Юз. Алешковского «Дедушка и музыка»)

50 ЛЕТ ОКТЯБРЯ

СЕВЕРНЫЙ ЧАПАЕВ

В. Фарберов

Рисунки
Т. Ксенофонтова

На чужбине

Вскоре после поражения революции 1905 года из далекой Аляски в Петербург, в Зимний дворец, пошло письмо:

«Ты, божьей милостью Николай Второй и, дай бог, последний. Ты, цепная собака, в людей стреляешь, в кандалы одеваешь, на каторгу ссылаешь, бедным, несчастным людям добра не желаешь. На чужбине мы слышали, как от твоего трона щепки летели. Удержался, паршивец. Смотри — надолго ли?...»

Автором этого послания был эмигрант, житель селения Зильга Хаджи-Мурат Дзарахохов.

Не от хорошей жизни покинул он близкие сердцу горы и долины.

В начале века в северной Осетии произошли массовые выступления горцев. Хаджи-Мурат был среди восставших. Для усмирения бунтовщиков власти вызвали войска. Начались аресты. Спасаясь, Хаджи-Мурат вынужден был бежать за границу.

Он строил железные дороги в Манчжурии и Мексике, работал клепальщиком в Калифорнии, старателем и бурильщиком на Аляске.

В Сан-Франциско Хаджи-Мурат вступил в члены профсоюза, принимал участие в забастовках, боролся со штрейкбрехерами. Там же он посетил несколько занятий кружка русских социалистов.

Наверно, после одного из тех занятий он и написал письмо венценосному «грабителю и притеснителю».

Через какое-то время Хаджи-Мурат все же вернулся в Россию.

Видно, что-то не сработало в полицейской чиновничьей машине: его не арестовали. Но почти сразу же призвали в армию.

В „дикой дивизии“

Эту дивизию, укомплектованную из солдат-горцев, малограмотных и запуганных, царские власти считали самой своей надежной защитой.

Недаром именно их в дни корниловского мятежа сняли с фронта и направили в Петроград.

Вспоминая события тех дней, Хаджи-Мурат писал:

«...Было подозрительно: всем выдано по шестьдесят патронов, и офицеры говорят: «Делай вид, что не понимаешь по-русски, на вопросы не отвечай-- молчи, в Петрограде будем царствовать». Чувствуем — неладно. На позор ведут! Собрались, и никто ничего не знает, что происходит. Вся тайна у офицеров. Собрание было в конском вагоне, во время движения, нас человек тридцать, да еще лошади. Стоим, теснимся, шумим. Решают послать меня к начальству за разъяснением. Я сказал: «Хаджи-Мурат не испугается, пойдет». Пошел на остановке к начальству. А солдаты поодаль меня стерегут, охраняют. Я сказал: «Господа офицеры, не сказывайте нам сказки, мы вам не верим. Говорите прямо. Зачем в боевой готовности едем на Петроград?» Тогда офицеры приносят и читают нам телеграмму. Генерал Корнилов предписывает своим войскам занять Петроград, а его, Корнилова, единственного способного спасти Россию, посадить на место Керенского. Вот тут и разберись! Мы знаем, что есть в Питере рабочий класс, есть большевики, есть Ленин и не нужны ни Керенские, ни Корниловы!»

. . . . . .

«Надо было искать немедленно выход. И я решил оседлать коня и галопом — к большевикам».

Вот что в книге «Московская застава в 1917» рассказывает участник Великой Октябрьской социалистической революции Л. Ханин:

«Войдя в штаб, Хаджи-Мурат сказал: «Мы пришли, чтобы узнать правду о Петрограде. Возьмите по нашим кавказским обычаям наше оружие, мы пришли не с худыми мыслями», — и, прижав обеими руками к груди кинжал, Хаджи-Мурат с низким поклоном протянул его представителю штаба обороны.

Выдержав паузу, представитель штаба ответил:

«Хаджи-Мурат, возьмите свое оружие. Мы верим, что вы пришли не с худыми мыслями. Мы верим, что текинцы идут вместе с русскими рабочими и солдатами: у народа нет бóльших врагов, чем помещики, фабриканты, заводчики и генералы. Возьмите свое оружие, оно пригодится вам в борьбе с врагами народа».

После этих слов Хаджи-Мурат снова прижал кинжал к груди и низко поклонился».

На следующий день к Московским воротам столицы подъехал отряд одетых в бурки, черкески и папахи воинов. Впереди гарцевал пышноусый старший урядник. Это Хаджи-Мурат Дзарахохов привел в распоряжение революции триста пятьдесят всадников «Дикой дивизии».

Воины отряда Дзарахохова, несмотря на преследование их Временным правительством, обучали красногвардейцев военному делу, вместе с революционными матросами охраняли форт Красная Горка, приняли участие в Октябрьском вооруженном восстании.

Сам Дзарахохов — он стал в эти дни коммунистом — командовал отрядом Красной Гвардии, участвовал во взятии Гатчинского дворца и пленении генерала Краснова. По заданию главнокомандующего Крыленко он с отрядом направился в район Могилева и подавил контрреволюционный мятеж, а затем, вернувшись в Петроград, воевал с белофиннами на Карельском перешейке.

Как взяли Сельцо

— Вот хорошо, что прибыли, — сказал комбриг, когда Хаджи-Мурат Дзарахохов доложил, что отряд в двадцать пять сабель прислан питерскими рабочими на Северный фронт. — Дел у нас много.

И рассказал о высадке англо-американо-французских войск в Мурманске и Архангельске, о их продвижении в глубь страны, стремлении через Котлас и Вятку соединиться с белоармиями Колчака.

— Надо во что бы то ни стало преградить им путь, — комбриг обвел на карте кружочком населенный пункт Сельцо.

...На вторые сутки небольшой отряд незаметно подошел к Сельцу.

В полевые бинокли деревня хорошо просматривалась. Она была опоясана многими рядами проволочных заграждений, блокгаузами, окопами. На севере у мостика через болото расхаживал часовой. По деревне сновали ничего не подозревавшие англичане и американцы.

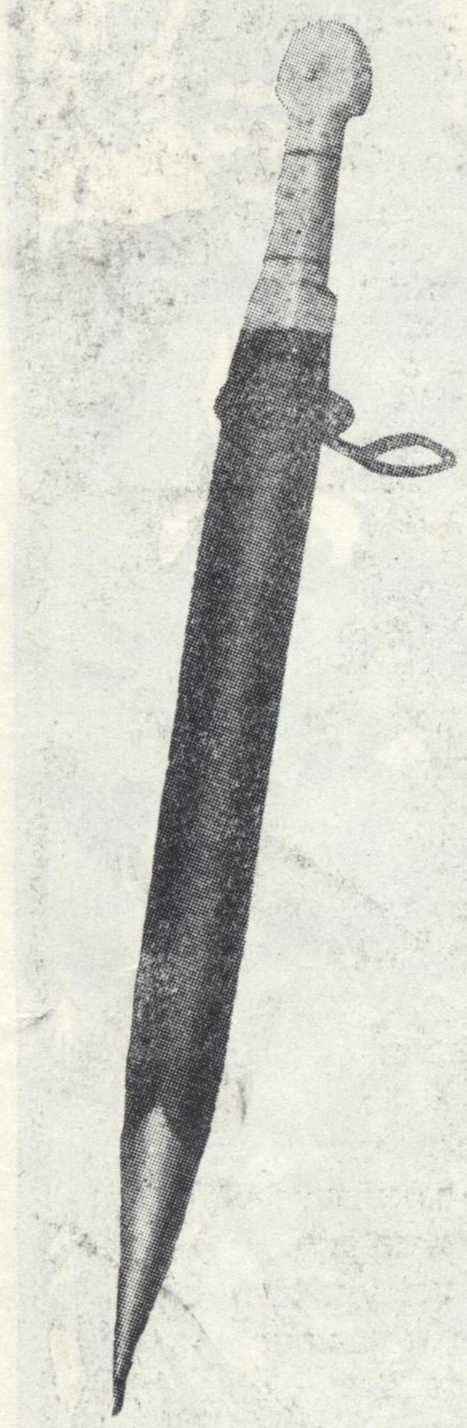
Хаджи-Мурат поделился с комиссаром планом операции:

— Моя голова так думает. Разделим отряд на две части и с запада и востока одновременно ударим. Начнется паника. Солдаты через мостик побегут этой дорогой. У моста их встретим пулеметным огнем. Ты с половиной отряда пойдешь на восточную окраину, я — на западную.

Не разжигая костров, бойцы поужинали и, нарубив веток, улеглись на них спать. Только часовые и кавалеристы, которых Хаджи-Мурат послал сделать проходы в проволочных заграждениях, бодрствовали.

А на рассвете все получилось так, как планировал Хаджи-Мурат. Красноармейцы с двух сторон ворвались в деревню. Тысячный гарнизон Сельца в панике метался по улицам, но всюду натыкался на пули, штыки, шашки. Попытка офицеров организовать хоть какую-нибудь оборону не имела успеха. Их никто не слушал. Обезумевшая от страха толпа метнулась на мост. Здесь их встретил фланкирующий огонь пулеметов.

— Все! — сказал Хаджи-Мурат. — Прекратить стрельбу, сосчитать пленных, собрать трофеи!



Телефон

Парный дозор двигался по зимнему лесу. Всадники внимательно осматривали каждый кустик, дерево, прислушивались. Но было тихо. Опушенные снегом сосны не шевелились.

Вдруг что-то привлекло внимание старшего дозорного.

— Смотри! — указывая на прикрепленный к ветке провод, сказал он. — Линия, надо срочно сообщить командиру!

Осмотрев заиндевелый провод, Хаджи-Мурат сказал:

— Моя голова так думает: надо подслушать.

Через минуту он уже слышал глухие, отдаленные голоса. Какой-то начальник из Емска разговаривал с Ваймагой.

— По имеющимся разведывательным данным, — надрывно звучал голос в трубке, — отряд этого кавказского башибузука Хаджи-Мурата направился в вашу сторону. Будьте осторожны! Усильте охрану!

— Слушайте меня внимательно, — вдруг раздался гортанный голос, — не бросайте трубки.

На концах провода зашумели:

— Убирайтесь с линии, кто там мешает?

— Кавказский человек — Хаджи-Мурат!

— Откуда ты взялся? Мы сейчас тебя поймаем и повесим!

— Бросьте сказки говорить. Меня не поймать. Я ваши укрепления прошел, а теперь говорю рядом с вами.

В трубке раздалась брань, а Хаджи-Мурат продолжал:

— Слушайте, что я вам буду говорить: Архангельск взят красными, железная дорога тоже захвачена, все отрезано. Теперь издайте приказ о сдаче. Мы ждем. Если этого не будет сделано через два часа, то вы будете все шашками перерублены.

В телефонной трубке послышался шум, и связь прервалась.

Когда наступила ночь, отряд с криками «ура» ворвался в Ваймагу. Гарнизон без боя сдался. Телефонный разговор Дзарахохова, ввергший в панический страх белогвардейских вояк, сделал свое дело. Было взято много пленных, перерезана дорога Северо-Двинского фронта.

В перерыве между боями хаджи-муратовцы отдыхали в деревне Неленга. Все жарче грело северное солнце. Поля очистились от снега, и крестьяне все чаще выходили на свои наделы, брали в руки горсти прогревшейся земли.

— Сеять время, — сокрушались они.

Ограбленная интервентами и белогвардейцами деревня Неленга не имела ни лошадей, ни коров.

— Моя голова так думает, — сказал Хаджи-Мурат. — Поможем.

Свободные от занятий и несения службы кавалеристы на своих лошадях пахали, сеяли, возили дрова. Силами бойцов через лес была проложена дорога. Трофейное продовольствие распределили среди нуждающихся.

В деревне было несколько семей белогвардейцев.

Хаджи-Мурат приказал их тоже учитывать.

Когда его спрашивали, зачем он кормит семьи врагов советской власти, Хажди-Мурат отвечал:

— Дети же не виноваты.

О чем беседовать!

Неожиданным ударом заняв Холмогоры, Хаджи-Мурат решил двигаться на Пинегу, где белогвардейский генерал Петренко засел с девятью полками.

Гарнизон Пинеги сложил оружие, а Петренко и еще двадцать пять офицеров были арестованы.

Перепуганный насмерть генерал, боясь расправы, начал заискивать перед Хаджи-Муратом.

«А я его и не думал пальцем шевелить, — вспоминая об этой встрече, рассказывал Дзарахохов, — вижу, он не то жив, не то мертвый. Я с ним вежливо беседую, как полагается с врагом, сложившим оружие. Петренко залебезил: «Ах, это вы, Хаджи-Мурат, очень рад вас видеть, я знаю вас как смелого, храброго, доблестного... Я по недоразумению был против вас, против своей воли шел, обманутый интервентами...»

А я ему на такие слова сказал: «Молчи, старая песочница ты, а не генерал! Не будь лисицей. Я таких не уважаю. Моя голова правильно думает. Хаджи-Мурат не поверит, никогда не поверит в льстивые, ласковые речи врага...» И крикнул сидящим в другой комнате красноармейцам:

— Братва! Уведите его. Мне не о чем с ним говорить. Наши в Архангельске, о чем же беседовать!..

Тринадцатый зал музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.

Экскурсовод подходит к витрине, где выставлен кавказский кинжал. Рукоятка в трещинах, кожа на ножнах залатана, металлический наконечник поцарапан.

С помещенной рядом фотографии сквозь роговые очки смотрят умные глаза пожилого человека с пышными усами, в черной, тяжелой, с большими серебряными застежками бурке. На груди орден Красного Знамени.

— Хаджи-Мурат Дзарахохов, — указывая на портрет, говорит экскурсовод. — Родился в 1875 году, умер в 1948. Активный участник революции, герой гражданской войны. «Северный Чапаев»...

ГЕНРИ ЛОУСОН
1867—1922

Сто лет назад, 17 июня 1867 года, в палатке золотоискателя Питера Ларсена родился мальчик, которого назвали Генри. В ту же ночь буря обрушила палатку. С первого дня и до самой смерти Лоусон жил под бурями. Бури были разные: и обыкновенные — с дождем, с ветрами, и газетные — с бранью и проклятьями литературных врагов, и другие — с забастовками и полицией...

Отец поэта приехал в Австралию искать счастья, как многие тысячи других бедняков, но ему всегда не везло.

С четырнадцати лет Генри вынужден был, оставив школу, зарабатывать на жизнь. Был маляром, рабочим на строительстве железной дороги, телеграфистом, учителем в начальной школе...

Он исходил всю Австралию, жил среди бродяг, золотоискателей, сезонных сельскохозяйственных рабочих. Героями его произведений стали бродяги, гуртовщики... В стихах отразились многие темы и мотивы народных песен Австралии и родины его отца — Норвегии.

В июле 1967 года исполняется 100 лет со дня рождения писателя, которого называют Максимом Горьким австралийской литературы.

Я тоже бунтовщик!

Могучий конунг Хетцберг
Собрал большую рать:
Восставших феодалов
Спешил он покарать.
Преследовал их всюду,
От гнева сам не свой,
И вешал беспощадно
За бунт и за разбой.

Но скрылся смелый Эрик
С дружиною своей
(А был он всех опасней,
Хотя и всех честней).
«Повешен будет Эрик», —
Так Хетцберг произнес.
Вдруг Эрика сынишку
Приводят на допрос.

«Где твой отец, скажи-ка?»
«Я не видал его».
И мальчика спросили:
«А сам ты — за кого?»
И конунгу мальчишка
Ответил напрямик:
«Отец мой вне закона,
Я тоже бунтовщик».

Седло оставил Хетцберг
И наземь соскочил.
«А почему, мой мальчик?»
Он ласково спросил.
И не моргнул мальчишка,
Лишь побледнев слегка,
Ответил: «Потому что
Я сын бунтовщика».

Перед мальчишкой конунг
Колено преклонил.
«Иметь такого сына
И я бы счастлив был.
Найди отца, мой мальчик,
Скажи, что он прощен,
А если чем обижен —
Пусть мне расскажет он.

Пускай придет открыто,
С открытою душой,
И навсегда оставит
Набеги и разбой.
Он может мне поверить:
Хитрить я не привык.
Где власть несправедлива,
Я тоже бунтовщик!»

Вход строжайше воспрещен

На любом вокзале надпись перед взором предстает:
«Пассажирам низших классов воспрещен строжайше вход».
Стук колес, вагонов грохот, паровоза лязг и звон
Неустанно повторяют: «Вход строжайше воспрещен».
«Воспрещен строжайше вход,
Вход строжайше воспрещен!» —
Повторяют неустанно паровоза лязг и звон.

С той поры, как существуют низший класс и высший класс,
Вход повсюду, где получше, воспрещается для нас.
Если садик на вокзале, он оградой окружен,
Стой уныло на платформе: «Вход строжайше воспрещен».

Здесь я часто ждал зимою на дожде и на ветру,
Здесь при тусклом свете лампы ждал я рано поутру...
Где зловещий щит рекламы бледным блеском освещен,
Где кричит все та же надпись: «Вход строжайше воспрещен!»

И стояли молча люди, молодежь и старики,
Нахлобучив низко шляпы и подняв воротники;
И шумел сердито ветер с проводами в унисон,
И как будто издевался: «Вход строжайше воспрещен».
У платформы деревянной без конца гудок ревет

И дымят обильно трубы — это Грайндеров завод.
Там я ждал, дрожа от ветра, там я под дождями мок,
Там от надписей подобных ждать хорошего не мог.

Кто такое детство прожил, тот не может стать другим,
С детства я возненавидел этих труб вонючий дым,
Стук колес, вагонов грохот, паровоза лязг и звон
И презрительную надпись: «Вход строжайше воспрещен!»..

Переводы Г. Усовой

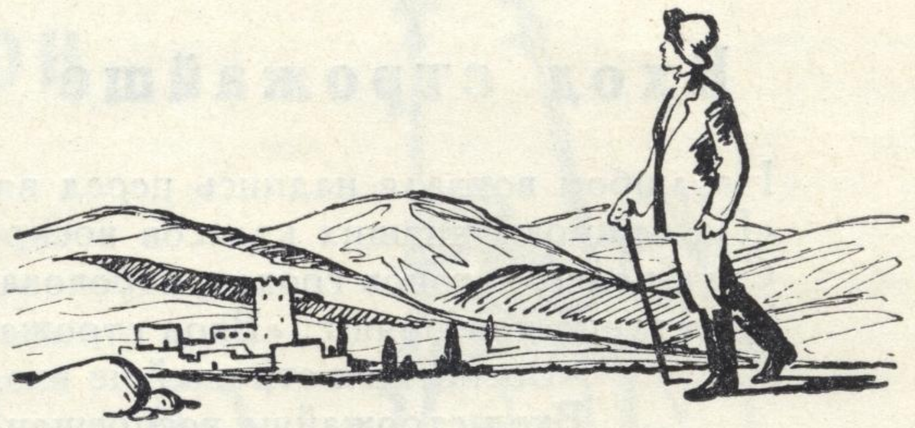
Рисунки К. Савкевич

НОСОВОЙ ПЛАТОК

РАССКАЗ

В. Дубровин

Рисунки Г. Праксейна



Палило солнце. Надрывались цикады.

Человек в легкой светлой куртке, кожаных сапогах и серой войлочной шляпе поднимался по тропинке в горы. Человек был среднего роста, плечистый. Шел он легким шагом спортсмена. В руке держал палку.

Тропинка круто забирала вверх. Уже давно за каменными уступами скрылся Владикавказ. Исчез Терек. Вокруг только лес и скалы. Могучие буки. Их узорчатые листья сомкнулись над головою сплошной зеленой крышей.

Но вот и буков стало уже меньше. Все чаще дубы. Потом пошли сосны.

Далеко внизу, за стеною леса осталось ущелье. Оттуда чуть слышно доносился говор шумной горной речки.

Сергей Миронович посмотрел вверх. Тропинка петляла среди камней. В просвете между деревьями виднелась небольшая поляна. Тропинка подбиралась к ней зигзагами, потому что прямого пути не было. Его закрывали скалы.

Вскоре тропинка стала узкой-узкой. Двоим не разойтись. Справа отвесная скала. Темный камень, весь в трещинах, из трещин торчит трава. Слева — пропасть. А высота — посмотришь и голова закружится.

Глухо стучит по камню крепкая буковая палка. В горы Мироныч всегда берет с собою палку — с нею веселее и легче идти. И вообще у него привычка — держать что-нибудь в руках.

Кончилась крутизна. Тропинка стала шире. Вскоре она привела к небольшой горной долине. Значит, скоро уже аул. Там его ждут.

Сергей Миронович вытер пот. Снял с куртки и со штанов прицепившиеся за время пути какие-то колючки, потянулся. До чего же хорошо после трудной дороги хоть немного отдохнуть. Киров присел на траву.

Но тут... Сергей Миронович приложил ладонь к уху. Ветер снова донес голоса. Гортанные. Злые.

— Зарежу! — донесся крик.

Сергей Миронович понял — ждать нельзя. Побежал напрямик через кусты. А вот они. Осетины. Высокие. У одного бурка на плечах. Оба в папахах. Из-под шапок глаза горят.

Вот один руку к поясу протянул. Второй кинжал выхватил. Поднял над головой.

— Убью...

Горцы — народ горячий. Если ссорятся — уговаривать опасно. Убить могут.

Киров взвесил все. Быстро. Точно. Достал из кармана носовой платок — обыкновенный, белый, — и бросил к ногам горцев.

И произошло чудо.

Застыли в воздухе кинжалы. Будто кто-то невидимый схватил их. Крепко. Намертво.

Осетин в черной бурке обернулся. Слова сказать не может. Обернулся и второй. Вскрикнул, кинжал чуть не выронил. Стоит перед ними незнакомый молодой мужчина. В спортивном костюме. В войлочной шляпе. Из-под шляпы выбивается прядь русых волос. А глаза у человека светлые, ясные.

Горцы посмотрели друг на друга. Потом уставились на носовой платок. Потом снова — на незнакомца.

Они растерялись. И вот почему.

У горцев обычай: если старая женщина бросит к ногам дерущихся свой платок — драться больше нельзя. Но как надо себя вести, если платок бросит мужчина, об этом обычай ничего не говорил. Да никогда и не было такого в горах. Никто из чужих не знал этого древнего обычая гор.

Осетины посмотрели на снеговую вершину, которая высилась над долиной. Вершина молчала.

Орел распластал крылья и кружил, высматривал добычу. Вдруг он камнем бросился вниз и пропал за скалою.

Молчали горцы.

„Кто он? Откуда он взялся, этот русский? Может быть, это тот, о котором уже слышали они в родном ауле? Самые старые, самые почтенные горцы говорили о нем с большим уважением.

Этот человек делает много добра бедным людям. Его имя — Киров — выбито на вершине Казбека среди вечного льда. Этот человек не боится самых высоких гор. Он взбирался на Эльбрус".

Сергей Миронович поднял с земли свой платок и глубоко вздохнул. Улыбнулся горцам радостно, широко.

И они невольно ответили ему улыбкой.

А потом он повернулся и пошел по тропинке в аул. Крепкая буковая палка снова застучала по камням. Киров думал о людях, только что чуть было не убивших друг друга. Он думал о том, как много надо еще сделать, чтобы жизнь в этих горах стала радостной и счастливой.

Встретил ли Сергей Миронович еще когда-нибудь двух осетин из горной долины, нет ли — кто знает? Может быть, они стали потом верными помощниками Кирова. Может, вместе с ним боролись в годы гражданской войны за Советскую власть в горах Кавказа.

КОНЕК-ГОРБУНОК *П. Соболев 10 лет*

ПОРТРЕТ *К. Акентьев 14 лет*

ПРАЗДНИК *В. Весенин 14 лет*

50 ЛЕТ ОКТЯБРЯ

Первая советская художественная...

В начале 1919 года на стенах петроградских домов появились объявления: на Литейном проспекте в доме двадцать открыты курсы, задача которых «...дать возможность трудящемуся классу получить всесторонние знания в области искусств».

Некоторые прохожие злорадно смеялись — ишь ты, искусства захотели! Хлеба нет, керосина нет, а им искусство подавай!

А между тем, занятия в Первой Советской Художественной школе начались.

Нарком просвещения товарищ Луначарский прочел лекцию, а художник Шабловский объяснил, как держать в руках карандаш.

Первыми учениками были молодые рабочие и красногвардейцы. Их набралось не более пятидесяти. Их дни были заполнены работой. Но вечером они собирались на Литейном.

В наши дни коптилка — это музейная редкость, а тогда даже свечи были недостижимой мечтой. Шла в ход оберточная бумага, а огрызок карандаша служил всем, и каждый честно рисовал столько минут, сколько ему положено по уговору.

Часто они прямо из мастерской уходили в бой, ведь «революционное отечество в опасности». И бились до последнего патрона, и ветер разносил по полям кусочки бумаги — наброски карандашом, лица боевых друзей и подруг...

В Ленинграде, на площади Жертв революции, на одной из плит высечены имена тех, кто умер за народное дело. Там есть фамилии: Кутин, Раков, Сергеев, Дорофеев... Это ученики художественной школы.

Однажды А. В. Луначарский привел Шабловского к Владимиру Ильичу.

— Простите меня, — сказал Владимир Ильич, — я буду краток. Я знаю, Ян Константинович, вы делаете прекрасное дело. Но сейчас нам нужно и кое-что другое. Мы в Совнаркоме решили перевести ряд предприятий из Питера на Урал — и необходимо срочно научить наиболее грамотных рабочих читать технические чертежи, так, чтобы они сумели сами разобрать станки здесь и собрать их на Урале. Вы должны нам помочь, Ян Константинович.

Античная голова.
Скульптура Володи Садикова

И Шабловский вместе со всеми учениками поехал на заводы, и там, прямо у станков, разъяснял рабочим чертежи.

Шли годы. Началась мирная жизнь. Школа уже была на Таврической улице, и у ворот дома № 35 все чаще и чаще стали появляться дети.

Все ребята любят рисовать, но этот мальчишка был грозой чистых стен. Дворники и жильцы только головами качали, глядя на его «художества». Стоило ему увидеть чистую стену, как невесть откуда в руке появлялся уголь, ну, а дальше вы сами знаете...

Однажды Шабловский застал мальчишку за «творчеством». Тот было задал стрекача, но Ян Константинович знал, чем вернуть мальчишку. Он взял кусок угля и стал исправлять ошибки в рисунке. Мальчишка удивился настолько, что перестал бояться, вернулся, походил вокруг да около, — а теперь его знают очень многие: это Владимир Александрович Гальба, известный художник — его рисунки вы можете увидеть и в этом номере «Костра». Гальба — выпускник Ленинградской Художественной школы.

Любите вы лукавого и доброго Василия Теркина? Помните его лицо по рисункам в книге? Тогда вам должен быть знаком и автор рисунков, художник Орест Верейский. Он — тоже из ЛХШ.

Когда Ленинград девятьсот дней и ночей стоял насмерть — даже тогда на огонек, горевший в мастерской художественной школы, собирались люди. Опять они приходили, как в восемнадцатом, с пайками хлеба, с огрызком карандаша и клочком бумаги. И если кто-нибудь не приходил, то все знали — погиб в бою...

В феврале 1968 года, через три месяца после юбилея Великого Октября, отпразднует свое славное пятидесятилетие и Ленинградская Художественная школа.

Много-много людей, живописцев, графиков, конструкторов, чертежников, преподавателей рисования и просто любителей искусства благодарны ей.

Воспоминания Е. Шабловской, Р. Шуваевой, В. Гальбы записал наш корр. В. Шполянский

ДЕДУШКА И МУЗЫКА

ПОВЕСТЬ

Юз. Алешковский

Рисунки Б. Семенова

1

В первый же день каникул отец сказал мне:

— Сегодня поедем в деревню к дедушке. Я взял отпуск на три дня.

У меня дух захватило от радости, но я спросил, притворившись равнодушным:

— А потом в лагерь?

— На все лето поедешь! — упрямо и зло сказал отец и добавил, наверно, подумав, что мне неохота в деревню. — Посмотри, на кого ты похож. Я в твои годы был в два раза выше. А лицо? Бледное, как черт знает что. Стыдно деду показываться. Чахлое ты дитя города. Кибернетические кружки и книжки, которые ты глотаешь, сделают тебя к тридцати годам стариком. Да! Да! Не улыбайся! С лысиной и одышкой. А там — инфаркт. И что дальше? Калека. И никакой от тебя пользы и радости ни людям, ни этой же кибернетике, ни самому тебе...

Отец еще что-то говорил насчет здорового тела и духа, а я смотрел на себя в зеркало и думал: «Ну, маленький, ну, бледный, ну, узкоплечий. Ну и что? Главное в человеке — мозги. А они у меня хорошо работают. Это все говорят. И лучше уж я буду я, а не Булкин — чемпион школы по боксу. Из-за этого бокса у него голова плохо работает по физике».

— Если тебя не заставишь — ты целый день будешь ходить голодный. Ты есть разучился! Ты бы о нас подумал! — крикнул отец.

— Скоро изобретут питательные таблетки. Правда, сначала для астронавтов, а потом для нас, чтобы не теряли время на еду, — сказал я.

— Дед тебя там поставит на ноги. И не бери ты с собой книжки! — сказал отец так умоляюще, как будто книжки были страшным ядом, подтачивающим мое здоровье. — Ты уже перевыполнил план по чтению на тысячу процентов.

— В книжках заключена информация, — сказал я, — она оседает в памяти, а потом всплывает. Чем больше я прочту сейчас, тем меньше времени потрачу в будущем.

— А не лопнет твоя голова от информации? — спросил отец, закипая. — И почему моя и мамина информация не оседает в твоей голове и не всплывает? Может быть, это плохая информация, когда тебе пользы желают? А?

— Информация не бывает плохой. Она бывает неверной, — вежливо, чтобы не заводить отца, ответил я.

— Значит, она неверная?

— По-моему, да, — сказал я.

— Иногда мне кажется, что я разговариваю с роботом, — задумчиво сказал отец. — Надо бы с самого начала водить тебя на мороз и заставлять работать. Фрукт парниковый!

— Человека нельзя насильно программировать. К сожалению, он пока что еще не робот, — заметил я.

— Короче говоря, никаких книжек! — потребовал отец. — Дай слово!

— Зачем слово? Я сам решил ничего не читать летом. Я же не маленький уже. Я уже са-мо-о-бу-ча-ющий-ся! Не могу же я себя правильно запрограммировать, а поступить лживо. Это недостойно человека. Я уже не говорю о роботе, — заявил я.

— Значит, ты совсем стал роботом? Самообучающимся, говоришь? Значит, обучать тебя уже никто не может? — Тут отец взорвался. — Простите, а высечь вас могут, если мое программирование не действует?

— Могут, — сказал я тихо. — Но это — нелепо. К примеру, тебе показалось, что электронная машина ошиблась, а ты по ней от злости — кувалдой!.. Полупроводники разбиты, реле разломаны. Нельзя и нелепо. Вот тебя бил дедушка?

— Ну, не то чтобы бил... так, крепко за грудки потряс. Он хотел сделать меня ветеринаром, а я не хотел и не стал, — признался отец.

— Вот видишь! Он потряс за грудки, и у тебя в голове что-то стряслось. И ты не стал ветеринаром, — схитрил я, и отец попался на удочку.

— Зато я стал модельщиком! Понял? Со мной академики советуются. Нет таких машин, чтобы умней моих рук были!

— Нет — значит будут, — сказал я. — Наши возможности безграничны. Подумаешь — модели из дерева! Мы скоро научим машины моделировать чувства!

Отец задумчиво посмотрел на свои руки, подобрел и спокойно сказал мне:

— Дурак.

— Значит, ты тоже был самообучающимся, если сам не послушал дедушку? — спросил я.

— Не путай, не путай! Мне было тогда восемнадцать. И я не ошибся. И вообще: вещи ты будешь собирать, самообучающийся?

— Да, — сказал я.

— Ну, спасибо. Как-то полегче стало, — сказал отец.

— Можно я возьму в деревню пластинки и проигрыватель? — спросил я.

— Зачем? — насторожился отец. — Ты же презираешь «симфонии» и «дрыгалки»?

«Дрыгалками» я называл джазовые пластинки.

— Мне нужно провести небольшой опыт. Я хочу убедиться в том, что одна биологическая загадка действительно существует.

— А отдых?!

— Проведение любопытного опыта и будет отдыхом. У меня же голова на плечах. А в ней — мозг. Что же ему простаивать? Знаешь, во что обходится простой электронной машины? И потом, я даже не буду слушать музыку. Она мне нужна только для опыта.

Отец брезгливо посмотрел на меня и задумался.

— Ладно, бери проигрыватель. Физик ты.

— От лирика слышу, — радостно парировал я.

2

Днем, когда отец ушел за билетами, я быстро сложил в рюкзак вещи и взялся за подготовку самых главных деталей своего плана — пластинок.

Мне нужно было взять с собой симфонии и джазовую музыку. Потому что недавно в старом номере журнала «Знание — сила» я прочитал заметку о влиянии музыки на рост растений.

Оказалось, что после порций джазовой музыки опытные растения вытянулись намного больше, чем растения, получившие порции «симфоний».

Я подумал, что если результат опытов не случаен, а это и должны были доказать мои опыты, то какие откроются возможности!

Десятки фантастических проектов замелькали у меня в голове и дух захватило от радости, когда отец сказал: «Поедешь на все лето».

«И вообще, не из-за того ли я такой маленький, что отец каждый вечер после работы заводит симфонии?»

Я положил наугад несколько пластинок на дно чемодана, подумав при этом: «Какая все-таки это глупая часть человечества! Композитор Бетховен, например, выдумал симфонию. Ну, ладно. Слушал бы ее сам, а он ведь отрывал от дела целый оркестр. Человек пятьдесят! А сколько людей сидело в зале и, вместо того чтобы изобретать самолет или пароход, смотрело, как дирижер машет своей дурацкой палочкой, и слушало пиликанье.

Вот и жили люди столько веков без умных машин из-за всякой музыки и прочего искусства. Небось композиторам не попадало от средневековья, а изобретателей и астрономов сжигали на кострах».

Я с отвращением кинул в чемодан три долгоиграющих джазовых пластинки. «Куда ни шло задумчиво слушать симфонии, но специально ехать в танцзал и целые вечера убивать на дрыганье ногами!.. Вот так же, наверное, согревались дикари и не догадывались, что лучше сесть, подумать и открыть огонь. Хватит! Пора поставить музыку, вернее, звуковые колебания, на пользу людям. А то еще пять веков будем топтаться на месте, вместо того чтобы осваивать другие планеты!!!»

Поверх пластинок я положил кое-какие инструменты и большой моток провода в прозрачной изоляции.

Банку с проросшим горохом для опытов я решил нести в руках, чтобы горошинки не задохнулись в чемодане.

Светло-желтые и зеленоватые с белыми язычками ростков они разбухли на влажной вате в запотевшей изнутри банке, и я с волнением рассматривал их на солнце...

3

Как только поезд тронулся, отец сказал:

— Люблю стук колес.. Добрая музыка... Всегда она меня убаюкивает, — и уснул.

А я подумал: «Действительно. Как трудно по ночам машинистам, когда их убаюкивает стук колес, не спать и смотреть вперед...» — и тоже уснул.

Нас разбудил проводник. Справа за окном вагона была сплошная темень, а слева розовело, мелькали столбы и деревья, как будто поезд мчался по самой границе дня и ночи.

Я первый спрыгнул с подножки, а отец, уже на ходу, за мной, потому что на нашей станции поезд стоял всего одну минуту.

Нас никто не встречал. Я поежился: было холодновато.

— Наверно, дед проспал, — сказал отец. — Ладно, доберемся как-нибудь сами. Красиво как! Смотри. — Он остановился, когда мы переходили запасной путь.

— Что красиво? — спросил я.

— Под ногами у тебя. Роса на рельсах... розовые капельки от зари... И шпалы от росы побелели.

— Ну и что? — я пожал плечами.

Отец наверняка стал бы спорить, ругать меня роботом, если бы вдруг не увидел около станции спящего в телеге дедушку. Невыпряженная лошадь дремала, низко склонив голову над охапкой сена.

Когда мы подошли ближе, она вздрогнула, всхрапнула и переступила с ноги на ногу, а дедушка заворочался, но не проснулся.

Отец натянул ему на голову бушлат, закричал: «Уа-ах!» — и засмеялся.

Дедушка заворочался под бушлатом:

— Не напугаешь! Не ахай, — потом сел, протер глаза, расцеловался с отцом и хотел расцеловаться со мной, но, взглянув на меня, продрогшего, только жалостно скривился.

Отец виновато сказал:

— Отличник он... Кибернетикой занимается.

— Поехали, — хмуро сказал дедушка.

Я вырыл норку в теплом сене, поудобнее улегся, и лошадь с места пошла рысцой.

Дедушка с отцом сидели впереди, свесив ноги с телеги, и разговаривали о какой-то красавице-церкви, которую хотят снести преступники-дорожники.

Отец изредка оборачивался и говорил:

— Смотри, березняк какой! Будто табунок белых жеребчиков скачет... А озерко! Голубое, и кувшинка как зрачок! Смотри на природу-мать, физик!

Я молчал, притворившись спящим, а сам думал:

«В нашем веке красота не в березняках и кувшинках... Красота в лабораториях, где ничего лишнего. Одни приборы, строгие, умные, и каждый помогает раскрывать загадки природы. А отец только: «Ах, красота! Ах, природа!» Прямо как девчонка, нюхающая ландыши. Ей и в голову не приходит, что над разгадкой природы запахов бьются лучшие умы человечества».

Тут я почувствовал себя счастливым человеком, оттого что живу в двадцатом веке, когда все можно изучать на молекулярном уровне.

«Еще займусь теорией запахов», — размечтался я, вдыхая запах сена, а потом незаметно уснул и проснулся, когда лошадь остановилась у дедушкиной избы.

Отец и дедушка с вещами пошли к дому, а мне не хотелось вылезать из теплой норки в сене. Я, прищурившись, без всякого интереса рассматривал загорелых, босоногих мальчишек, окруживших телегу, и они смотрели на меня молча, исподлобья, но совсем не враждебно.

Я надел темные очки и спрыгнул на землю, держа в руках проигрыватель и банку с горошинами.

Мальчишки засмеялись.

— Турист, — сказал один.

— Очкарик, — добродушно заметил другой.

Я, чтобы раз и навсегда отвадить их от себя, произнес по-учительски:

— А у вас отсутствие такта и элементарного гостеприимства. Желаю успеха.

Мальчишки растерянно улыбнулись. Самый маленький выставил вперед забинтованную ногу и похвалился:

— Меня свинья укусила!

А высокий, худой парень, наверное, их заводила, прошел передо мной на цыпочках, как матадор перед быком, и далеко сплюнул, громко цикнув.

— Мне ясен смысл вашего плевка, — спокойно сказал я и открыл калитку.

Вечером дедушка сказал мне:

— Спать будешь на сеновале.

— Мне все равно, где спать, — вежливо ответил я, дав себе слово не перечить дедушке в таких маловажных для человека вопросах, как сон и еда. Если, конечно, и он не будет покушаться на мои опыты и мысли.

А спать на сеновале оказалось лучше, чем в кровати. Я забирался по лестнице, нырял в пахучую темень и, устроившись поудобней, смотрел, как в щелях между досок постепенно темнеет небо, и так сладко было засыпать, чувствуя под щекой шуршанье заблудившегося в сене жучка...

Утром лучи солнца били сквозь щель, и я, как под дождь, подставлял под них ладони. Лучи тепло плескались в ладонях вместе с высвеченными пылинками, и казалось: я ощущаю вес света...

4

Два дня до отъезда отца он и дедушка заменяли старую дранку на крыше новой, ставили какие-то пасынки и ходили в гости. Меня они не брали с собой. Наверно, дедушка стеснялся показывать знакомым «такого внука».

Я был только рад этому. Не теряя времени, выбрал место в огороде, половину гороха посадил слева от забора, а половину справа, так, чтобы одни стебельки слушали только джазовую музыку, а другие «серьезную», как говорил отец. Потом от розетки в доме протянул провода, уложил их в вырытый желобок и присыпал землей.

Отец перед отъездом сказал мне:

— Ты набирайся сил и смотри вокруг. Тут же красота. Яблони цветут... Слышишь, как пичуги заливаются? Сколько колен выдают! А изба? Она же красавица.

— Давай договоримся раз навсегда, — сказал я, — для тебя одно красота, а для меня — другое. И яблоня с пчелами, хотя бы и в бело-розовых цветах, не является для меня информацией. Зачем мне ее держать в памяти? Или пичуги? Мне нравится, когда приемник свистит при настройке. Или изба... Скоро орбитальные станции будут летать в космос, а ты: «изба, изба».

Отец растерянно, словно извиняясь за меня перед дедушкой, развел руками. Мы попрощались, и он уехал на станцию на попутной машине.

5

Утром меня разбудил соседский петух. Он так громко и отчаянно кукарекал, как будто злился, что кто-то еще не встал по его первому сигналу.

Я оделся и слез с сеновала.

— Долго раскачиваешься, — сказал дедушка, пряча в сарай умывальник.

— Доброе утро, — ответил я.

— Разувайся, — сказал дедушка, — босиком будешь ходить.

— Но ботинки же изобрели для того, чтобы...

— Быстро, — перебил меня дедушка. — Куртку тоже снимай.

Я снял ботинки и куртку и, переминаясь с ноги на ногу, потому что земля была холодной, смотрел на дедушку. И он смотрел на меня, потом взял за руку и поставил затылком к стенке сарая.

— И не шевелись! — дедушка послюнявил карандаш и сделал на бревне над моей головой заметку. — Бери мыло. Пошли на пруд.

— Вы, кажется, собираетесь ставить на мне опыты? — спросил я за калиткой.

— Говори мне «ты».

— Хорошо. Я подчиняюсь. Но и ты мне не мешай проводить опыты.

Дедушка шел не спеша, тоже босиком, но мне приходилось бежать за ним, стараясь осторожно касаться ступнями холодной земли и колючих травинок.

У меня мурашки забегали по коже от одного только вида пруда. Над зеленой водой стоял туман, и было в нэй что-то жуткое и таинственное.

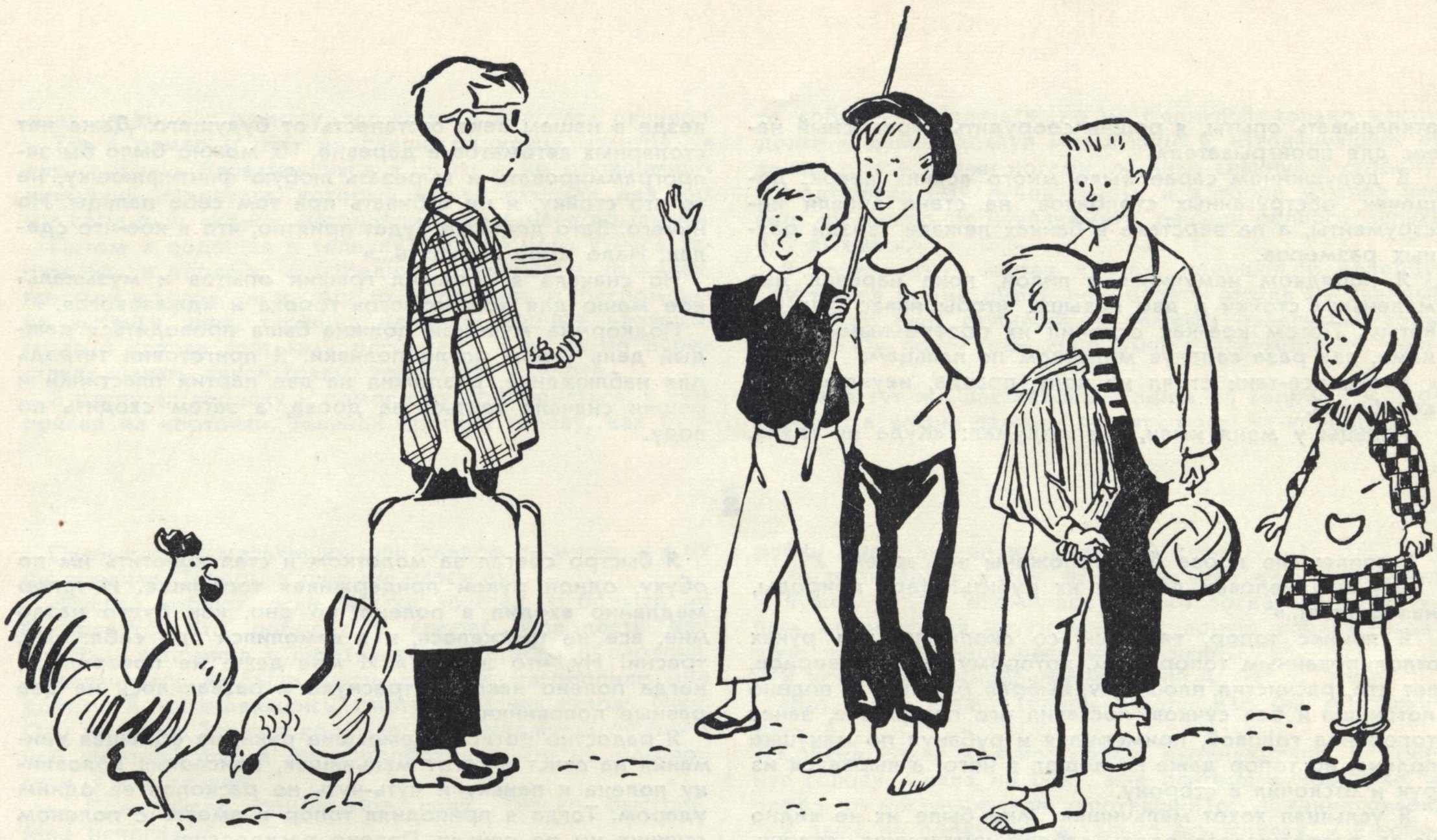
Дедушка уже разделся, а я, задохнувшись от возмущения, хотел крикнуть:

«Вы не имеете права насильно меня купать! Я это ненавижу и не умею плавать!»

Но дедушка сказал:

— Окунайся, а то окачу!

Я, стуча зубами, зажмурился и окунулся, а дедушка нырнул. Вынырнул он далеко от берега и поплыл ко мне.



Я забарахтался, чтобы согреться, и вправду согрелся. Только сердце у меня колотилось от страха, когда водоросли противно обвивали ноги и, казалось, вот-вот затянут на дно.

— Теперь ложись на песок, — сказал дедушка.

Я лег. Дедушка намылил меня, обмазал влажным мягким песком и стал натирать с ног до головы.

— Вот так, с наждачком, — приговаривал он. — В этом пруду купались твои прадеды и натирались этим песком и жили по сто лет. И мне уже восьмой десяток пошел, а я все бегаю. Я из тебя сделаю человека. Вот так. Чтоб на нас стал похож и дело делал, а не по врачам ходил... больно небось?

— Жарко! — сказал я, охнув.

— Окунайся и пошли, — дедушка хлопнул меня по спине.

Я окунулся, но мне все еще было жарко, и пока мы шли обратно, все мое тело горело.

6

Когда мы позавтракали, дедушка сказал:

— А теперь пойдем на работу. Плотничать будем. Красавицу подновлять.

— Ну, уж нет, — заявил я вежливо и твердо. — Я не хочу подновлять никакую красавицу. Ты можешь натирать меня песком и бросать в холодный пруд и заставлять есть лук и даже укроп, а опыты я буду проводить. Для этого и приехал.

И я рассказал дедушке, в чем заключались мои опыты.

— Значит, ты целыми днями музыку собираешься слушать? — спросил он.

— Не я буду слушать, а горох.

— Так... так, — дедушка вздохнул. — Все равно поработать тебе придется. Вот дровишек наруби.

— Я же не умею, — сказал я.

— Вот и научись. И по воду сходи. И со стола убери. Как же это тебя учат? Одним наукам? А лес любить не учат? — Дедушка с удивлением смотрел на меня.

— Мы проходили деревья по ботанике, — сказал я.

— Эхе-хе, ты и историю проходишь?

— Прохожу, — сказал я, не понимая, зачем дедушка спрашивает об этом.

— Запустили тебя. Эх, запустили! — дедушка крякнул от досады и ушел.

7

Я убрал со стола и присел на крыльце. Из-за цветущих яблонь мне совсем не было видно солнца и улицы. Я только слышал, как мимо прошло стадо, как проносятся грузовики, поднимая пыль. Бело-розовые цветы яблонь постепенно тускнели, а когда пыль уносило ветром, разгорались снова.

«...Дедушка похож на академика Павлова. Конечно, он обиделся. Надо было хотя бы спросить, что у него там за работа... Конечно, обиделся. Отец же рассказывал, что дедушка знаменитый плотник, а я даже не спросил... Он и то с интересом слушал про опыты...»

Я пошел к своим грядкам. В нескольких местах между комочками земли уже пробились светло-зеленые ростки горошин, и мне было радостно, что это я их прорастил и посадил, и они всходят, а не лежат на полках в магазине «Семена».

Я разминал пальцами комочки земли, мешавшие росткам пробиваться, забыв, что хожу босиком с налипшей на ноги землей — теплой и мягкой, как шерстяные носки, связанные мамой.

«Хорошо! Через пару дней можно будет начать.

Но чтобы из-за случайного дождя не пришлось

откладывать опыты, я решил соорудить переносный навес для проигрывателя.

В дедушкином сарае было много всяких досок, дощечек, обструганных столбиков, на стене висели инструменты, а на верстаке в банках лежали гвозди разных размеров.

Я порядком намучился с пилой, пока нарезал две маленьких стойки и две повыше, чтобы навес был покатым. Потом кое-как скрепил их поперечными планками, два раза саданув молотком по пальцам.

Навес все-таки стоял на полу, правда, неуклюжий и кособокий.

Пальцы у меня ныли, и я подумал: «Куда ни глянь, везде в нашем веке отсталость от будущего. Даже нет столярных автоматов в деревне. Их можно было бы запрограммировать и вырезать любую финтифлюшку, не то что стойку, и не отбивать при том себе пальцы. Но ничего. Зато дедушке будет приятно, что я кое-что сделал. Надо дров нарубить...»

Но сначала я составил график опытов и музыкальное меню для «серьезного» гороха и «джазового».

Подкормка музыкой должна была проводиться каждый день утром после поливки. Я приготовил тетрадь для наблюдений, разложил на две партии пластинки и решил сначала взяться за дрова, а затем сходить по воду.

8

Распиленные дрова были сложены за сараем.

«Ну вот! человек должен их рубить! Царь природы, называется!..»

Я принес топор, тяжелый, со скользящим в руках отполированным топорищем, которому было, наверное, лет сто, расчистил площадку, выбрал березовое полено потоньше и без сучков, поставил его поудобнее, занес топор над головой, примерился и рубанул по макушке полена, но топор даже не вошел в него, а вырвался из рук и отскочил в сторону.

Я услышал хохот мальчишек. Мне было их не видно из-за разросшегося вдоль забора кустарника, сплошь усыпанного белыми хлопьями цветов. Конечно, они думали, что я застесняюсь, брошу рубить дрова и уйду.

Только я не собирался уходить, а надел темные очки, чтобы солнце, отражавшееся от березовой коры, как от снега, не слепило глаза, снова размахнулся и рубанул. На этот раз топор вошел в полено еле-еле, но все-таки держался, не падал, и мальчишки не захохотали.

Я быстро сбегал за молотком и стал колотить им по обуху, одной рукой придерживая топорище. И топор медленно входил в полено, но оно, как будто назло мне, все не трескалось, и я взмолился про себя: «Ну, тресни! Ну, что же ты?» И мне даже не поверилось, когда полено наконец треснуло и развалилось на две равные половинки.

Я радостно потер занемевшие руки, не обращая внимания на свист и гогот мальчишек, прислонил половинку полена к пеньку и чуть-чуть не расколол ее одним ударом. Тогда я приподнял топор и вместе с поленом стукнул им по пеньку. Полено раскололось!

Мальчишки молчали...

«То-то, — усмехнулся я. — Работа пойдет!»

Сердце у меня бешено колотилось, а руки, особенно правая, занемели и слегка дрожали.

Лучше было немного передохнуть. Я снял рубашку и вышел за калитку. На улице было жарко, хотя солнце поднялось еще не высоко. А я думал, что уже за полдень. Здесь, в деревне, мне казалось, будто я пере-

ехал на другую планету, где сутки в два раза длиннее.

Так я думал и шел не спеша по улице, смотря на кур, смешно барахтавшихся в пыли и не обращавших внимания на петуха, который что-то отыскал для них и с сердитым «ко-ко» нетерпеливо взмахивал крыльями.

Потом я подошел к теленку. Задние ноги у него запутались в веревке, а передние, согнутые в коленках, припали к траве, он не мог их выпрямить и, беспомощно вытянув шею, таращил на меня черные влажные глаза и хлопал светлыми ресницами, все же не переставая жевать пучок травы, торчавшей изо рта.

Я распутал веревку и помог ему приподняться, а сам присел на корточки. Теленок пригнул голову, как будто собирался бодаться, но не боднулся, только как-то долго и шумно дохнул мне в лицо и, оттолкнувшись от земли разом всеми ногами, пугливо скакнул в сторону. Я подбросил ему пучок травы, и в горле у меня все еще щекотало от незнакомого раньше теплого запаха его дыхания.

Я перепрыгнул через канаву, подошел к колодцу. Спуститься бы на дно и посмотреть оттуда на звезды!

Колодец был глубокий, с темным квадратом воды на дне. Он почти неслышно дышал, как морская раковина.

И мне тут же захотелось сходить за ведрами и первый раз в жизни самому достать воды из колодца.

9

Оказывается, мальчишки шли следом за мною, а я их не замечал. Теперь я шел им навстречу.

«Пускай побьют, если им так хочется. И больше не беспокоят... Кто победит в споре? Молодость или опыт?» — вспомнил я фразу из шахматного обозрения.

Мальчишки, их было шесть человек, загородили мне дорогу. Я, остановившись, смотрел на них сквозь очки. Они молчали. Тогда я подумал: «Неожиданной, эффектной жертвой ферзя он попробовал выйти из матовой сети...» — и сказал:

— Пожалуйста, применяйте силу. Только быстрей. Мне некогда.

— А ты будешь с нами играть? — спросил мальчишка, который хвалился, что его укусила свинья.

«Ага! Предпочитают почетную ничью!» — обрадовался я, но не принял ее, не мог принять.

— К сожалению, я в цейтноте. — «Так, двигаю проходную пешку!» — Я должен продолжать... научную работу, — как можно серьезнее сказал я. — «Противник надолго задумался!»

— Какую работу? — угрюмо переспросил вожак, похожий на матадора. Его заметно раздражало то, что я смотрю на него в упор сквозь очки, а он моих глаз не видит.

«Шах!» — подумал я и сказал:

— Простите, юноша, но это — научная тайна! — и зажмурился в ожидании первого удара.

Мальчишки прыснули и, когда я открыл глаза, они покатывались со смеху, окружив растерянного вожака.

— Юноша! Ха-ха! Юноша!

Я, воспользовавшись моментом, бочком, бочком скользнул вдоль забора и не спеша с достоинством, хотя сердце у меня колотилось еще сильней, чем после рубки дров, вышел из «матовой сети».

Но волновался я так, что перепутал калитки, зашел в чужой сад и опомнился только тогда, когда чуть-чуть не наступил на огромную черную собаку, спавшую на посыпанной песком дорожке.

Я встал перед ней, как вкопанный.

«Вот так всегда... Теперь — мат... Кто бы мог ожидать...»

Собака спала крепко-крепко, вытянув лапы и откинув голову. Спала на боку, как пантера в зоопарке, а перед ее носом темнел запотевший от дыхания песок.

Я даже не попятился, а только отшатнулся, и у собаки вздрогнула бровь. Она открыла карий глазище, смотревший прямо на меня, и вдруг, сладко зевнув, снова его закрыла, как будто подумала, что ей просто приснился странный, незнакомый мальчишка в темных очках.

Я мгновенно, как теленок, отпрыгнул в сторону, а собака вскочила, моргая, уставилась на меня, и, пока она соображала, сон это все-таки или не сон, я успел отбежать к калитке.

И тогда собака рванулась, взвизгнула, отброшенная цепью, и залаяла, скорее на себя, чем на меня, с такой обидой, с такой злостью за свой непростительный зевок, что я уже за калиткой посочувствовал бедняге, хотя у самого зуб на зуб не попадал от ужаса.

Собака вдруг плюхнулась на другой бок и замолкла, убитая такой неудачей.

Испуганные мальчишки окружили меня.

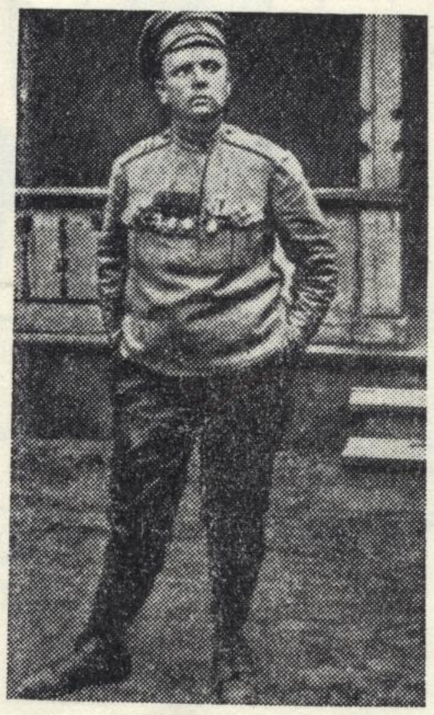
— Укусила? — спросил вожак.

— Это его собака, — сказал кто-то.

— Молодость победила опыт, — ответил я дрожащим голосом.

Продолжение следует

Приключения Васи Булкина в революционном Петрограде



В дневнике Васи Булкина нет ни одной июньской записи. Почему? Не было времени писать? Или он продолжал вести дневник, но потом вырвал листы? Ведь, судя по вырезкам, Вася стал очень интересоваться работой большевистской партии.

Может быть, он стал секретным курьером большевиков и боялся доверить даже дневнику свои новые тайны?

Как бы ни было, а июньскими датами помечены только вырезки из газет и журналов.

В июне 1917 года внимание России было приковано к фронту: готови-

лось наступление. Керенский понимал, что от его успеха в немалой степени зависит судьба Временного правительства. Он объезжал войска, уговаривал идти в бой (второй снимок).

На первом снимке — митинг. Вглядитесь внимательней в лица солдат, равнодушные, усталые. Их «уговаривают», а они почти не слушают. Этим людям до смерти надоела война. Они хотят одного — домой, к своей земле, к своим родным.

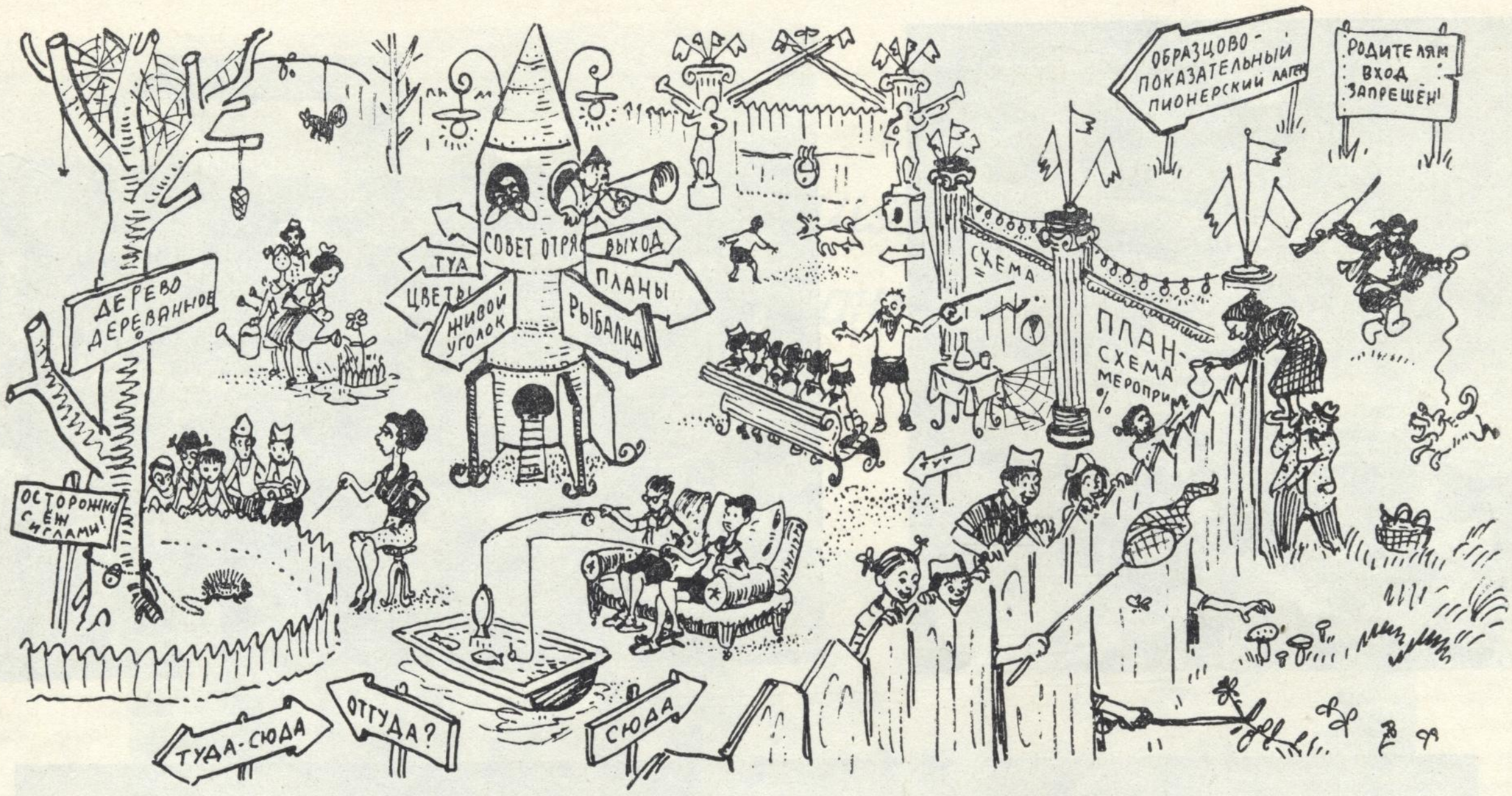
Временное правительство пускалось на разные уловки. На фронте было объявлено: «Стыдитесь, трусы, — в авангарде пойдет женский батальон!» Им командовала прапорщик Бочкарева (ее портрет Вася тоже вырезал). Но не суждено было ни мадам Бочкаревой, ни ее воинству приостановить, как тогда говорили, «обольшевичивание армии».

В окопах все слышней становился голос большевиков. В газете «Солдатская правда» солдаты читали обращение ЦК РСДРП и статьи Ленина (четвертый снимок). В день начала наступления они узнали, что накануне, 18 июня, в Петрограде прошла большевистская демонстрация против войны и Временного правительства (пятый снимок). «Вся власть Советам!» — этот лозунг оказался близок солдатским сердцам... Наступление, задуманное Керенским, провалилось.

К сожалению, Ленин в 1917 году почти не фотографировался. Поэтому Вася не сумел поместить в своем дневнике изображение Ильича. Чуть не единственная фотография, запечатлевшая вождя революции в то время, оказалась испорченной. Ее удалось восстановить только через 45 лет: в 1962 году в нашем «Костре» в апрельском номере этот снимок был напечатан.

Сегодня мы вновь воспроизводим его.

Ленин на Первом съезде Советов провозгласил, что есть партия, которая готова взять в свои руки власть и ответственность за судьбы страны. Это партия большевиков.



КТО ТУТ ХОЗЯИН?

Сегодня у костра писатель Владимир Арро

Приборы работали нормально

Прошлым летом на берегу реки Клязьмы, недалеко от города Коврова я попал в крошечный пионерский лагерь «Спутник». Ему дали совершенно точное название, потому что по соседству располагался мощный куст лагерей-гигантов. А это был спутник. Спутничек. Запущенный на орбиту без предварительных сложных расчетов.

Но тем не менее, как я сразу понял, приборы на нем работали нормально.

По утрам из палаток, обозначенных как «Эврика», «Волна», «Улыбка» и, конечно, «Романтик», выбегали босоногие туземцы, поеживались, покряхтывали, но все-таки делали зарядку, заглядывали мимоходом на кухню под навесом, обозначенную как «Кафе «Лакомка», и доверительно сообщали поварам: «Аппетит — во!»

А из центральной палатки, обозначенной как штабная, выходил высокий, но тоже босоногий человек — начальник, и говорил негромко, но достаточно внятно, в мегафон:

— Рыбаки, отдайте ложки, а то голову оторву!

Потом строились буквой «П» вокруг флага и дежурный командир говорил:

— Значит, так, первый отряд после завтрака за водой.

Мальчишки из первого хмурились и смотрели на начальника.

— Зиновий Григорьевич, когда лошадь-водовозку пришлют?

— А вы требуйте,— говорил начальник,— пишите в райком. Что вы ко мне-то, где я вам возьму.

— Неужто мы не писали...

— Ну, заплачьте сейчас. Подумаешь, тысяча литров воды.

— Не бойтесь, не заплачем, — говорили мальчишки.

Бледнолицые братья

А там, в тех гигантах, бледнолицые их братья из того же пионерского племени ходили вокруг нарядно украшенных дач, собирали сосновые шишки и разравнивали граблями песок.

В то же самое время за пищеблоком кухонные работники разгружали продуктовую машину, три слесаря чинили насос, кастелянша пересчитывала грязные простыни, калькулятор щелкал на счетах, составляя меню, повар включал мощные мясорубки, а старшие вожатые в тиши пионерской комнаты утрясали, подбивали, обговаривали, подрабатывали — что?.. правильно, план.

Согласен на мясорубку, но...

Так что же там в «Спутнике»? Все усаживаются под навесом на грубо сколоченные скамейки за грубо сколоченные столы. Из алюминиевых мисок алюминиевыми ложками, что рыбаки вернули, едят кашу с мясом...

— Понятно! — слышу я. — Понятно, что вы хотите сказать! Там дачи с верандами, здесь палатки. Там шикарная столовая, здесь навес, там фаянс, здесь алюминий... Понятно, вы за простоту.

— За нее, — отвечаю я. Странный человек, не люблю богатых, хорошо оборудованных лагерей. Но дело не в этом. Если уж есть дачи, не ломать же их.

Пусть будет и столовая, а в ней цветы. Я даже согласен на электрическую мясорубку. На пожарную машину. Ну, что еще? Катер? Пусть будет. И водопровод пусть будет, и радио, и телефон.

Но скажите мне, бледнолицые мои братья, Убирающие-По-Утрам-Шишки, кто из вас знает, сколько денег отпущено вашему лагерю на питание в сутки?

Где стирают ваши простыни?

Сколько книг в вашей библиотеке?

И еще сто тысяч сколько, где и почему.

Понимаете, быть хозяином, это значит, прежде всего, знать свое хозяйство. И не только знать, а и хозяйничать: считать, планировать, экономить, добывать.

Как я стал очком

Я прошел километра два берегом Клязьмы и попал в лагерь имени Дегтярева. В эти дни он готовился праздновать юбилей. Между прочим, тридцать лет назад он тоже начинался с палаток, с полного самообслуживания, с походной кухни, со столовой под открытым небом.

В этом лагере я попросился в лучший отряд.

Пионеры и комсомольцы отряда «Романтик» с удовольствием подвели меня к вывешенным на веранде плакатам.

— Мы здесь всего десять дней, — говорили они, — а уже работаем по семи дорожкам. Вот наши трудовые дела.

Читаю:

«Помогали зубному врачу мыть инструменты.

Помогали в изолятор приносить обеды.

Помогали убирать лестницу.

Помогали в прачечной.

Собирали цветы для столовой.

Выпустили стенд «Счастливое детство».

Провели беседу «Шолохов — борец за мир».

Выпустили стенд из жизни пионерии.

Читали статью Б. Полевого о Поле Робсоне.

Решили написать письмо во Вьетнам».

— Ну, написали? — спросил я.

— Нет еще. А вот эстафета искусств...

Я прямо на глазах у них затосковал. Они стоят, гордятся, все-таки сорок четыре пункта за десять дней, первое место, а я стою, тоскую. Понимаете почему?

Потому, что запахло бюрократизмом. Формализмом.

Я сказал:

— Слушайте, ну зачем вы так... Ведь тогда надо и наш с вами разговор засчитать как мероприятие.

И тут они удивились.

— А мы и засчитаем. Встреча с корреспондентом. А что тут такого? Дадут очки.

Мы любим друг друга

После лагерей-гигантов «Спутник», это дитя ковровских жилконтор, показался мне еще меньше и еще самодельнее.

— Женька! — кричал Зиновий Григорьевич дежурному.— Иди, укол сделаю. Порезался, бессовестный, как бы не хватил тебя столбняк!

Все с утра были на работе в совхозе «Ковровский». Только хлопотали дежурные возле кухни да в стороне от палаток, на коричневом пальто начальника спали двое — ночной дозор.

— Вот так и живем, — сказал Зиновий Григорьевич, — бедновато, конечно. Все чужое. Мы тут подсчитали — нам бы шесть тысяч!.. Но дело не в этом. Им здесь и так нравится. На пересменок не прогнать домой. Я говорю: «Учтите, кормить не буду». — «Ничего, — говорят, — переживем».

А вечером, после пяти, вот посмотрите, что будет. Из Коврова понаедет на велосипедах, на мотоциклах. Бывшие наши воспитанники или просто друзья... Хотите, я вам объясню, почему ребята наш лагерь любят?

Я, конечно, очень хотел.

— Во-первых, потому что мы не выдумываем для них никаких противоестественных правил: купайся, сколько хочешь, но только вместе со всеми. Хочешь ночью на рыбалку — иди. Гости к тебе приедут? Пожалуйста. Пусть ставят палатку, ночуют, каши дадим. На работу в совхоз — только кто хочет. И между прочим, видите, там, кроме дежурных — все.

— Ну, а во-вторых?

— Во-вторых? Мы любим друг друга. Они нас, старших, а мы их. Мы люди с юмором.

О, это я понял сразу, и когда слушал их разговоры, и когда читал «Молнию», уже слегка попорченную ночным дождем. Она состояла из одной заметки — «Наш «Спутник» в 2000-м году». Среди прочего там было написано:

«За почетным столиком сидит наш начальник лагеря, который стал знаменитым юристом. Он еще больше пополнел, сидит важно и чинно. Он серьезен, так как готовится к приветственному слову (которое, правда, затянулось на два с половиной часа). За этим же столом сидит зам. начальника лагеря Романов Вячеслав. Он еще больше стал важничать, в палатки к девочкам входит без стука и попрежнему любит делать замечания. А остальной состав остался веселым, жизнерадостным и спокойным».

— И третье, — продолжал Зиновий Григорьевич. — Мы вместе с палатками не сворачиваем нашей работы. Зимой мы переносим ее в клуб по месту жительства. Таких клубов у нас девять. Мы много путешествуем. Наши ребята ездили в Волгоград, в Севастополь, в Ленинград. А теперь вот собираемся в Брест.

И я подумал: чтобы быть хозяином своего лагеря, нужно уметь и понимать много сложных и простых вещей. И неправда, что все зависит от взрослых. Чтобы действительно стать хозяином, нужно за дело браться самим.

В чем пионерское счастье?

А в это время в лагере имени Дегтярева шла бурная подготовка к юбилею. Дачи украшались гирляндами и флажками. Отряды маршировали по дорожкам, разучивая отрядные песни. На стадионе шла репетиция вольных упражнений. А калькулятор, составляя меню праздничного обеда, в графе «третье» написал: «Сливочные стаканчики».

Три пионера из соседнего лагеря имени Павлика Морозова сказали мне:

— Вот видите, какие дегтяревцы богатые. Тут можно работать. Мы, по сравнению с ними, бедняки.

— Чему же вы позавидовали?

— Да как же, у них цветной бумаги вдоволь, картона...

— Эх, ребята!.. — вздохнул я. — Разве в этом наше пионерское счастье! Ну, как мне вам это объяснить?..

Мы

По лесной дороге, что вьется из города Коврова к реке Клязьме, медленно шла лошадь. В телеге, на охапке сена лежал человек.

Вдруг дорогу пересек самодельный шлагбаум с надписью «Въезд запрещен». Лошадь остановилась. Человек не спеша встал, откинул в сторону преградившую дорогу жердь и вывел лошадь на большую поляну. Тотчас от зеленых палаток, которые в два ряда стояли по обеим сторонам поляны, к нему побежали люди. Это были мальчики, девочки, взрослые. Все мчались по траве, размахивали руками и кричали «ура!».

Каждый считал своим долгом что-нибудь сделать для лошади. Одни распрягали ее, другие совали траву и цветы, третьи отгоняли мух от ее потного тела. Человек, а это был возница, встал перед ними и спросил, улыбаясь:

— Ну, кто тут хозяин?

И все закричали:

— Мы!

ПИОНЕРСКАЯ ШКОЛА «КОСТРА»

КТО ПРАВ?

«Дорогая редакция! Мне бы хотелось узнать, правильно ли поступили учителя, поставив четверки по поведению ученикам-восьмиклассникам, не явившимся на пионерский сбор дружины.

Я понимаю, что поступок заслуживает наказания. Но нужно ли было сразу ставить им четверки по поведению, да еще за четверть?

Я не считаю себя правой и не могу считать учителей правыми. Я хочу, чтобы вы помогли мне разобраться в этом».

Галя Русанова
Кустанайская область, Ленинский район, село Прескогорьковка

Пионер совершил проступок. Нарушил свою пионерскую дисциплину. Не пришел на сбор. Кто должен этот его проступок осудить? Кто должен его наказать и потребовать от него ответа? Конечно, пионерская организация. Совет отряда, совет дружины, общий сбор.

Тот же пионер прогулял уроки. Кто его за это в первую очередь будет наказывать? Наказывать его в первую очередь будет администрация школы.

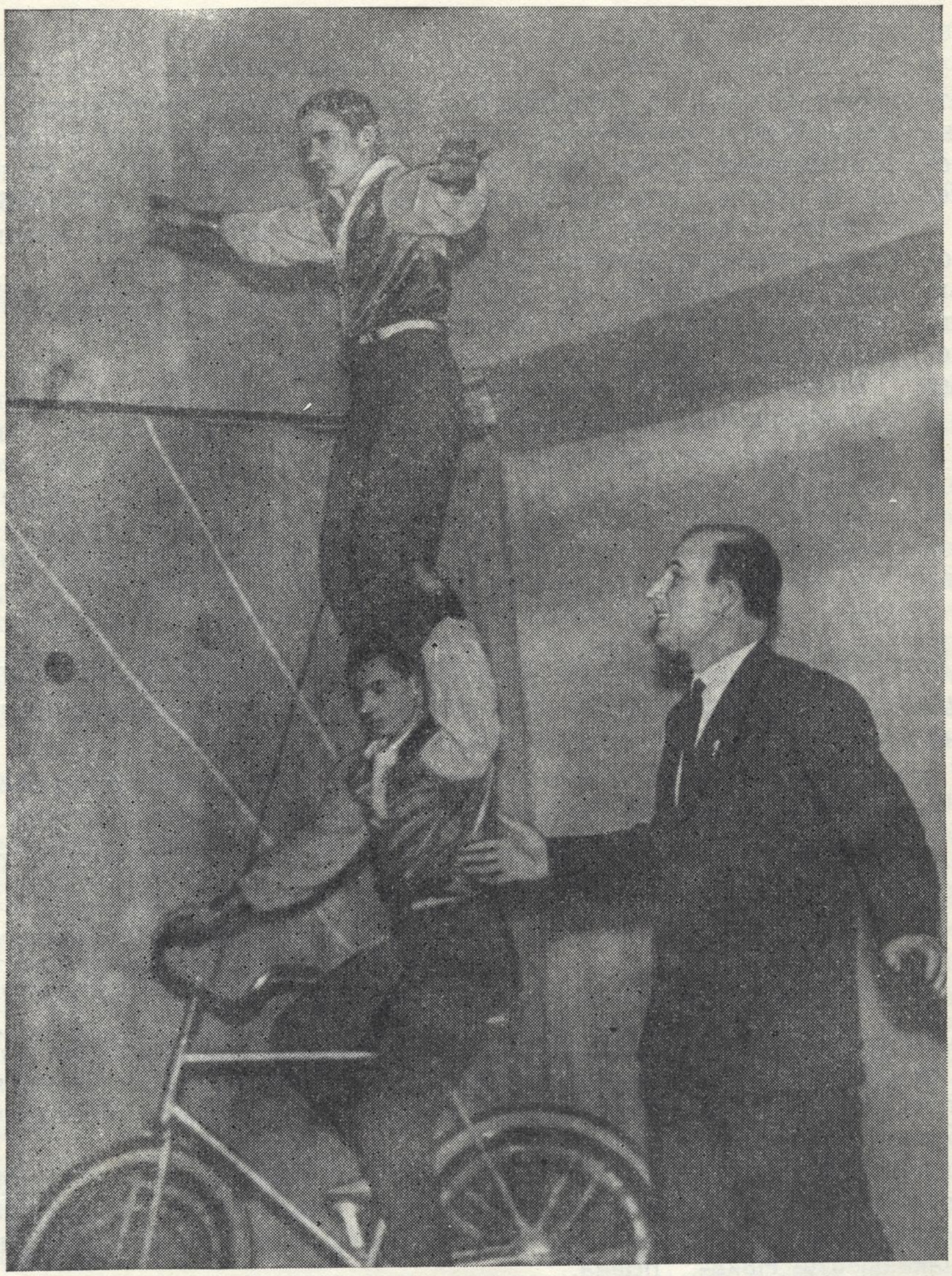
Это не значит, что пионерская организация может закрыть глаза на то, что некий пионер прогуливает уроки. Конечно, не может!

Это лишь значит, что за нарушения пионерской дисциплины пионерская организация должна взыскивать сама, своими средствами, не передоверяя это кровное дело администрации школы.

И если администрация школы подменяет общественные меры воздействия снижением оценки по поведению — она совершенно неправа.

Но ясно и другое: в школе, где учится Галя Русанова, пионерская дружина не имеет авторитета. Ребята с ней, как видно, не считаются. Вот и приходится вмешиваться школьной администрации.

Тим Добрый



На арене — Миша Чернописский и Саша Шуляк

ПИОНЕРСКИЙ ЦИРК «УЛЫБКА»

Кто поверит, что Гена Черняк был одним из самых неуклюжих людей в Харькове?

Во всяком случае, не тот, кто увидит его на арене пионерского цирка в роли клоуна и жонглера.

Теперь — это ловкий и изящный маленький циркач, такой же, как его товарищи из цирка «Улыбка».

Прежде чем стать жонглером, Гена перепробовал немало цирковых специальностей. Велофигуристом — не получилось. Эквилибристом — не получилось. Антиподистом (жонглером ногами) — не получилось. Акробатом... Много было смеху, когда Гена пытался оттолкнуться ногами от пола и сделать стойку. Кажется, именно тогда впервые возникла мысль: а не стать ли ему клоуном? Ну, а поскольку клоуны в пионерском цирке нередко сидят без работы — нет веселых интермедий — Гена по совместительству и стал жонглером...

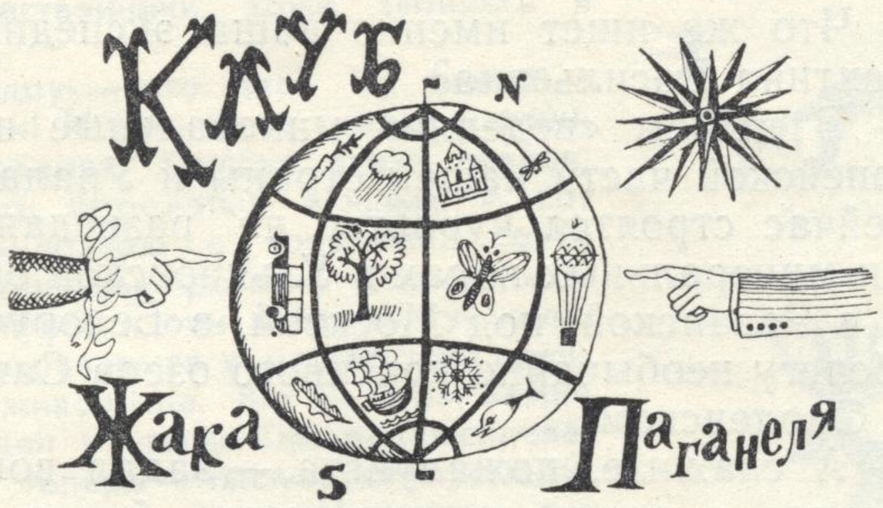
Конечно, не так: сегодня захотел — завтра стал. Это была упорная и систематическая работа. Впрочем, почему была? Есть! Артист цирка тренируется ежедневно!

Циркачи любят свой цирк. Нина Журавель и Валерий Сотченко живут за городом. Несколько раз в неделю приходится им приезжать в Харьков на занятия. И уроки учить успевают.

Хотите научиться жонглировать, как Гена, или, скажем, организовать школьный пионерский цирк по примеру харьковчан?

Напишите организатору и руководителю цирка «Улыбка», артисту Савелию Моисеевичу Вертейму. Посоветуйтесь с ним.

Адрес такой: Харьков, Дворец пионеров, пионерский цирк «Улыбка».



— Заходите, заходите! — приветливо воскликнул Паганель, распахивая двери перед корреспондентом Клуба Евгением Рейном.

— Но я не один, — возразил тот, — со мной Валентина Васильевна Алексеева и Том Федорович Стоинов.

— Пожалуйста, пожалуйста, — повторил приглашение Паганель, — только вот что это торчит у вас из кармана?

Член-корреспондент Клуба сунул руку в карман: — Ах, да. Не найдется ли у вас, дорогой Паганель, бокалов? Мне необходимо это выяснить, прежде чем начнется рассказ...

— Бокалов? — удивился Паганель. — Нет. Стаканы — пожалуйста.

Бутылку открыли и разлили содержимое по стаканам.

— О, — сказал Паганель, — замечательно! Это не простая вода? Наверное, это и есть начало вашей истории?

— Скорее, ее конец. А теперь я начну с самого начала.

Шел я по московской улице Талалихина, что за Абельмановской заставой. Вижу — садик, в глубине его небольшое здание. А посреди садика — буровая вышка. Гляжу — кругом кафельные плитки, люди в белых халатах ходят. Больница! И лечат не таблетками, а водой, которая через буровую скважину выходит из-под земли наверх.

— Так, — вмешался Паганель, — это та самая вода, которую мы только что пили?

— Та, да не та, — хотел объяснить я Паганелю. — Вода в бутылке тоже московская, но из другой скважины, не с улицы Талалихина, а из Останкина...

И тут в наш разговор вмешался Том Федорович Стоинов.

— Считается, — сказал он, — что на земном шаре около двух миллиардов кубических километров воды. А четверть этого количества — полмиллиарда — приходится на подземные воды. Это если заглядывать на глубину не больше чем 16 километров. И вода эта не простая, а минеральная. Она содержит в растворенном виде почти все элементы и, кроме этого, еще газы—углекислый, азот, метан. Случается, что в одном литре воды до 500 граммов разных солей.

Такая вода лечит болезни лучше всякого лекарства, а ищут и добывают ее точно так же, как золото, уголь, нефть. Делают это «гидрогеологи», люди, ищущие и изучающие подземные воды.

— И трудно их отыскать, эти воды? — заинтересовался Паганель.

Том Федорович вытащил из кармана карту, развернул. Вся территория Советского Союза была разбита на разноцветные участки — голубой, розовый, зеленый. И только кое-где встречались совсем небольшие серые пятна.

— Серые пятна, — объяснил Том Федорович, — обозначают места, где пока еще не обнаружили минеральную воду. Таких мест в Советском Союзе очень мало. Минеральные воды есть почти всюду, во всех краях. Так что совсем не обязательно ездить на Кавказ, чтобы выпить нарзану, не обязательно принимать лечебные ванны на улице Талалихина в Москве.

А разведчики идут дальше, буры уходят все глубже. Сейчас на Камчатке мы

ищем горячие минеральные воды, в Средней Азии — серные, в Сибири — нарзан.

— Кто же это «мы», — забеспокоился Паганель, — кто всем этим занимается?

Организация «Геоминвод». Сокращенно от слов: гео... — геология, минвод — минеральные воды. Сам «Геоминвод» находится в Москве, и ему подчиняются экспедиции, которые поделили между собой весь Советский Союз с юга на север и с запада до востока. В экспедициях этих работают и полевые рабочие, и буровики и, конечно, специалисты, гидрогеологи. А всех заинтересовал проблемой минеральных вод профессор Александр Михайлович Овчинников, он заведует кафедрой гидрогеологии в Московском геолого-разведочном институте. Ведь это большие глубины, пробиться к ним совсем не просто. И состав воды порой неожиданный, его надо точно определить. Даже происхождение минеральных вод до сих пор не выяснено окончательно. Некоторые предполагают, что минеральные воды — это остатки древних морей.

Если в чай бросить кусок сахара, вода немедленно пропитает его. Примерно то же произошло полмиллиарда лет тому назад с древними морями внутри пористых земных пород известняка и песчаника. С тех пор в глубинах Земли таятся древние соленые моря. Лишь изредка «посылают» они на белый свет своих вестников — минеральные источники.

Другие ученые связывают происхождение минеральных вод с вулканами. Есть еще взгляд, будто воды эти просто атмосферные осадки, просочившиеся в глубь Земли и растворившие в себе минеральные соли.

Спор этот возник давно, но до сих пор ни одна из трех теорий не может победить.

Тут в разговор вступила вторая гостья Клуба Валентина Васильевна Алексеева.

— Я тоже ученица Овчинникова, — сказала она, — я шесть лет не занималась минеральными водами. Правда, потом снова вернулась к своей профессии. Сейчас я главный гидрогеолог Центральной экспедиции.

— Что же ищет именно ваша экспедиция, Валентина Васильевна?

— В нашем «ведении» минеральные воды европейской части нашей страны и Урала.

Сейчас строятся курорты на разведанных нами минеральных водах в Ульяновской области, в Рязанской, под Москвой, в Белоруссии на берегу необычайно красивого озера Сапшо, под Смоленском.

— А скажите, пожалуйста, — задал вопрос Паганель, — когда вы начинаете бурить, вы уверены, что доберетесь до воды?

— А как же! По геологическим картам, по рельефу, по пробам, которые добывают из глубины, по расчетам, по нашим теориям мы находим место будущей скважины. Гидрогеолог должен видеть сквозь землю.

— Но как же обходились раньше, — изумился Паганель, — еще наши прабабушки и прадедушки ездили на минеральные воды. В Пятигорск или Кисловодск, например. А ведь тогда не было бурильных установок и кафедры профессора Овчинникова.

Тут уж вмешался и я.

— Почему же бабушки и прабабушки? В Швейцарии археологи нашли бассейн для купания в минеральной воде, которым пользовались три тысячи лет тому назад. Наверно, бассейн здорово помогал древним швейцарцам. Вокруг него лежало много подарков: в благодарность за излечение. А в Римской империи такие бассейны попадались на каждом шагу. Да и наши предки лечились «горячими» и «кислыми» водами.

Но все это были естественные источники, где минеральная вода сама сквозь щели в земной коре выходила на поверхность. Тут-то люди и пользовались ею. Нынче же целебную воду ищут и добывают.

И там, где гидрогеологи устанавливают свои буры, возникают скважины, наполненные целебной водой. Там возникают больницы и курорты. Там строятся заводы, разливающие подземные лекарства по бутылкам. В наше время в любом магазине можно купить минеральную воду самых разных свойств.

Продолжение заседания Клуба происходит в ущелье Чулакских гор

Пока еще руки ученых-специалистов не дошли до тех богатств, которые заключает в себе это ущелье... Прошлым летом ребята из краеведческого кружка города Алма-Аты побывали здесь. Добрались они сюда с трудом, тщательно скопировали наскальные рисунки и пока на этом дело кончилось. Ребята надеются, что летом им помогут школьники соседних с Чулакским ущельем сел — Чингильды, поселка Илийский, поселка Сараозек.

Член-корреспондент Клуба Николай Иванович Сладков пишет об этих местах так:

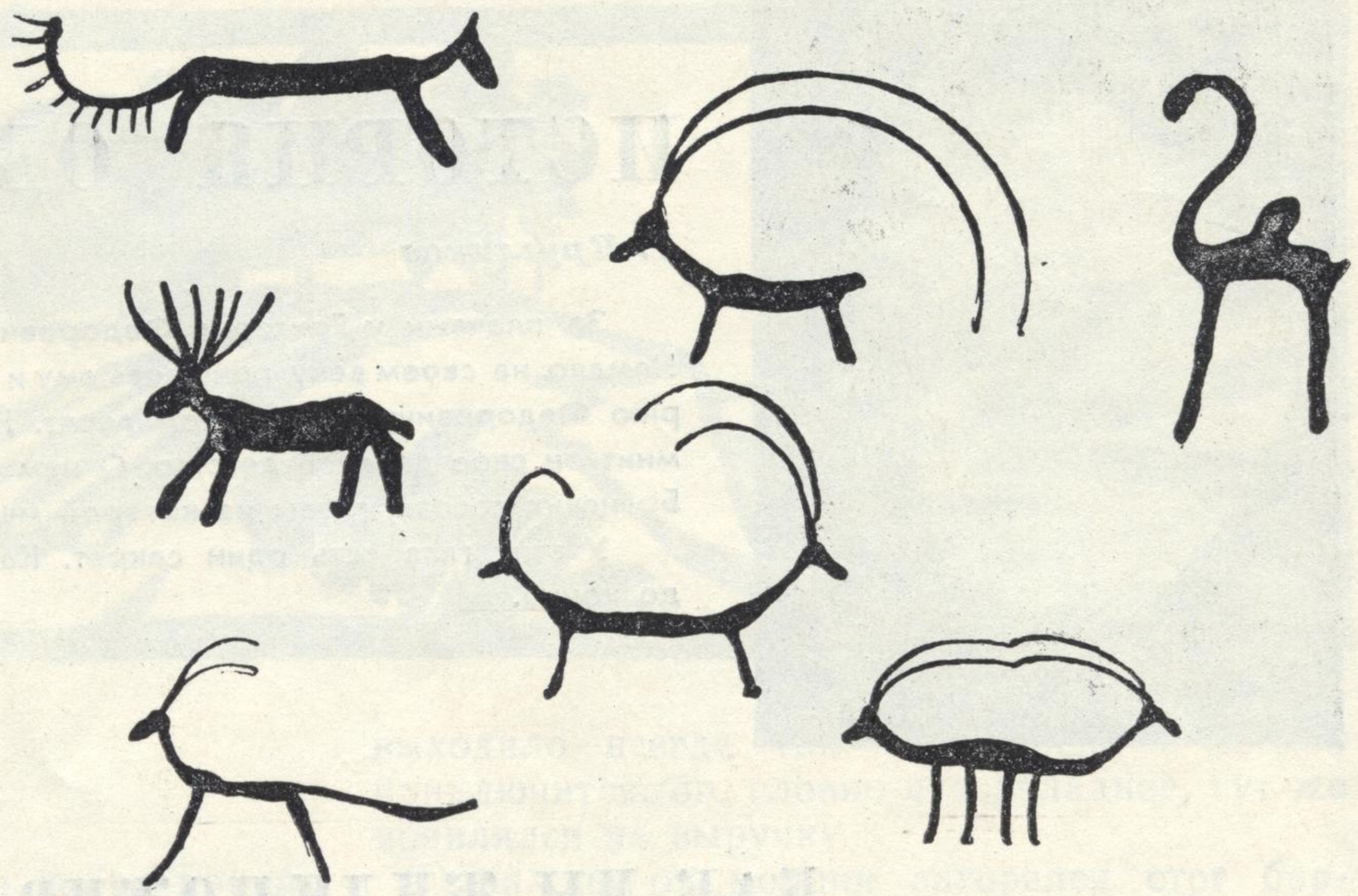
«Жара бывает в ущелье невыносимая. Звуки расплавляются и умолкают. Птицы забиваются в щели: крылья свесят, клювы разинут. Мы,

путешественники, тоже забились в тень...

И вдруг — что это? На скалах — рисунки! И там, и тут: целая картинная галерея! Больше всего козлов, рогатых, бородатых, важных. А вот бараны-архары с толстыми, круто закрученными рогами. Олени-маралы: значит, и они когда-то тут жили.

Всматриваемся в мастерскую древнего живописца. Вот на этом камне он сидел у стены. Свет падал справа: как и теперь — тысячи лет спустя. Тишина окружала его. И тысячи лет назад она была такой же, как сейчас. Солнце пекло. Лениво жужжали мухи. Вон из того ручья он пил, черпая воду ладонями. И капли воды стряхивал с бороды. А на этой скале выдалбливал эти рисунки.

Его сородичи отдыхали после тяжелой охоты. Блаженно лежали они в тени, сонно отмахиваясь от мух. Просыпаясь, подсмеивались над чудаком, упорно ковыряющим стену. «Все козликов да собачек выкалачиваешь?» — может быть, спрашивали они. «И оленей, и верблюдов...» — отвечал им художник.



Художник скоблил и скоблил. Взбудораженный, переполненный виденным, узнанным, понятым. Первый историк и живописец древних жителей гор. Счастливый уже одним тем, что никто ему не мешает.

Я вглядываюсь в рисунки на скалах: они живо напоминают что-то очень знакомое. Ну да, конечно: похожие рисунки, только углем и мелом, видели мы на стенах, заборах, панелях! Так вот рисуют дети. По правилу: «Точка, точка, два крючочка; ручки, ножки, огуречик — вот и вышел человечек».

Сегодня по этим рисункам мы узнаем жизнь наших предков. Каким оружием они сражались, на каких музыкальных инструментах играли. Как охотились, как танцевали. Каких зверей приручили, а каких упорно преследовали.

Наверное, сами художники боялись чего-то неведомого и непонятного. Вряд ли даже в те далекие времена жили такие странные звери, которых мы иногда видим на древних скалах.

Есть рисунки смешные. Баран с длинным хвостом, верблюд с гусиной шеей, козел с верблюжьим горбом. Охотники, прекрасно знавшие звериную стать, наверное, со смеху покатывались, глядя на этих уродцев.

Я перехожу от камня к камню, от скалы к скале — как от стенда к стенду. Время многое уже стерло. Многое потускнело от загара пустыни. Жесткие ветры затерли грани. Я с уважением глажу шероховатые камни. Я с завистью думаю о художнике, рисунки которого пережили века.

Спим мы в крохотной палаточке, поставленной между камнями. Ветер надувает ее, как воздушный шарик. По полотнищу с шорохом ползает разная дрянь. Мы уже сжились с фалангами и скорпионами, но сегодня натолкнулись на логово кара-курта. Дрянной паучок, с горошину, но не приведи бог придавить его ночью. Яд кара-курта в пятнадцать раз сильнее яда гремучей змеи: не зря его называют еще «черной вдовой» или «черной смертью». От укуса крохотного паучишки гибнут даже лошади и верблюды.

Тихо плещет ручей, скребутся о палатку кусты, пустынный козодой трещит уныло. С мелодичным звоном катятся плитки щебенки: кто-то и ночью ходит по скалам.

Утром мы покидаем Тайгак.

Со всех сторон смотрят нам в спину дикие козлы-теки: мертвые, выбитые на камне, и живые, застывшие, как каменные изваяния...»

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Г. Кругликов *Рисунки Т. Ксенофонтова*

За плечами у Григория Федоровича Кругликова долгая трудовая жизнь. Немало на своем веку пришлось ему и поработать, и повоевать. Теперь Григорию Федоровичу уже за семьдесят. Но по-прежнему ярко и отчетливо помнит он свое далекое детство. О нем он и рассказывает в повести «У самых Брянских лесов», главы из которой мы печатаем в журнале.

У этих глав есть один секрет. Какой — вы узнаете, когда дочитаете их до конца.

КАК МЫ ЖИЛИ-ПОЖИВАЛИ

1.

На крутом берегу Усовья озера, у самых Брянских лесов, среди ветвистых дубов и пахучей липы одиноко стояла хатка.

На запад от хатки, как глянуть глазом, раскинулись сочные заливные луга. По лугам петляет река Десна, а над ней повис железнодорожный голубой двухгорбый мост. Маячит на десятки верст. Поблескивает Усовье и Осетрово озеро, и озеринки, окаймленные кустарником, оплетенные цепкой ежевикой и жгучей крапивой.

В той-то хатке и проживала наша немалая семейка — шестнадцать душ. Одной детворы мал-мала меньше — тринадцать носиков насчитывалось. Восемь братишек и пять сестренок.

Ночью не так-то просто было пробраться к выходу, чтобы не наткнуться на кого-нибудь. Спали повсюду — и вповалку на полку́, пристроенном впритык к печи, и на лавках, наглухо укрепленных вдоль стен, и на печи, которая занимала большую часть хатки. А один человек — самый меньший из малышек — «сторожил» люльку, привешенную на крюку посередине избушки.

День в семье начинался так. В летнюю пору, чуть забрезжит рассвет, мама дает наказ на работу:

— Вы, Паша и Гриша, скотину на выпас гоните. Коровы мычат, на пастьбу просятся. Барин, ни дна ему ни покрышки, нагнал на отгул стадо коров да отару овец, и майся тут с ними. И стереги, и овец стриги, и готовую шерсть на барский двор доставь. А за все и спасибо не заслужишь. Такая-то наша незадачливая долюшка...

— А вы, Ваня и Вася, — продолжает мама, — на станцию ступайте. Хлеб на исходе, муки прихватите. Манюшка, займись картошкой, похлебку пора заваривать. А после ступай на озеро — будешь овец мыть. Да гляди, чтобы катышек на шерсти не оставалось, а то барыня снова будет лаяться. Ох, эта барыня! Годи ей, да годи, привередница этакая... А вы, Нюрочка и Сопочка, давайте на лужок, щавеля соберите. Ты, Гарасенька, колыхай Коленьку, рановато мальчонке просыпаться... — расписывала мама, что и как делать.

Вскоре пробуждаются и самые малые. И выглядывают с печки, поблескивая глазенками:

— Мам, мам, дай хлеба!

— Вот я вам, хлеба! Марш с печки! Хоть мордашки сполосните. Да и усаживайтесь похлебку хлебать...

Закончив одно дело, беремся за второе, третье. И дровишек нарубить, и огород прополоть, и воды с озера натаскать, и покос убирать, да в копны и в стог сено сметать... Всего и не перечесть.

У Гарасеньки, занимавшегося с Николашкой, свои заботы. Бывало, бежит к матери, помощи просит:

— Мам, мам, Николашка плачет! Что мне с ним делать?

— А ты ему соску дай, он и успокоится, — подает совет мама.

И Николашке дается соска. Не пустышка-соска с белым колечком, и не резиновый сосок на бутылочке. А такая была та соска: прожует

хорошенько Гарасенька черный хлеб — белый у нас только изредка по большим праздникам водился — и этот жом завернет в тряпочку, завяжет ниточкой. Вот соска и готова.

Но Николашка такую соску никак не желает брать и заливается «брянским» баском. Гарасенька все же настоит на своем, и малышка умолкает. Снова начинает дремать.

2.

Вот так и жили-поживали да добра припасали на том бережку у озера Усовья, у самых Брянских лесов. А взаправду признаться — с сохи на борону перебивались, как говаривала бабушка Сыроежка. День с квасом, а порою и с водою, не до жиру, а быть бы живу...

Не вольготнее отцу жилось и на своей родине в Красном Селе. Вырос он в бедной и многодетной семье, прихватил и подневольной жизни — барщины, а пришло время — в солдатах шесть годков отшагал. И лишь после этого обзавелся семьей. Да хлебнув на полутора десятинах земли крестьянской нужды, бесхлебья, плюнул на хозяйство в деревне и ушел в наем, в лесники.

— Шилом молочка не нахлебаешься, и голод не тетка, куска хлеба не подаст, — говаривал батя.

Был он человек незлобивого, мягкого нрава, и дети липли к нему, как мухи на мед. Потеребить ли бороду или так потереться — отбою от них не было.

Бывало, расшумимся мы, и мама скажет:

— Хоть бы ты, отец, утихомирил их малость! Голова кругом идет...

— Вот я до вас доберусь! Мало не будет! — пообещает батя.

Но ни до одного из нас за всю свою долгую жизнь так и не добрался.

— Чтоб я да своего ребенка тронул? Николи рука не подымется...

А когда на его широкую ладонь попадал малышка и он подбрасывал его под потолок, трудно было понять, кому из них приятнее?

— Ну, ну, отец, подкидывай всех подряд, — говорила мама. — Право, ты и сам глядишься, как малое дитя...

Но когда было надо, мог он крепко постоять и за себя и за свое потомство. И как-то выходило всегда так — если беда с детьми приключится, он, словно чуя неладное, тут же появлялся на выручку.

Однажды от молнии загорелся стог барского сена. Мы — да к нему: как не полюбоваться таким редкостным зрелищем? Но тут же к стогу подлетел и сам управляющий имением на буланом жеребце. И, ни слова не говоря, начал работать увесистой ременной плеткой. В кровь избивал.

Мы — врассыпную. Но далеко ли улепетнешь от такого наездника? Он настигал нас повсюду и все злее полосовал плеткой.

— А, молодчики, поджигатели! Будете знать у меня...

Его жеребец, казалось, вот-вот готов нас и вовсе стоптать. Глаза у него горят, с удил пена брызжет.

Но вдруг, с какой стороны, мы и не заметили, появился батяня. И лихой наездник оказался поверженным на землю. А батя, размахивая его же плеткой, выкрикивал:

— Да я тебе такую кузькину мать покажу! Век не забудешь!

Наш истязатель, елозя на коленях и защищая руками кудлатую голову, умолял:

— Стой, Григорьич! Помилосердствуй!

Большун нам скомандовал:

— Пошли бате подможем.

Но наша помощь не понадобилась.

Батя встряхнул управляющего и поставил на ноги.

— Ну то́-то ж! — промолвил он с хрипотцой. — За детишек сничтожу. Нашел, с кем в войну играться...

Мы, сгрудившись вокруг отца, удалились к себе домой. Батяня сказал:

— Ох, беды с вами наживешь. В наш век в народе говорится: с сильным не дерись, с богатым не судись. — И глубоко задумался: видно, всерьез опасался теперь лишиться своего места. А каково было с таким семейством

остаться без заработка? Но в тот раз все обошлось.

Вот так он и возился со своим потомством. И вскормить надо было, и вспоить, и заступу оказать, и уму-разуму научить. Дремать в жизни ему никак не довелось...

В УЧЕНИИ

1.

— Растут ребята, отец, — однажды сказала мама. — Как же дальше быть? Зачахнут без грамоты, света белого не увидят. В школу бы их отдать...

А как отдашь, если раздеты-разуты? Ведь на людях будут. Да и кормить отдельно от семьи доведется. А жить где? Не набегаются ребята каждый день за десять верст... Ох, мало ли чего надо...

— Придется телушку со двора долой али овцу по боку, — сказал отец. — А квартирку я им наглядел у Гусачихи. Сготовит что помалости. Харчишки-то со двора сами таскать будут...

Так наши старшие — Ваня, Вася да Пашка были определены в школу. Рады они были несказанно. Мордахи светятся улыбками, озорно поблескивают глаза. А мама наказывает: и берегитесь, и не озорничайте, и бабушку слушайтесь, Гусачиху...

— Спрос будет с Большуна, — наставляет отец Ванюшку. — Ты у меня гляди, чтобы все было в аккурате.

Мама собирает что-то в сумку, что-то запихивает ребятам в карманы, еще раз каждого оглядывает, потихоньку прижимает к себе, гладит по головам.

Бедная мама! Сколько приходится ей выносить на своих плечах! Раньше всех встать поутру, позже всех лечь, каждого обиходить, каждого обласкать. А уж если прихворнул кто, либо задержался, не вовремя явился, так она и вовсе забудет и про обед и про сон, все будет выглядывать в окно, прислушиваться к малейшему шороху.

Вот все готовы. Батяня впереди, за ним Большун, Вася, Пашка. Пошли, зашагали!

А мы, младшие, высыпали все до единого, провожаем.

И скрылись уже из виду, только помахали нам шапками...

Стоим, приуныли, будто что-то потеряли. Сиротливо стало вокруг.

За одну парту уселись наши старшие, хоть и не были равны по возрасту.

А придет суббота, все вместе снова собираемся. Тогда в хатке стоит шум и гам, как на ярмарке. Младшие рады еще и тому, что с приходом старших одежонка, обувка, какая ни на есть, пусть ненадолго, но поступает в общее пользование — деления на «твое» и «мое» мы не знали.

И вот, глядишь, Ванюшка, разводя руками, уже читает на память занятные стихи. А мы, малышня, разинув рты, затихаем и будто видим перед собой, как «сети притащили мертвеца», видим и волка на псарне, и старика со старухой у самого синего моря...

А Пашка — тот знакомил нас со всем светом: где и как живут неизвестные нам люди, какие есть страны.

— Далеко ли, Паша, до края света? — спрашивали мы. — И правда ли, что земля держится на трех огромных китах?

Пашка за словом в карман не лез. Видел, что мы всему верим, и привирал безбожно.

А батя, бывало, скажет:

— Ну-ка, грамотеи, пишите барину записку.

— Что, батя, писать барину?

— Пиши так: «Ратнику отпущено сена — один стог и один копяк. Чепику только стог...»

— Как же, батя, писать барину «копяк»? Надо бы писать «маленький стожок», — возражают наши грамотеи. — Да и Чепик и Ратник — это же не фамилии, а прозвища.

— Вот заладили — прозвища! — усмехается отец. — А те и сами свои фамилии давно запамятовали. Всяк их знает по прозвищу, кого ни спроси в деревне. И сено тож: стог — это стог, а копяк — это если скинуты копны три-четыре вместе. Потому пиши, как велю, а я скреплю.

Скреплял отец документы тремя крестиками (он не умел расписываться), а учет всех угодий барина, порученный ему, вел на дубовом батожке. Зарубинки, крестики, вырезки разные — точная грамота, ни стереть, ни подправить...

Телушки и овцы, проданных батей, хватило ненадолго. Скоро невмоготу стало для семьи ученье наших ребят. Тогда на выручку пришла старшая сестра Маня.

— Пойду, — говорит, — на работу, на барский двор.

— Что же делать, доченька, — ответила мама. — Не иначе, приходится впрягаться. Надо как-нибудь вытащить ребят из темноты.

А батя, глядя на Маню, сокрушенно промолвил:

— Выходит, бит небитого везет...

В страдную пору, когда созревали хлеба, бегали и мы, подростки, работать на барский двор: табак под корень срубали да отвозили

его на лошадях в больших телегах к табачным сараям.

Долог рабочий день на барском дворе, от зари утренней до зари вечерней — восемнадцать часов. А случалось, и ве́чера прихватишь, когда вдруг заявится сам барин. Зычно кричит он на все поле:

— Нажми, нажми, ребятушки! Перестоялся табак...

— Черт бы его взял вместе с тобой! — негромко переговариваются бабы из соседних деревень, работающие на поденке. — Больше гривенника все одно ведь не заплатишь... И так на картошке перебиваемся, в левую руку и взять нечего...

Ну, а подросткам, вроде нас, за тот же длинный-предлинный день цена и вовсе медный пятак на нос.

Вот так и жили. Не сладко ели, на голых досках спали. Но крепко держалась семья на верности, на любви.

Тем и брали.

2.

Бабушка Сыроежка говаривала:

— Не все коту масленица, поел — да на печку, и облизывайся...

Пришел черед поучиться и мне, и я узнал, что такое кузькина мать.

Мать и отец долго ломали голову, как быть со мной.

— Подтянулся хлопчишка, на одиннадцатый повернуло, надо и его поучить, — настаивала мама. — Никак рознить ребят нельзя. Что одному — то и другому, всем поровну...

— Да, мать, я тож не раз подумывал, как быть. Отдать с большими в Кокино, в школу — не сдюжить. Ты на гору, а черт тебя за ногу: стой, погоди!

Так и не могли ничего придумать, но завернул как-то к нам дядюшка Володя, мамин брат, и присоветовал:

— Можно мальчонку и ко мне. Глядишь, и по хозяйству притрется, да заодно и в школу побегает. Учить надобно, чтоб жизнь понял...

— Да-а, — задумчиво сказал батя, когда дядюшка распрощался. — Не по нутру мне твой Володя. Не нашего поля ягода. Ну, да поглядим, что-нибудь придумаем, обмозгуем...

Но, видно, родители не нашли иного выхода, и вскоре попал я в деревню Мякишево, в ученье к дядюшке. Нужно ли говорить, что чувствовал себя там, как зверек в клетке?

Дядюшка мой был брюхаст, лобаст, с мясистым носом и шею колесом не объехать. К тому же старой закалки: суров, себялюбив, чванлив. Выбился возле барина и голову вверх поднял. Потом где-то на Ярославщине таких же господ обслуживал, в управители имением вышел. Так и набрался спеси — не подступиться к нему. Возвратясь в свое Мякишево, обзавелся лавчонкой, торговлей занялся.

В доме он был полновластным, не терпящим возражений хозяином. Все на цыпочках перед ним ходили.

— Ну, тише вы! — предупреждала тетка, дядюшкина жена, меня и дочку Клавушку. — Сам идет...

А Клавушка, которая доводилась дядюшке падчерицей, курносая, курчавая, напомаженная, готовая к выданью, и тетушка, дородная, разъевшаяся на добротных харчах, с отвислым подбородком, стоят перед дядюшкой, не шелохнутся...

Тетушка называет Клавушку «моя фирная барышня» и перед нею юлит. А Клавушка подмазывается к дядюшке, папочкой его называет. Вертится возле него тоже как юла.

На меня же Клавушка глядела, как на неровню. И дядюшка поначалу со мной и трех слов не сказал.

Не порадовала и деревенька. Хатки маленькие, покосившиеся, прилепились по взгорью, стоят уныло. Ни деревца, ни кустиков вокруг, неприветливо.

Внизу, возле деревеньки, болотина. Пасутся там три-четыре лошаденки, с десяток телят да пять-шесть стаек гусей. Посередине болотины промыто русло речонки. Но воды в ней — и гусю лап не намочить. Видно, ребята соорудили здесь запруду, но и у запруды неглубоко — по пояс подростку. И вода здесь мутная, синеватая — по верху плавает гусиный пушок и перышки.

В жаркий летний день тут кипит жизнь: лошаденки, погрузившись по брюхо в воду, помахивают мокрыми хвостами, у самого берега в вязкой грязи копошатся свиньи, а рядом — ребята всяких возрастов, вплоть до самых малых.

Эх, вы, мазурики! Показать бы вам наше Осетрово озеро, сочные, заливные деснянские луга, запустить бы вас в сосновый брянский бор! Вот бы ахнули!

Нет, я все еще жил своим Усовьем озером, своей хаткой и никак не мог примириться с чувством одиночества, никак не мог привыкнуть к несправедливости.

Живут же бок о бок с деревеньками два барина. Их поместья, выделяясь на косогоре, переглядываются через болото, как родные братья. Пышные липы, тополя и клены манят в прохладу, поблескивают просторные пруды... Но все это угодья барские. Деревенским малышам туда доступа нету. И куда ни глянь — всюду в барское упрешься, повсюду запрет. Все раздолье для ребят — болото.

Верно говаривала бабушка Сыроежка:

— Вот те и Русь святая, дорогая, кому родною матерью, кому злой ведьмой доводится...

Как-то потребовал меня к себе дядюшка и повел такой разговор:

— Садись-ка рядком, потолкуем ладком, да и к делу уж надобно приглядываться. Чай, уж не маленький, — говорил он, через каждое слово вставляя свое «уж». — Перво-наперво будешь бегать под горку в сараюшку керосин да деготь мужикам отпущать. Мерку там сам увидишь, фунт и полфунта. А цеплять из бочки старайся сбегу, снаскоку, сунул ее и тут же выхватывай. Так и получится — зацепил вроде бы сполна, а в мерке не более половины...

— А промеж дел уж, — продолжал он, — дровишки рубай и по топкам их разноси. А там конюшню да коровник надобно вычистить, корму скотине задать, напоить надобно. Еще воды подсобишь натаскать да сепаратор крутить. Так-то уж, в хозяйстве завсегда работа найдется. Кусок хлеба всяко отработать надобно. А на ночевку будешь бегать к тетке Марье, да заодно и хлебать там будешь. Понял ли?

— Все понял, — отвечал я. Хоть понял всего лишь наполовину.

Так и началась новая жизнь, трудовая. До свету встать, затемно убраться. А дядюшка все учит, все торопит: навоз надобно вывезти, лошадям и коровам подкормки накосить.

— Ступай-ка, ступай-ка да поворачивайся!

И так-то за день-деньской наступаешься, что к вечеру чуть шевелишься. Хорошо еще, закалка добрая была, а то и вовсе ноги бы протянул...

Погоняет и тетушка — то молочную вымыть, да чтоб березовым голиком проскрести, свиней сывороткой напоить, кухню и горницу подмести, по углам паутину снять и... и... горшочек из-под кровати Клавушки вынести да водичкой его ополоснуть...

— Чего ты? Тетушка! О горшочке дядюшка ничего не упоминал! — а сам на нее зверем.

— Вот каким ты зверенышем глядишь! — воззрилась на меня тетушка. И ладит подзатыльник отвесить.

— Стой, стой, тетушка! Подзатыльников нам и мама никогда не давала, никогда... Не дамся!

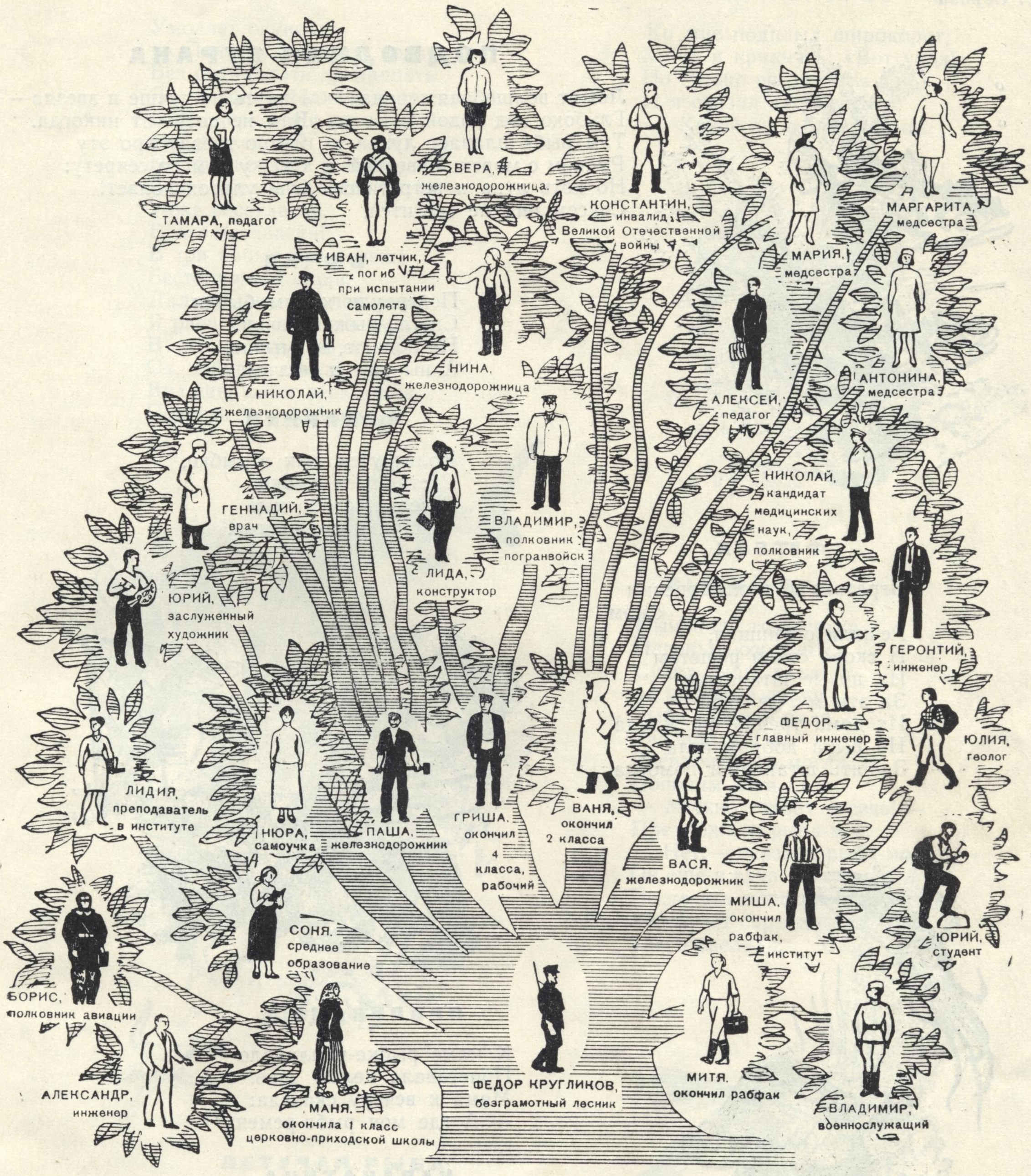
Видно, тетушка и вправду испугалась: и рукам волю не дала, и дядюшке не пожаловалась.

Так-то вот я и обживался на новом месте: с утра раннего и до вечера позднего у дядюшки в работе.

* * *

Что же произошло дальше с семьей брянского лесника? Как сложилась судьба его детей и внуков уже после революции, при советской власти?

Оказывается, чтобы рассказать об этом, понадобилось бы написать очень толстую книгу, а может быть, даже не одну. Но рассказать надо. Как же быть?



Когда-то в прежние времена дворяне очень любили изображать свои родословные. Чем больше в их роду было именитых вельмож, титулованных сановников, тем больше они гордились. У нас, конечно, иная гордость. И вот мы подумали: а что если попробовать изобразить родословную Кругликовых? Так и сделали. И теперь, если вы внимательно рассмотрите этот рисунок, вам сразу станет ясно, как же сложилась судьба семьи безграмотного лесника Федора Кругликова, кем стали его дети и внуки.

Е. Серова

ПОДВОДНАЯ СТРАНА

Лежит волшебная страна
Глубоко под водой,
Там рыба плавает луна
Рядком с морской звездой.
Но хоть луна и встретится,
Совсем она не светится,
Ничуть не лучше и звезда—
Вам не посветит никогда.
Я про звезду про эту
Скажу вам по секрету:
Она улиток лопает!

БЫЧКИ

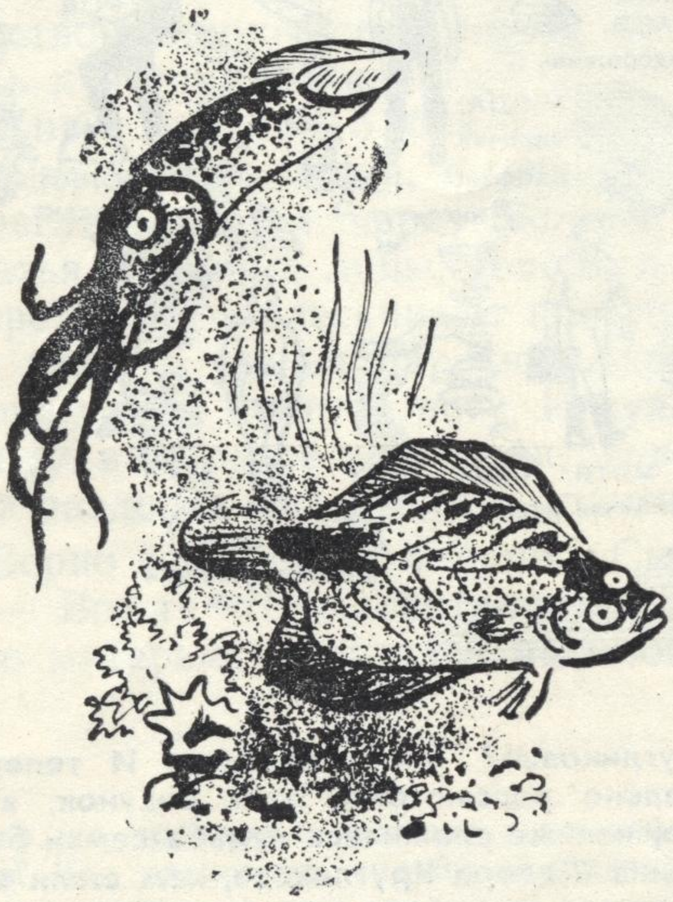
Повернули к нам бычки
Светло-рыжие бочки,
Не бодают, не мычат,
А ныряют и молчат.

ФОНАРИКИ

Колышутся, как в зыбке,
Светящиеся рыбки,
Веселые, свободные
Фонарики подводные.

ФУТБОЛ

Играть в футбол морским ежом
Решили окунишки,
И скоро стали решетом
Их новые штанишки.
За эти милые дела
Их дома трепка бы ждала,
Но рыба добрая игла
Зашить штанишки помогла.



ПРИЛИПАЛО

К маме рыбка-прилипало
Приставала целый день.
Мама к вечеру сказала:
— А где моя рыба-ремень?

КАРАКАТИЦА

Кто чернила вылил в пятницу
Бедной камбале на платьице?
Ну, конечно, каракатица!
Пусть к морскому черту катится!

ДЕЛОВИТЫЙ ОКУНЕК

Умоляет окунек:
— Подвези, морской конек!
Без пятнадцати двенадцать
Я с салакой должен драться,
В час дерусь я с карасем —
Мы расходимся во всем!
Не пробьет еще и двух,
Будет ждать морской петух —
Тоже несогласия,
Будет катавасия!
В три побью я не спеша
Бестолкового ерша,
Дальше, ровно к четырем,
Я расправлюсь с пескарем,
В пять найду я рака —
Ох, и будет драка!
Видишь, занят весь денек,
Подвези, морской конек!

ЛЕТУЧАЯ РЫБА

Я прыгучая,
летучая,
Залетела бы на тучу я,
Да соскучилась бы вскоре,
До того люблю я море!

ШИРОКОРОТ

Ко мне подплыл широкорот,
Хотел я крикнуть: «Вот урод!»
Но грозно он разинул рот,
И я сказал наоборот:
— Какой вы симпатичный!

РЫБИЙ СУД

Нынче судят окунька,
Паренька-озорника,
Судят рыбы, раки
За шальные драки.
Рыба грозная пила
Заявила: «Я бы
Распилить его могла,
Пополам хотя бы!»
— Можно голову отсечь! —
Предложила рыба-меч.
— Нет, — сказала рыба-молот, —
Он еще и глуп и молод,
Постегать морской крапивой —
Это будет справедливо.
Так и сделали.

Рисунки
Е. Захарова

Восемьдесят восемь дорог

ПОВЕСТЬ

Николай Печерский

Рисунки Ю. Шабанова

СИНЯЯ ПТИЦА ГУРАК

Тронулись в путь только в полдень. Мы наводили справки о Давлятове и Луневе и вызвали к Олиму врача из соседнего кишлака. Он был молоденький, но в медицине разбирался, как бог. Врач осмотрел Олима, ощупал все его косточки, а потом щелкнул Олима пальцем по носу и сказал, что он абсолютно здоров. Этот диагноз немного разочаровал Олима. Впрочем, он скоро позабыл о своих недугах, перестал хромать и снова стал Олимом — то есть человеком, от которого никому нет покоя и, видимо, никогда не будет.

Караванче оставался в кишлаке. Ночью вода разрушила на острове овчарни, и дехкане строили новые. Караванче возил на своих верблюдах доски и бревна. Старик пошел провожать нас. Он шел рядом с Олимом и, указывая на Игната, что-то строго и внушительно разъяснял ему. Олим кивал головой и повторял:

Продолжение. См. «Костер» №№ 4—5, 1967 г.

— Хоб, ота! Хоб, ота!

На окраине кишлака караванче остановился, указал смуглым сухим пальцем на тропку. Она вилась вдоль хлопковых полей, огибала одинокий утес, затем весело бежала меж зеленых холмов к высоким, синевшим вдалеке горам.

— Машины сейчас не ходят, — сказал караванче. — Вода поломала мосты. Пойдете пешком. Вот по этой тропке. Видишь?

— Вижу, ота.

— Тропка доведет вас до ручья. Там повернете влево и снова пойдете прямо. В долине возле двух гор пасет отару мой друг Бекмухамедов. Он на два года старше меня. Запомнил?

— Запомнил, ота.

— Бекмухамедов накормит вас и покажет дорогу дальше. Это хороший человек. Он на два года старше меня. Запомнил?

— Запомнил, ота.

— Ну, тогда — хайр! Олиму я все сказал.

— Что вы сказали, ота?

— Я сказал все, что надо, —уклончиво ответил караванче. — Хайр, рафик Нечаев.

— Хайр, ота!

Старик прижал меня к груди, похлопал по спине и тихо, так, чтобы слышал только я, сказал:

— Хороший этот парень, Игнат. Серьезный. — Разгладил горстью бороду и еще тише добавил: — Джигит...

Мы пошли по тропке, которую указал караванче, и скоро увидели ручей. Он струился из отвесной скалы, свивался веревочкой, бежал по деревянному желобку и с легким звоном падал на плоский камень. Вокруг мерцала радуга. Мы напились, отдохнули и снова тронулись в путь.

По дороге мы увидели корявое, сваленное бурей дерево. Ствол его переломился надвое. Дерево держалось на куске плотной, как ремень, коры. Оно было еще зеленое. Среди ветвей темнело птичье гнездо, а рядом жалобно пищал в траве и трепыхал крыльями птенчик. Первой увидела его Муслима. Она села на корточки, бережно выпутала из травы тонкие лапки и понесла на ладони к нам.

— Александр Иванович, посмотрите, какой хорошенький. Он остался без матери. Мы его возьмем с собой. Правда?

Птенчика стало жаль и мне. Бросать его было рискованно. Он только чуть-чуть подлетывал. Тут его в два счета сцапает лиса, которая мышкует в горах, или серый, одичавший в сопках кот. Я видел, как он крался за нами по высокой сухой траве. Наверно, хотел что-нибудь стянуть у нас.

Вокруг Муслимы собрались знатоки птичьего дела. Они осмотрели птенца, полюбовались ярким серебристо-синим оперением и сказали, что это гурак — птица, которая, по преданью, приносит счастье человеку. Суеверных людей сейчас уже мало. Но дехкане, как и прежде, любят синюю птицу гурак. Любят за то, что она не делает никому зла, за веселый, пронзительно-чистый голос, за глубокую синеву пера.

Мы соорудили для гурака уютное переносное гнездо: в тюбетейку положили носовой платок, а сверху нащипали мягкой пушистой травы. О такой квартире другие птицы могли только мечтать!

Но маленький груз оказался тяжелым. Его надо было нести на руках, как тарелку с супом, который боятся расплескать. Кроме всего прочего, у птенца оказался беспокойный характер. Он норовил выпрыгнуть из тюбетейки и дать стрекача в горы.

Несли гурака всей артелью, по очереди. Только Олим отказался от этой трудовой повинности. Он нашел где-то длинную палку и подсекал под самые шляпки малиновые, разросшиеся вокруг репейники. Они летели во все стороны, как пули.

Муслима пожаловалась Игнату. После истории на овечьем мосту ребята стали относиться к нему как-то совсем по-другому. А Подсолнух даже назвал его однажды на «вы». Можно было позавидовать этому человеку. Он не искал секретов дружбы. Не думал о них. Дружба к нему приходила сама.

Игнат выслушал Муслиму. Он подошел к Олиму, протянул ему тюбетейку с птенцом и сказал:

— Ты, однако, чо? Ты птенца возьми...

Олим взял тюбетейку и нес, пока его не сменили. Может, он сделал это из благодарности за спасение, может, не хотел ссориться с Игнатом, а может, и просто побаивался его. Судить не берусь. Но мне очень хотелось, чтобы мальчишки нашли общий язык и наконец помирились.

Тропа круто брала в гору. Мы останавливались, отдыхали и снова шли вперед. Вскоре мы добрались до самой вершины. Сложили рюкзаки, сели на теплые, покрытые пестрыми лишаями камни и стали смотреть вокруг. Внизу, под нами лежали рыжие, изрезанные оврагами горы, плыли белые продолговатые облака. Они были похожи на льдины, которые торопятся весной по реке в незнакомые дали. Мы смотрели на острые шпили гор и молчали. То, что ждет нас впереди, казалось доступным и легким. Так всегда бывает на высоте. Я испытал это много раз.

Тропа звала нас вдаль. Она опустилась

вместе с нами по каменным ступенькам, напилась воды из горного ручья и весело побежала дальше. Вокруг, насколько хватало глаз, стлались густые альпийские луга, цвели красные кумачовые цветы. На самом краю земли, там, где дрожало текучее марево, ходили белым косяком овцы. Ветер гнал оттуда дым костра.

До края земли оказалось недалеко. Там, возле костра, сидел чабан и варил в котелке какую-то еду. Рядом стояли огромные, грязно-серые волкодавы. Они были похожи на клубки шерсти, скатанные как попало торопливой рукой. Волкодавы смотрели на своего хозяина и дружелюбно мигали глазами. Собаки увидели Гранку и грозно зарычали. Но чабан замахнулся на них палкой, и они сразу пришли в себя.

— Салом алейкум, ота! — сказал я.

Чабан попробовал ложкой еду, прикрыл глаза, разбирая вкус варева. Потом щелкнул языком и ответил:

— Алейкум салам. Садитесь. Будем ужинать.

Таджики вначале накормят путника, а потом уже начинают расспросы. Мы поели горячей, пахнущей дымом шурпы, а затем рассказали вкратце о себе и показали чабану нашу птицу. Она сидела в тюбетейке присмиревшая и почти не подымала головы. На крохотный черный глаз набегала тонкая белая пленка. Перед этим я уже успел шепнуть чабану, чтобы он не расстраивал нашу Муслиму.

— Она у нас впечатлительная и плохо спит, — сказал я.

Чабан молча кивнул головой. Он осмотрел птенца, погладил пальцем серебристо-синюю шейку и сказал:

— Хорошая птица. Гурак называется. Больная немножко.

По щекам Муслимы, оставляя два узеньких неровных следа, потекли слезы. Она держала тюбетейку в руках, смотрела на гурака и подбирала языком слезы.

— А-я-я-я-я-я-я! Зачем плачешь? — спросил чабан. — Лекарства дадим, зернышек дадим. У меня один друг есть. Чабан. Тут недалеко. Птиц лечить умеет. А теперь пускай гурак спит. Сама спи. Гурак спи.

Мы с надеждой слушали чабана.

— Ему муравья надо дать, — вмешался Олим. — Для гурака муравей получше плова. Сам из рук отнимает. Верно, бобо?

Чабан не дал прямого ответа. Он посмотрел куда-то вдаль и сказал:

— Не знаю. Друг знает. Завтра расспросим. Завтра к нему сам пойду.

После слов чабана сомнений ни у кого уже не было. Даже у меня.

Мы построили нашему гураку дом из темного гранита. А сверху дом накрыли большим плоским камнем. От дождя, от ветра, от серого, одичавшего кота, который неотступно шел за нами. У него наверняка была какая-то подлая цель. Потом, когда мы все устроили, чабан выкатил из юрты шерстяной палас и начал подметать его веником из свежей полыни. Фаланги и зловредные скорпионы не переносят запаха полыни.

— Спите спокойно, — сказал чабан. — Собаки никого не пустят. Гурак тоже будет спать.

Мы улеглись на паласе. Где-то за горой кричали противными голосами шакалы. Раз или два мелькнули в темноте круглые зеленоватые глаза. Видимо, это был кот-ворюга. Но волкодавы лежали возле паласа и тихо рычали. Кот не посмел приблизиться к нам.

Вокруг мерцали тусклым серебром горы. Над ними синело небо. В нем, будто стертые медные гвоздики, блестели далекие звезды. Мне казалось, я лежу на дне огромной чаши. Она, эта чаша, покачивается и плывет в далекие-предалекие дали. Но это покачивалась не чаша. Это убаюкивал нас добрый волшебник-сон.

Ночью я проснулся. Игната и Олима, которые легли с вечера рядом со мной, не было. Я приподнялся и стал оглядываться. И тут от сердца у меня сразу отлегло. Мальчишки стояли возле домика нашего птенца и о чем-то тихо шептались.

— Ну, чо, живой, однако, или не живой?

Олим, наклонившись, разглядывал гнездо гурака. Он разогнулся, взялся рукой за поясницу, будто старик, и сказал:

— Наверно, не выживет. Дрожит, будто у него малярия. Посмотри...

Игнат стал на колено, наклонился над гнездом. Потом поднялся и что-то тихо сказал Олиму.

Олим отрицательно покачал головой.

— Между прочим, в темноте ничего не найдешь, — услышал я. — И гадюка может покусать. Сунешь руку, куда не надо...

Игнат настаивал. Олим не соглашался. Тогда Игнат накрыл птичий дом камнем и сказал:

— Раз не хочешь, не надо. Сам, однако, найду...

Игнат ушел куда-то в сторону от юрты. Олим постоял немного и побрел за ним в темноту. Делами мальчишек заинтересовался скучавший волкодав. Он зевнул, посмотрел на

своего спящего хозяина и побежал неуклюжей рысцой к Игнату и Олиму.

Мальчишки долго бродили по долине, потом остановились, стали светить тусклым карманным фонариком. Видимо, что-то нашли. Потом заскулила собака, раздался веселый смех.

— В муравейник мордой попал, — услышал я голос Олима.

Через несколько минут к паласу примчался волкодав, упал на траву и стал наотмашь колотить лапой по морде. Он долго скулил, потом успокоился. Видимо, разогнал муравьев.

Мальчишки вернулись к гнезду птенца. В темноте мигал фонарик. Слышался озабоченный шепот. По отрывочным фразам, которые долетали до меня, я догадывался, что гурак не желал есть муравьев. Он вертел головой и выбрасывал еду из клюва.

Минут через двадцать Игнат и Олим вернулись. Они молча легли возле меня и уснули. Скоро сон сморил и меня.

Проснулся я в самый разгар событий. Возле птичьего домика сидела Муслима и плакала. Слезы у нее текли двумя тоненькими быстрыми ручейками. Рядом стоял Олим и другие ребята. Они были заспаны, полуодеты. Игнат в одних трусах орудовал у костра. Он уже приволок откуда-то сухой, источенный короедом ствол дерева и рубил его похожим на сапку топориком. Щепки летели из-под топора во все стороны.

Я сбросил с ног халат, которым прикрыл меня ночью чабан, и подошел к ребятам. Олим что-то объяснял Муслиме. На загорелом лице его были смятенье и тревога.

— Между прочим, ты зря плачешь, — убеждал Олим. — Я тебе говорю, он улетел... взял и улетел... Игнат, иди сюда. Эта женщина мне не верит!

Игнат стучал топором. Не разгибаясь, он посмотрел на Муслиму из-под руки. Ударил еще несколько раз топором, потом наступил на ствол и с треском переломил его надвое. Выпрямился, подумал секунду и пошел к нам, заправляя под ремень свою серую, взмокшую на плечах рубашку.

Все с надеждой и ожиданьем смотрели на Игната.

— Ведь верно я говорю? — спросил Олим. — Утром мы с Игнатом проснулись. Слышим — пищит. Ну, мы туда. Сняли камень, а он — прыг на верхушку и сидит там. Я говорю: «Игнат, он же улетит». А Игнат отвечает: «Пускай, однако, летит. Птицу неволить нельзя». А потом гурак расправил крылья и — фрр... Только мы его и видели. Он, наверно, вчера перепугался, а потом отошел, отогрелся за ночь... Я, между прочим, ничуть не вру. Очень мне надо. Правда, Игнат?

Муслима смотрела на Игната мокрыми от слез глазами. Игнат покраснел. Он переступил с ноги на ногу, кашлянул в кулак и сказал:

— Верно, однако, говорит. Улетел гурак...

Мы сели завтракать. Над яркой, по-весеннему зеленой долиной летали в вышине птицы. Муслима пила чай из маленькой золотистой пиалки и украдкой поглядывала вверх. Искала свою птицу гурак. Она верила, что птица, которая приносит людям счастье, жива. Мы тоже верили этому и были счастливы.

Только Игнат и Олим не разделяли общей радости. Руки и грудь у них были в красных пузырчатых волдырях. Мальчишки украдкой чесались и морщились от зуда и боли. Наш хозяин заметил это. Он подал пиалу Олиму, указал глазами на волдыри, облепившие его руки, и спросил:

— Что это у тебя, Олим-джан?

Олим-джан смущенно опустил глаза.

— Между прочим, бобо, это я крапивой, — сказал он, — прямо все руки сгорели...

Чабан прищурил и без того узкие глаза, будто хотел получше рассмотреть Олима. Покачал головой и сказал:

— Пойдем в юрту. У меня там масло есть, так и быть — помогу...

Олим и Игнат отправились в юрту смазывать свои волдыри. Пошел за мальчишками и я.

Чабан не торопился. Так повелевали законы медицины. Он налил в блюдечко какого-то темного густого масла, бросил туда щепотку соды и размешал все это пальцем. Потом усадил рядом с собой Олима, заголил его руку и стал втирать мазь своей шершавой растрескавшейся от работы ладонью. Остановился на минуту, вытер лоб и вздохнул.

— Ох, Олим-джан, Олим-джан! Ну разве так можно?

Олим смиренно смотрел на своего спасителя.

— Что вы, бобо?

Старый чабан смазал вторую руку Олима и только тогда, выделяя каждое слово, сказал:

— Запомни, Олим-джан, эта птица муравьев не ест. Запомни!..

Чабан растер черной мазью второго пострадавшего, потом вывел нас из юрты и показал тропу.

— Идите прямо и прямо, — сказал он. — Пусть будет легко вашим ногам. Хайр, бачаго!

— Хайр, бобо!

Мы взвалили рюкзаки на спину, поклонились старому чабану и тронулись в путь.

В Конгурт мы пришли совсем разбитые. Сначала хотели проситься на ночлег в чайхану, но потом передумали и выбрали местечко на краю поселка. Тут росли деревья и бежал небольшой арык. Было тихо и спокойно. На веревке ходила по кругу, как часовая стрелка, белая бородатая коза.

Вода в арыке была мутная, как в блюдечке, где моют кисточки. Я наклонился и зачерпнул горсть. На ладони замерцали юркие неуловимые золотинки. Эта вода пришла из какой-нибудь горной речки. Возможно, даже, из Кызыл-су, которая была уже где-то тут недалеко.

Я назначил дежурных. Игнату поручил поставить палатки и наносить туда травы, а Олиму — развести костер и готовить ужин.

— Я ухожу в Конгурт, — сказал я. — Вы люди самостоятельные. Надеюсь, все будет в порядке.

Я оставлял мальчишек вдвоем нарочно. Сегодня, когда мы шли в Конгурт, они снова поссорились. Игнат не замечал Олима, не отвечал на его вопросы. Короткое перемирие, которому я радовался, закончилось. Все начиналось сначала...

Мальчишки по-разному приняли мое поручение. Игнат смотрел куда-то мимо меня и недовольно шевелил бровями. Олим против дежурства и общества Игната не возражал.

— Между прочим, Александр Иванович, вы не волнуйтесь. Мы тут с Игнатом все провернем.

Он взял Игната за руку и пошел с ним к арыку. Там, сваленные в кучу, лежали наши вещи. Игнат высвободил свою руку. Но Олим снова завладел ею.

— Ты, Игнат, не волнуйся, — услышал я издали. — Со мной не пропадешь!

Я невесело ухмыльнулся и пошел в Конгурт по узкой, бегущей рядом с арыком тропке. Надо было позвонить в редакцию, встретиться с директором школы и поговорить со школьниками. В кишлаке их, как звезд в небе. Целый день они гоняют по улицам. Все видят и все знают. Так мне советовал Расул Расулович.

Я шел в Конгурт, думал об Игнате и Олиме. Со всеми другими Игнат жил душа в душу. Только с Олимом у него все шло наперекос. Видимо, нелегко сблизить этих людей. Слишком разные у них характеры. Кстати, первый раз они сразились еще в Душанбе, перед самым походом. Об этом мне рассказала вчера наша санитарка Муслима.

Случилось это так. Игнат с матерью уехали на день в Кокташ. Там жил один знакомый Ольги Павловны из Сибири. Игнат оделся полетнему, в парусиновые штаны и белую нитяную футболку с короткими рукавами. Черный волосатый костюм с широкими, как у матроса, штанами, остался висеть дома, на гвоздике. Олим пришел к Муслиме и увидел это отставшее от моды облаченье. В голове его моментально созрела идея.

— Между прочим, этот костюмчик можно переделать, — сказал он.

— Не говори, Олим, глупости...

Но Олим уже рассматривал костюм Игната, щупал материал пальцами, что-то соображал и прикидывал в уме.

— Ты, Муслима, не бойся, — задумчиво сказал он. — Не первый раз...

И это была правда. Олим лично переделывал себе штаны. Ему завидовал весь город. Таких узеньких, расклешенных внизу штанов не было ни у кого. Даже у заядлых душанбинских пижонов с черными усиками, веревочкой вместо галстука и кольцом на левой руке.

— Мы сделаем Игнату сюрприз, — сказал Олим. — Хоб?

Муслима поколебалась, но согласилась. Ей тоже хотелось сделать Игнату сюрприз. Сначала Олим взялся за пиджак. Он прорезал с правого и левого фланга прорехи. Пиджак стал вполне современным. Он напоминал черный фрак и отчасти откидной багажник «Москвича». Со штанами Олим тоже возился не долго. Олим распластал штаны на столе, приложил к ним длинную конторскую линейку и провел мелом четкую категорическую черту. Чавкнули, как гильотина, ножницы, и на пол, завиваясь спиралью, упали длинные черные лоскуты. Дело, которое получило потом в Душанбе название «операция икс», свершилось.

Хозяйка дома Муслима и главный закройщик с нетерпением ждали Игната. Муслима при этом немного трусила, а Олим держался, как штык.

— Между прочим, так даже в ателье не сделают, — утешал он сообщницу. — Игнат до потолка подпрыгнет. Вот посмотришь!

Но эффекта, на который твердо рассчитывал Олим, не вышло. Игнат остался недоволен.

— Чо напартачили? — спросил он, хмуро разглядывая костюм. — Ты думаешь, у матери денег мильон, да?

Олим с трудом уговорил Игната примерить костюм новой модели. С пиджаком еще было туда-сюда, но с брюками получился полный конфуз. У Игната оказались крупные мужские ноги. Они решительно не лезли в тонень-

кие черные макаронины. Только с помощью Олима штаны удалось надеть. Они придали фигуре Игната легкомысленный и задиристый вид.

Но Олим не падал духом, потому что прекрасное и великое лучше всего видно постороннему, объективному взгляду. Он открыл дверь и впустил в комнату Муслиму, которая была удалена на время переодевания Игната. Олим сделал укой широкий величественный жест и сказал:

— Он сомневается, этот человек. Скажи ему, Муслима!

Но тут случилась осечка. Вместо четкого, беспристрастного ответа Муслима отвернулась и фыркнула в ладонь.

Игнат подозрительно посмотрел на Муслиму.

— Чо, однако, смеешься?

Муслима изо всех сил старалась сдержать себя. Закрывала рот ладонью, надувала щеки. Но все было напрасно.

— Ха-ха-ха-ха! — разнеслось по комнате. — Ха-ха-ха-ха!

Это «ха-ха-ха-ха» было последней каплей, которая переполнила чашу покорности и терпения Игната. Забыв все на свете, он бросился на Олима с кулаками. Пахлавон (то есть богатырь) Олим Турдывалиев пулей вылетел из дверей и бросился бежать по улице.

Игнат преследовал Олима. Узенькие макаронины с треском лопались на Игнатовых ногах и развевались сзади, как черные пиратские флаги. Что было потом, покрыто мраком неизвестности. О баталии, которая развернулась где-то за городской чертой, свидетельствовал только лиловый фонарь под глазом Олима. Он носил его ровно две недели.

И сейчас у меня было неспокойно на душе. А что если Олим снова отчебучит какой-нибудь номер? Видимо, немало еще придется мне хлебнуть горя с этими людьми...

В Конгурте меня сразу соединили с редакцией.

— Товарищ клиент, идите в кабину. Душанбе на линии, — сказала мне девушка из круглого и глухого, как тоннель, окошка в стене. — Говорите громче.

С замиранием сердца я вошел в кабину, снял с рычага черную, еще хранившую тепло чьих-то рук, трубку.

— Алло, редакция! — закричал я. — Алло!

Где-то далеко, наверно, в Душанбе, голос другой девушки сказал:

— Конгурт, Конгурт! Ваш номер не отвечает!

Этого не могло быть! В редакции всегда кто-нибудь есть. Туда можно звонить даже ночью. К телефону подойдет вахтер Гулямов, который без конца пьет чай и думает о жизни.

«Никого нет, — скажет он. — Позвоните, пожалуйста, завтра».

Если у того, кто звонит, есть время и желание, Гулямов может поговорить с ним, рассказать кое-какие новости. Ночью Гулямову скучно, а спать не разрешают, хотя, честно говоря, в редакции, кроме чернил и старых подшивок газет, ворам воровать нечего.

Я затарабанил по рычажку и попросил конгуртскую и ту далекую девушку в Душанбе позвонить в редакцию еще раз.

— Мне очень надо. Ну, пожалуйста. Я вас прошу!

Три раза телефонистки звонили по моей просьбе в редакцию, но там не отвечали. Редакция молчала.

В мою душу снова заползло сомнение и

страх. А может, это с Расулом Расуловичем случилась беда? Ведь должны же ответить. Ведь не бывает же так!

Я не решился больше тревожить телефонисток. Нельзя паниковать. Позвоню завтра. Возможно, приехал какой-нибудь артист или писатель и все пошли на встречу, и Гулямов тоже.

У меня в кармане было несколько открыток с готовыми адресами. Я подумал и написал в редакцию про Олима, и про то, что он с нами и беспокоиться за эту личность нечего. Олим клялся, что рассказал все своей матери. Я не сомневался. У Олима, хотите этого или не хотите, было одно полезное качество — врать он не умел. Беспокоило меня другое — что скажет родительский актив? Впрочем, к чему заранее растравлять себя? Что будет, то будет...

Возле почты я встретил девочку. Она показала мне, где школа. Школа была совсем рядом, через дорогу.

Я открыл высокие деревянные ворота и вошел во двор. Тут было чисто, тихо и немного грустно, как бывает всегда летом в школьных дворах. Возле парадных дверей я увидел высокую парту. За ней сидел таджик с рыжей окладистой бородой и важно поглядывал вокруг.

Окна и двери школы были открыты настежь. Ветер выдувал оттуда запахи масляной краски. Бородач оказался человеком далеко не старым. А рыжие дремучие заросли он выращивал для собственного удовольствия. Звали его Умаралиевым. В школе Умаралиев занимал пост завхоза, но в данный момент исполнял функции рядового сторожа. Он караулил школу от мальчишек, которые норовили побегать по липким крашеным полам.

— Значит, в газете работаешь? — спросил меня Умаралиев.

— В газете...

— Это хорошо, — похвалил завхоз. — Фельетоны писать можешь?

— Не приходилось...

Умаралиев разочарованно цокнул языком.

— Что с тобой сделаешь, пойдем, покажу школу.

Раскачиваясь и пригибаясь, как циркачи, мы ходили по узким белым доскам из класса в класс. На ярких крашеных половицах белели отпечатки босых ног. Мне понравились и классы, и коридоры, и большой гулкий зал, в котором нахально летал серый общипанный воробьишка. Я сказал, что напишу заметку про школу, потому что школа действительно была хорошей.

После этого мы вышли во двор. Умаралиев сел за парту, посмотрел на меня, как учитель перед экзаменами, и сказал:

— Ну, давай, теперь рассказывай.

Умаралиев слушал меня, покачивая вверх и вниз бородой. Остановится на минутку, спросит что-нибудь и снова за дело. Попутно выяснилось, что школьная власть в данный момент отсутствует. Директор уехал за учебниками в Душанбе, завуч заболел, а учителя кто где. Один сдает экзамены в институте, другой укатил в пионерский лагерь, а третий вообще купил туристскую путевку и разъезжает по заграницам.

Но Умаралиев намекнул, что это в принципе не смертельно. Власть — властью, а завхоз тоже не пешка. Все это Умаралиев подтвердил на практике. Он вышел из-за парты, приложил ладони ко рту и закричал:

— Ала-бала-вала! Умар, Алдар, Сардар! Бросайте все и бегите сюда! Ала-бала-вала! Ла-ла-ла! Сюда! Сюда! Балавала!

Минут через пять из-за угла школы показалось мальчишеское лицо, за ним — второе, потом — третье. Это были Умар, Алдар и Сардар.

— Идите сюда! — сказал Умаралиев. — Бить не буду. Живо!

Мальчишки вышли из-за укрытия.

Умаралиев не спрашивал моего согласия. Он привык к единоначалию. Завхоз указал рукой на восток, затем на запад и сказал:

— Бегите по Конгурту и зовите сюда всех ребят. Одна нога здесь, другая — там. Хоб?

Умар, Алдар и Сардар расправили плечи, набрали в себя воздуха, будто собирались нырять, и хором крикнули:

— Хо-об!

Тогда завхоз поднял руку выше головы, подержал секунду и четко опустил вниз.

— Ма-а-рш!

Видимо, завхоз был по совместительству преподавателем физкультуры.

Скоро появились первые представители. Сначала пришли мальчишки с футбольным мячом, потом какой-то серьезный парень в очках и с удочкой на плече, потом две девочки в одинаковых платьях и тюбетейках. Наверно, сестры.

Я стал рассказывать ребятам, кто мы такие и что нам надо. Про Сергея Лунева и Ашура Давлятова никто не слышал. Только паренек с удочкой сказал, что на его улице живет один Давлятов. Как его зовут, он не знает, но сейчас туда пойдет и все выяснит.

Первая делегация ушла, но тотчас появилась другая. Пришло сразу человек тридцать. Были тут и мальчишки, и девчонки, и взрослые, и даже один молчаливый седой старик.

Видимо, Умар, Алдар и Сардар прислали его для комплекта.

Я поговорил с ребятами, сказал, чтобы они пришли к нам завтра в гости, и стал собираться. Смеркалось. Во дворах задумчиво лаяли собаки.

— Там меня, наверно, ждут, — сказал я. — Хайр, бачаго!

— Хайр, рафик Саидов. Завтра обязательно придем.

Чтобы сократить путь, я пошел через дворы и нагретые дневным теплом переулки. Еще издали я заметил невысокий красноватый огонек костра и возле него черные силуэты наших ребят.

От костра с визгом кинулся ко мне через пустырь юркий лохматый клубок. Он вьюном обежал три раза вокруг меня, подпрыгнул и, не в силах сдержать своего восторга, лизнул прямо в нос широким теплым языком.

— Ну, зачем ты, Гранка? Я этого не заслужил!

Вслед за Гранкой примчался Алибекниязходжа-заде. Приложил руку к сердцу и, задыхаясь, сказал:

— Александр Иванович, кричите ура! К нам приехал Давлятов!

Меня даже в сторону качнуло от такого неожиданного известия.

— Ашур Давлятов?

— Не, Александр Иванович. Это не тот Давлятов. У него только фамилия такая. Он нам угощенья привез. Мы все пообъедались. Посмотрите!

Я не стал исследовать круглый и упругий, как футбольный мяч, живот Алибекниязходжа-заде. Там было много всякой еды. Это было видно без рентгена.

— Хватит болтать... — сказал я. — Пошли.

Через пять минут я, Алибекниязходжа-заде и Гранка были возле костра. На огромном, вышитом желтыми узорами достархане лежали лепешки, белые горки фисташек с расплющенными носиками, изюм, урюк и цветные, похожие на крокетные шары, конфеты. Посреди этого царства еды стояло черное деревянное блюдо с кусками жирной, уже остывшей баранины.

Все это добро гость привез на лошади, которая сейчас паслась в стороне и позвякивала пустыми стременами. Сам хозяин сидел возле достархана и пил маленькими глотками кок-чай. Справа от Давлятова находился Олим, а слева, в новенькой тюбетейке, которой я раньше не видел, Игнат.

Гость, которого прислал к нам мальчишка с удочкой, был смуглый, усатый и на вид очень строгий. Он протянул мне руку и, вглядываясь из темноты в лицо, сказал:

— Садитесь, товарищ Нечаев, чай еще горячий.

Я съел ломтик баранины, отпил из пиалы глоток чаю и только тогда задал Давлятову вопрос по существу.

— Рафик Давлятов, вы не родственник Ашура?

Давлятов нахмурил брови, посмотрел на меня, потом на Игната и ответил:

— Нет, рафик Нечаев, не родственник.

Гость рассказал немного о себе. Звали его Ахадом, а работал он кузнецом. Кроме Ахада, в Конгурте еще человек тридцать Давлятовых. Жили они и в других кишлаках, которые разбросаны поблизости. В общем, надо тут денек походить, посмотреть и все будет ясно.

Ахад посидел еще немного и стал прощаться. Он подал по очереди руку всем ребятам и украдкой подмигнул мне. Я понял, что разговор не окончен, и пошел вместе с Давлятовым ловить его лошадь.

Лошадь легко далась в руки. Ахад подобрал повод, взялся рукой за высокую, утыканную медными шляпками гвоздей луку.

— Ты знаешь, зачем я приезжал? — спросил Давлятов.

— Да. Хотел нас проведать...

Давлятов недовольно замотал головой.

— Зачем так говоришь — «проведать-проведать»!

— Не сердись, рафик Давлятов...

— Ты сам не раздражай. За Игнатом приехал! Завтра в свою кибитку заберу. Понимаешь?

— Нет, рафик Давлятов, не понимаю. Игната мы тебе не отдадим. Он не вещь и не игрушка.

— Зачем игрушка? Кто сказал — игрушка? Племянником будет, сыном будет, другом будет!

— Нет, Давлятов!

— Почему? Мы так решили. Тридцать Давлятовых решили. Значит, мы глупые, да?

— Я, Давлятов, этого не думаю. У тебя доброе сердце. Спасибо. Но Игнат останется с нами. И давай больше об этом не говорить.

Давлятов вдел левую ногу в стремя, легко оттолкнулся правой и сел в деревянное, обшитое шкурой горного барана седло.

— Я украду Игната. Увезу ночью. Вот посмотришь!

Когда человек увлекается, на него надо вылить кувшин холодной воды, — говорят таджики.

— Ты знаешь советские законы, — сказал я. — Ты не сделаешь этого. Не горячись, Давлятов. Мы найдем того, кого ищем. А если не найдем, можешь считать Игната своим племянником. Игнат напишет тебе письмо. Хайр, рафик Давлятов!

Давлятов долго думал, покусывая верхнюю губу. Потом взмахнул камчой, поднял коня на дыбы, ударил его под бока каблуками и умчался в ночь.

После отъезда Давлятова я уложил ребят, а сам примостился возле догорающего костра. В синем густом пепле, озарив на миг крохотный круг, гасли одна за другой золотые искры. Я уснул возле костра, не раздеваясь, и проспал до самого рассвета. В Конгурте уже разжигали печи. Над трубами, будто пар над походными котелками, мерцал белый прозрачный дым. Где-то на окраине кишлака, не щадя голоса, кричал ишак. Ишаки всегда кричат в одно и то же время, будто в животе у них спрятан будильник.

Ветерок доносил из Конгурта запах горячих лепешек. Мягких, с золотистой корочкой, посыпанных сверху пахучим кунжутом. Откусишь ломтик такой лепешки, и можешь умирать, все равно ничего вкуснее в жизни ты уже не попробуешь.

Я решил послать ребят за лепешками. Сегодня будет трудный день. Мы разделимся на группы и пойдем на розыски по кишлакам. Сбор наметили на три часа. На этом самом месте. Пускай ребята хоть с утра поедят как следует.

Я полез в карман за деньгами. Кошелька, в котором хранились наши командировочные и личные деньги ребят, не было. Он исчез без следа. Я снова обшарил все карманы, а затем сел возле угасшего костра и стал вспоминать. В боковом кармане куртки у меня вчера был рубль. Я истратил его на телефонный разговор. Кошелек я спрятал в брючный карман и заколол булавкой. Теперь не было ни булавки, ни кошелька. Теперь у нас нет ни копейки.

ТЫ УЖЕ ВЗРОСЛЫЙ, ИГНАТ!

Что же делать? Дать телеграмму в редакцию, попросить денег? Не годится. Расул Расулович лежит в больнице. Его нельзя расстраивать. Про «ЧП» узнают родители. Они подымут шум, и поход могут вообще прихлопнуть. Мать Алибекниязходжа-заде уже и так прислала две телеграммы...

Может, я преувеличиваю. Но все равно — стоит хорошенько подумать перед тем, как вымолвить два самых трудных в жизни слова: «Дай денег».

Я снова обшарил карманы, прочел какие-то скрюченные замусоленные квитанции, выбросил ниточку с комочком серой ваты, огрызок цветного карандаша и решил подымать своих. Как бы там ни было, нос вешать нечего. Не пропадем!

Стоп! А кто там возле арыка — Игнат? Он уже выстирал носки, повесил на куст репейника, а сам, согнувшись над водой, мылил серым обмылком голову. Я подошел к Игнату.

— Выспался?

Голова и лицо Игната были в густой мыльной пене, только глаза светились узенькими темными полосками. Игнат был в хорошем настроении. Он плеснул в лицо пригоршню воды и улыбнулся. Ого, он улыбается, этот Игнат!

Мы подняли с Игнатом ребят, сделали зарядку, умылись из арыка и сели завтракать. От лепешек пришлось отказаться. Я распорядился взять на завтрак продукты из «НЗ» — то есть из неприкосновенного запаса. На нос было выдано полбанки бычков в томате, три сухаря и, сколько влезет, чая. Он дымился и булькал в черном, закопченном ведре.

Я решил ничего не скрывать от ребят. Когда мы позавтракали, помыли и сложили в рюкзаки шанцевый инструмент, я снова собрал всех в кружок и сказал:

— Ребята, у нас беда: я потерял все наши деньги...

В ответ раздался дружный гул. Только Олим встретил сообщение с полным присутствием духа.

— Ерунда! — сказал он. — Деньги мы достанем в два счета.

— Брось ты, Олим...

— Нет, Александр Иванович, в самом деле. Будем давать концерты. Я буду показывать фокусы, Муслима танцевать, а Алибекниязходжа-заде — петь. У него, знаете, какой голос? Как у гиссарского козла...

Алибекниязходжа-заде вскочил с места, но ответить Олиму не успел. За леском послышались голоса и смех. Ровно через минуту мы увидели на своей территории мальчишек и девчонок. Их было не меньше сотни. Впереди шагали три уже известные мне личности — Умар, Алдар и Сардар.

Шум и гам поднялся такой, что коза с бородой, которая паслась недалеко от нас, рванулась прочь и бешено забегала на своей веревке по кругу. Между прочим, я ни разу не видел ее хозяина — ни утром, ни вечером. Коза была какой-то заколдованной. Она приходила на лужайку тайком от всех и сама привязывалась.

Разговорам не было конца. Наши ребята рассказывали про Душанбе, а гости про Конгурт. Но больше всего говорили про Сергея Лунева и его побратима Ашура Давлятова. Игнат не успевал отвечать. Мы все помогали ему, как могли.

Ко мне пробрались сквозь толпу Умар, Алдар и Сардар. Старшим, а возможно, самым рослым в этой троице был Умар. Он снял засаленную, простроченную изнутри мелкой строчкой тюбетейку и вынул оттуда свернутый вчетверо листок бумаги.

— Это вам передал Давлятов, — сказал Умар. — Там все написано. Читайте.

Я развернул записку. Крупными буквами, как пишут первоклассники или люди, которые редко берутся за перо, было написано:

«Дорогой Саша!

Приходи ко мне в девять часов. У меня будут все Давлятовы. Мы тебя ждем.

Твой Ахад Давлятов».

Я посмотрел на часы. Без двадцати девять. Надо торопиться.

— Станови-и-сь! — крикнул я.

Отпихивая друг друга локтями и наступая на ноги, ребята побежали строиться. Минута, другая и на лужайке, изгибаясь длинной змейкой и задрав головы кверху, выстроилось все мое войско.

— По порядку номеров рассчитайсь!

После поверки оказалось всех сто восемь человек. Я разбил роту на четыре взвода по двадцать семь человек, выбрал командиров и рассказал ребятам, что делать. Во-первых, поговорить с хлопкоробами и пастухами, которые живут возле Конгурта, а во-вторых, не торопиться. Не надеяться на свою память и все записывать. Если будут важные сведения, надо немедленно мчаться сюда и докладывать ответственному дежурному Олиму Турдывалиеву.

Олим услышал слово «ответственный» и сразу скис. Олим не мыслил себя без общества. Даже ночью он ложился поближе к людям и яркому свету. Если места такого не оказывалось, Олим включал репродуктор и только тогда засыпал. Но я не хотел делать Олиму никаких поблажек. Довольно!

Лужайка опустела. Ушла даже Гранка. Сначала она увязалась за Муслимой, которая прикармливала ее утром бычками в томате, потом перебежала во взвод Игната, потом вдруг опомнилась и, хлопая длинными тряпочными ушами, помчалась за своим другом Алибекниязходжа-заде.

Я без труда нашел двор, где жил Ахад Давлятов. В центре рос тутовник. А под тутовником стоял длинный стол с темными растрескавшимися досками. За столом вкруговую сидели люди. Был тут и Ахад Давлятов. Он поздоровался со мной и, указывая взглядом на своих гостей, сказал:

— Это Давлятовы. Они ждут тебя. Знакомься.

Я подавал по очереди каждому сидящему руку, а Давлятовы называли свое имя. Были тут и Юлдаши, и Гафуры, и даже два Ашура. Но это были не те Ашуры, которых мы разыскивали. Даже не родственники.

— Один Давлятов знает вашего Ашура, — сказал Ахмед. — Этого Давлятова зовут Гафур. Он тебе сам расскажет. Слушай.

С места поднялся Гафур. Это был совсем старый человек. Он весь зарос курчавыми серебряными волосами. Даже глаза выглядывали откуда-то издалека, будто из леса. Но голос у Гафура был еще крепкий и внятный.

— У меня есть двоюродный брат Юсуп Маджидов, — сказал Гафур. — У этого двоюродного брата, пусть живет он долго и достойно, есть дядя Абдулла Юсупов, у дяди есть сестра Бибинор, а у этой сестры есть сын Давлят. Я понятно говорю, рафик Нечаев?

— Понятно...

— Хорошо. Тогда слушай дальше. У этого Давлятова, пусть живет сто лет, тоже есть сын. Зовут его Ашур. Теперь ты все понял, рафик Нечаев?

— Понял, рафик Давлятов... Где тот Ашур?

— Не знаю. Ей-богу, не знаю. Раньше он жил с отцом в Кулябе, потом переехал в какой-то кишлак, потом, ты это сам знаешь, он ушел на войну. Я Ашура никогда не видел. Но ты не сомневайся. Это тот самый Ашур, которого вы ищете. У Ашура есть русский ошна, пусть он живет сто лет и больше. Мне рассказывал об этом двоюродный брат Юсуп Маджидов, у которого есть дядя Абдулла Юсупов, у которого сестра Бибинор, у которой сын Давлят. Когда Юсупа Маджидова вызвали в Москву на выставку, он по дороге заезжал ко мне и все рассказывал. Я понятно говорю, рафик Нечаев?

— Понятно, рафик Давлятов... Когда приезжал к вам достойный Юсуп Маджидов?

Давлятов нахмурил брови. От этого лицо у него как-то сразу помрачнело. Гафур Давлятов думал минут пять, загибая на руках пальцы. Потом сказал:

— Десять лет назад... нет, рафик Нечаев, одиннадцать. Но это бара-бир, то есть все равно. Вам надо идти по Кызыл-су до самого Куляба. Понимаешь? Там вы найдете моего двоюродного брата Юсупа Маджидова. Он расскажет про своего дядю Абдуллу Юсупова, у которого есть сестра Бибинор. У Бибинор есть сын Давлят, а у этого Давлята сын Ашур. Разыскать их нетрудно. Давлятовых в Кулябе все знают. Я понятно говорю, рафик Нечаев?

После старого Давлятова говорили другие Давлятовы. Они рассказывали про дорогу, по которой нам идти, про тугай, где тухлая сточная вода и вредный малярийный комар, про все, что надо знать путнику в незнакомой стороне. Каждый называл своих родственников и просто хороших людей, которые, безусловно, пригодятся нам в пути. Я не успевал записывать этих бесчисленных Кахаровых, Усмановых и Бадырбековых в тетрадку.

Больше всего друзей и знакомых оказалось у кузнеца Ахада Давлятова. Много джигитов приводило своих скакунов к сумрачной кузнице с красным огоньком горна в глубине. Ахад ковал лошадей на совесть. Даже лошадям были по душе эти блестящие, приколоченные цепкими железными уналями подковы. Покидая кузнечный двор, они картинно подымали сухие, изогнутые в коленях ноги и

фыркали от удовольствия: черт возьми, до чего же хороши эти подковы!

Я выслушал все советы, переписал в тетрадку все фамилии и стал прощаться с Давлятовыми.

— Хайр, рафикон!

— Хайр, рафик Нечаев!

Ахад Давлятов пошел провожать меня. Возле калитки он остановился и взял меня за руку повыше локтя.

— Слушай, Саша, а у тебя деньги есть?

— Конечно!

— Не врешь?

— Нет, не вру.

Давлятов подозрительно посмотрел на меня, прищурив глаз, потом сказал:

— Хорошо. До свиданья.

Я шел по улицам Конгурта, нахмурив брови. Где же все-таки достать эти проклятые деньги? Можно пойти в райком комсомола. Там наскребут немного. Но идти туда мне было стыдно. Только что выехали из Душанбе и уже сели на мель. Нет, лучше придумать что-нибудь другое. Можно, например, продать что-нибудь с себя и покрыть дефицит в нашем бюджете. Лучше всего продать часы. Стоили они тридцать рублей и были почти совсем новые. Дома в шкатулке у меня даже лежала гарантия.

А потом я напишу письмо маме. Она вышлет деньги. Я скопил немного на новый костюм. Теперь я вижу — он мне не нужен. Настоящие журналисты не думают о тряпках. Им важно, чтобы был табак и полтинник на обед. Такой Расул Расулович. Он редактор, но все равно носит простые брюки в полосочку, клетчатый пиджак и рубашку с большими белыми пуговицами. Я тоже буду таким. А костюм — к черту!

Скупочный пункт долго искать не пришлось. Он помещался в фанерной будке. В одной половине стучал молотком сапожник, а в другой сидел возле стойки тощий человек с золотым зубом во рту.

Он открыл скальпелем мои часы, приложил к уху и покачал головой.

— Сломалась ось маятника, — сказал он. — Могу дать только десять рублей.

Я согласился. Десять рублей для меня сейчас целое состояние. Я зажал десятирублевку в кулаке и помчался в лагерь. Второй час был на исходе. Скоро должны появиться мои ребята.

На окраине лужка я увидел какую-то тонкую белую планку с прямоугольной дощечкой наверху. Такие дощечки обычно сообщают, что рвать цветы и топтать траву нельзя. Цветов на нашем стойбище не было. Весной там росли желтые одуванчики, а теперь пух облетел и торчали только невысокие стебельки с высохшей шляпкой в черных точках. Я подошел ближе. На белой фанерке химическим карандашом был нарисован зубастый череп и скрещенные кости. Внизу размашистым почерком было написано:

«Лагерь! Посторонним вход категорически запрещен!!!»

Кто это сделал, для меня было абсолютно ясно. Я знал почерк Олима до самой последней завитушки.

— Эй, Олим, сюда!

Из-за тутовника вышел какой-то незнакомый мне мальчишка.

— Здравствуйте, Александр Иванович! — сказал он. — Олима нет. Он пошел заколачивать деньгу.

— Что такое?!

— Деньгу заколачивать. Олим сам так сказал ребятам. Тут, знаете, сколько было ребят? Ого! Он сказал, что вы потеряли деньги и теперь вам всем хана. Олим оставил меня дежурить.

— Куда же он ушел?

— Он ушел с ребятами вытряхивать копилки. У некоторых, знаете, сколько деньжищ? Ого! Мы в колхозе огороды пропалывали. Как день, так рупь! Только сейчас уже денег почти нет. Мы на мороженом проели. У нас, знаете, какое мороженое? Ого!

Мальчишка начал подробно рассказывать про колхоз и мороженое трех сортов, но я уже не слушал. Меня колотило всего от злости. Черт знает что. Не отряд, а какая-то орда! Что подумают про нас в Конгурте? Что скажут Давлятовы? Стыд и позор!

— Ты вот что, — сказал я мальчишке. — Беги в Конгурт, найди Олима и скажи: пускай немедленно возвращает деньги ребятам. Никаких копилок! Если он возьмет хоть копейку, пусть не показывается мне на глаза. Я ему не знаю что сделаю!

Мальчишка умчался выполнять приказ, а я остался один.

Неприятности, которыми начался день, увы, не окончились. Не успел мальчишка скрыться из виду, на лужайке появился высокий одноглазый человек с длинной шерстяной веревкой в руке. Он остановился возле меня, расставил ноги циркулем и спросил:

— Скажите, пожалуйста, гражданин, вы не видели тут козу?

— Что?

— Козу. Такую белую. С бородой.

— Я ничего не видел, — сказал я. — Тут никого нет. Мы коз не разводим.

— Странно, — сказал незнакомец. — Я всегда

привязываю козу тут. Куда она могла деться?

Он подошел к палатке, откинул брезентовый клапан и заглянул внутрь.

— Значит, гражданин, вы козы не видели?

— Не видел, не видел, не видел! — сказал я. — Теперь вам понятно или нет?

Одноглазый заглянул в другую нашу палатку, похлопал мотком веревки по сапогам и наконец ушел.

Я думал, что сниму с Олима шкуру, когда он появится. Но разговор с козлятником обессилил и опустошил меня. Я сидел под тутовником, слушал, как тихо и грустно воркует в арыке вода. Тень давно ушла в сторону и солнце палило прямо в лицо. Я не двигался. Пускай жжет!

Часа через два пришел Олим. Какой-то помятый и взъерошенный. На смуглых запавших щеках струйки пота высветлили узенькие прямые полоски. Рукава куртки были в мелу и рыжей глине, а на штанах сзади торчал длинный рваный клок. Наверно, сражался с собаками.

— Отдал деньги?

— Отдал, Александр Иванович.

— Эх, Олим!..

Больше я ничего Олиму не сказал. Посидел еще немного и стал развязывать мешок с «НЗ». Пора было варить обед.

— Ты хоть готовить умеешь? — спросил я Олима.

Олим обиделся.

— Между прочим, Александр Иванович, я...

Я махнул рукой.

— Ладно, ну тебя к аллаху. Иди собирай щепки.

Скоро в чугуне клокотал и дымился рис, выскакивали наверх темные кусочки вяленой баранины. Плов не плов, суп не суп. В общем, съедим!

Начали сходиться ребята. Известий особых пока не было. Лишь Муслима, которая ходила с конгуртскими ребятами на далекое, заброшенное к самым облакам пастбище, пришла с новостями.

Чабан, по фамилии Хушвахтов, рассказал Муслиме печальную историю. Он слышал про Давлятова и его побратима от одного верного человека. Давлятов и его друг вместе пришли с войны и вместе выращивали хлопок. Несколько лет назад с другом Давлятова случилась беда. Он ушел за саженцами урюка в горы. Весенние дожди размыли тропу. Он поскользнулся и полетел в пропасть. Дехкане похоронили русского на старом мусульманском кладбище, где лежал весь добрый и славный род Давлятовых.

Чабан рассказал Муслиме, где этот кишлак. Судя по его рассказу, он был неподалеку от Куляба, возле знаменитой соляной горы Ходжа-мумин. Это в самом деле чудо-гора. Геологи называют ее грибом. Такого гриба больше нигде в мире нет. Вышиной он как двухсотпятидесятиэтажный небоскреб, а ножка ушла в глубь земли на целых четыре километра. А главное, весь гриб сложен из твердой, как железо, каменной соли. Ударишь киркой — и вокруг только искры летят. Если б вдруг в мире исчезла вся соль, Ходжа-мумина хватило бы людям на сотни лет.

В другое время я не упустил бы случая рассказать ребятам о Ходжа-мумине. Но сейчас было не до этого. Все сидели у костра грустные и задумчивые. Даже Алибекниязходжа-заде присмирел и ни с кем не задирался. Я успокаивал ребят, а сам невольно возвращался к рассказу чабана. Правда, он не назвал фамилии Лунева, но все было очень схоже с тем, что мы знали о Давлятове и его побратиме.

В этот вечер мы легли поздно. Ребята улеглись под тутовником на свежей, зеленеющей возле арыка траве. Ярко и ровно светила луна. Все вокруг стало белое, неподвижное, а тени длинные и черные. Скоро весь лагерь спал. Только Игнат все еще ворочался и вздыхал.

Я подошел к Игнату. Он не спал. Светлые короткие ресницы его тихо вздрагивали. В узенькой щелке, открывавшейся на минуту между ресницами, сверкнул черный беспокойный зрачок. Я сел рядом с Игнатом на краешек одеяла и взял его за руку. Так делала мама, когда я болел и не мог уснуть.

— Чего не спишь, Игнат?

Игнат тихо и упрямо потянул руку. Я не отпускал, сдавливая пальцами его ладонь. Игнат постепенно сдался и расслабил пальцы. Желтый ободок ресниц вздрогнул и успокоился. Игнат вздохнул во сне.

Я СЛУШАЮ ДЕТСТВО

Я проснулся на рассвете и стал соображать, который час. Часов у меня не было, а ишаки еще не кричали. Кое-где в домах светились зыбкие огоньки.

Подошла Гранка. Она тоже выспалась, хотела полаять в свое удовольствие, но не решалась. Я потрепал Гранку по мягким тряпочным ушам и сказал:

— Гранка, я сейчас пойду в Конгурт, а ты оставайся тут. Я позвоню в редакцию и в колхоз, который возле соляной горы Ходжамумин. Ты меня понимаешь?

Собаки любят, когда с ними разговаривают по душам. Гранка молча слушала меня. Черные точки над глазами тихо и задумчиво вздрагивали. Она все поняла и не стала увязываться за мной в Конгурт. Легла на краешке лужайки, положила морду на передние лапы и смотрела мне вслед.

Двери почты уже были открыты. Крашеный пол курился легким паром. Возле дверей лежала мокрая тряпка. Я вытер ноги, и, ступая только на каблуки, пошел к окошку в стене.

За окошком сидела девушка с черными длинными косами. На голове у нее была тюбетейка, а на шее медные бусы с голубой эмалью. Девушка только отошла от рукомойника. На черных волосах возле виска и на бровях светились, как алмазы, крупные, средние и совсем крохотные капельки воды.

Я поздоровался и попросил вызвать Душанбе. Девушка удивленно подняла брови. — Еще очень рано, — тихо сказала она, как будто боялась кого-то разбудить. — Душанбе будет в тринадцать часов...

Я стоял возле окошка с белым замусоленным подлокотником и смотрел на телеграфный аппарат, который задумчиво и тихо жужжал на столике. Смотрел и думал, что мне теперь делать? Телеграф подсказал сам. Он вдруг очнулся и бойко застучал своими медными колесиками и рычажками, отшлепывая на длинных узких полосках жирные черные буквы.

— Послушайте, — сказал я. — Дайте мне, пожалуйста, телеграфный бланк...

На синем разлинованном бланке я написал телеграмму Расулу Расуловичу: «У нас, Расул Расулович, все в порядке. Пожалуйста, не болейте. Ваши юнкоры». Девушка взяла телеграмму, вопросительно и строго посмотрела на меня.

— Он сильно болен, да?

Я опустил голову.

— Он выздоровеет, — сказал я. — Он просто очень устал. Он много работает...

Девушка сразу села за телеграфный аппарат. Четко застучали буквы. Складываясь в слова, побежали по проводам в больницу к нашему Расулу Расуловичу.

Потом я попросил вызвать колхоз.

Девушка приподняла бровь. На лоб набежали три узеньких морщинки.

— Сейчас попробую.

Коротко и требовательно зажужжала ручка коммутатора — жж-жж-жж.

— Куляб, это ты, Куляб? Я Конгурт. Дай мне Московский район. Ну, я тебя прошу... Что? Алло! Это колхоз? Говорите, колхоз!

Девушка махнула мне рукой.

— Что вы стоите? Идите скорей!

Я вбежал в телефонную кабину и снял трубку. Сонный мужской голос недовольно спросил:

— Алло! Кто такой? Чего надо? Какой Нечаев? Зачем Нечаев?

Я с трудом растолковал человеку в трубке, кто я такой и что мне надо.

— Лунев наш колхоз нет! — крикнул он. — Как так есть? Зачем так говоришь? Зачем дурака валяй?

Человек, с которым я разговаривал, оказался раисом, то есть председателем. Он только приехал из Куляба и только уснул. Раис покричал на меня, но потом остыл и рассказал все, что знал, и все, что мне надо.

Лунева в колхозе никогда не было. Был у них другой русский. Он дружил на фронте с таджиком, выращивал вместе с ним хлопок и погиб в горах во время обвала. Все точно так, как рассказывал чабан Муслиме. Только звали его не Луневым, а Ивановым...

Я подошел к окошку.

— Рахмат, девушка!

— Все узнали?

— Все. Спасибо вам.

Девушка строго и с достоинством сказала:

— Теперь видите, какой у нас телефон!

Телефон в Конгурте в самом деле был особенный. Он вернул радость и спокойствие, снова ввел в таинственный мир обещаний и надежд.

— Ай, рахмат, девушка! Ай, рахмат!

Девушка снисходительно посмотрела на меня. Физиономия у меня, наверно, была восторженная и глупая.

— Может, еще кого-нибудь вызвать? — спросила она. — Все равно линия свободная...

— Ну, что ж, можно вызвать, — сказал я. — Только вы не дозвонитесь. Это далеко...

— Это что — в самом деле далеко? — спросила телефонистка.

— Очень. Я даже не знаю где. Это было еще в детстве. Однажды во Дворце пионеров был смотр художественной самодеятельности. На сцену вышла девочка с толстой золотой косой на левом плече. Звали ее Света Одинцова. Света пела украинскую песню о Днепре...

Телефонистка слушала меня, не перебивая. Тихо стучал телеграфный аппарат. На коммутаторе светил зеленым лучиком круглый глазок.

— Ну, а что дальше? — спросила она.

— Ничего. Мне хочется позвонить этой девочке...

Телефонистка сидела молча несколько минут. В полукруглой впадинке возле глаз лежала синяя неподвижная тень от ресниц.

— Хорошо, — сказала она. — Идите в кабину.

Я вошел в кабину и снял с рычажка трубку. Вначале там долго и протяжно гудели провода. Девочка из моего детства была где-то далеко. Потом послышалось тихое сдержанное дыхание.

— Алло! Это вы? — спросил я.

— Да...

— Вы помните?..

— Да...

Я прижимал трубку к уху. Я боялся, что девочка снова уйдет, как ушла много лет назад. Я не знал, что сказать ей. Те слова, которые давно придумал и много раз повторял про себя, уже не годились. А новых у меня не было. Я заслонил трубку ладонью, чтобы никто посторонний не слышал, и сказал:

— До свиданья, девочка...

— Хайр, — тихо прошептала трубка.

Я вышел на цыпочках из кабины, вытер зачем-то ноги у порога и пошел по узенькой пыльной тропке к своим ребятам. Шел, пел песню, улыбался синему рассветному небу, птице на ветке и своему детству, которое я только что слушал в телефонной будке.

И вот я снова на лужайке. Тут — полный порядок. Ребята спали. Гранка несла службу. Она сурово смотрела на арык и рычала, хотя там никого не было. Я похвалил Гранку, потрепал за ушами, и она поняла, что всему есть мера и перестала притворяться.

Сегодня по графику дежурил Алибекниязходжа-заде. Я разбудил Подсолнуха, а он потом пошел будить остальных. Пока мы делали зарядку, умывались в арыке и фыркали от удовольствия, Алибекниязходжа-заде кипятил в черном закопченном ведре чай. На достархане возле костра лежали свежие лепешки, которые я купил в Конгурте.

Со всех концов сходились конгуртские ребята. Они садились вокруг костра на корточки и задумчиво смотрели на синие торопливые лепестки пламени. Огонек, который зажег Подсолнух, звал их в дальние дороги.

Алибекниязходжа-заде, как всегда, важничал. Он нацепил вместо фартука какую-то тряпку, разливал поварешкой кок-чай и покрикивал:

— Падхады, палучай чай!

На прощанье мы пили чай из одной пиалы. Она ходила по кругу, как трубка мира. Ребята касались пиалы губами и передавали в новые, протянутые навстречу руки. Всем было немножко грустно. Муслима сидела в сторонке с какой-то худенькой девочкой. Девочка с рыжими ресницами всхлипывала и спрашивала тихим движеньем губ:

— Писать будешь?

Несколько раз появлялся одноглазый с козьей веревкой в руке. Гранка ринулась было

вперед, но я осадил ее. Конгуртские ребята сообщили, что видели утром козлятника возле милиции. Наверное, ходил жаловаться. Куда же она сбежала, эта чертова коза? Еще и в самом деле придется отвечать...

Вчера тут целый день вертелись Умар, Алдар и Сардар. Они должны что-нибудь знать об этом странном животном. Я подозвал к себе неразлучную троицу и спросил:

— Вы не видели эту козу?

Мальчишки начали совещаться.

— Ну что, ребята, не видели козы?

Умар сделал категорический жест рукой и сказал:

— Лично я козы не видел.

Алдар набрал в легкие воздуха, уставился куда-то в одну точку и забасил:

— Лично я тоже...

Сардар надул щеки, важно повертел шеей и сказал:

— Я на эту противную козу и смотреть не хочу!

Я понял, что тут скрывается какая-то тайна. Умар, Алдар и Сардар не стали отпираться. Они рассказали все, что знали о козе и ее хозяине. Рассказывал Умар. Алдар и Сардар дополняли рассказ приятеля и вносили свои коррективы.

— У Азиза Кенджаева три козы и две коровы, — сказал Умар. — Но он никому капли молока не даст. На нашей улице живет Закиева-апа. Она работает уборщицей в потребсоюзе. У нее пять детей. Мужа у нее нет. Они живут плохо. Однажды у Закиевой заболела дочь Розия. Закиева взяла кумган — то есть кувшин, и пошла к козлятнику. Закиева-апа поставила кумган на стол и сказала:

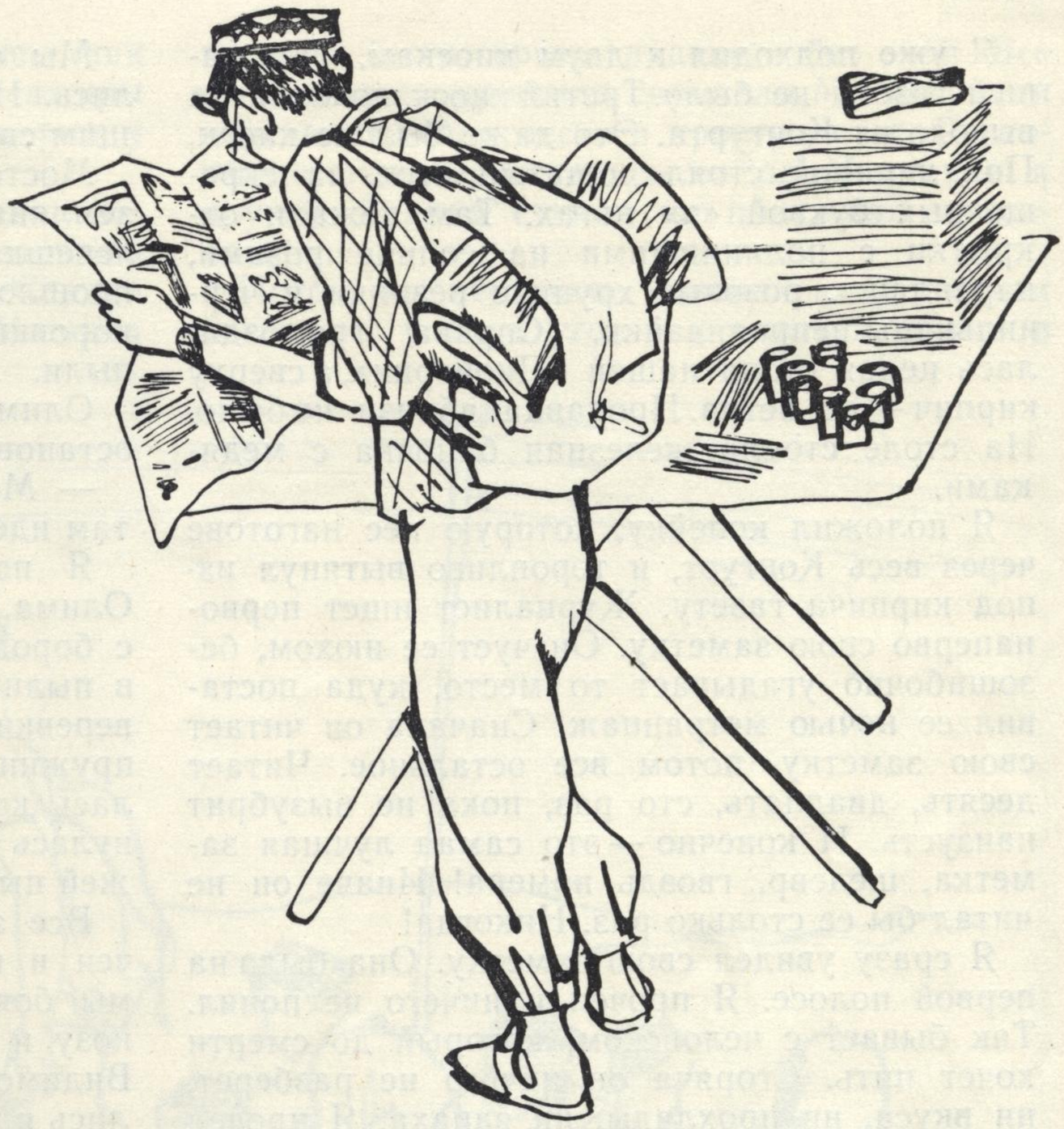
— У меня больна дочь. Дай мне козьего молока. Оно помогает детям. Сейчас у меня денег нет. Но я получу и отдам тебе.

Азиз Кенджаев взял со стола кумган и отдал Закиевой-апе.

— На свете много пустых кумганов, — сказал он. — Я не могу все наполнить. Когда у тебя будут деньги, тогда приходи.

Умар сделал короткую передышку, строго посмотрел на меня и закончил:

— У нас в кишлаке все ненавидят Азиза Кенджаева. Он все только для себя. Когда с ним случится беда, люди ему тоже не помогут. Так ему и надо. Мне не жалко!



Я тоже не жалел Азиза Кенджаева, у которого пропала белая коза. Так ему и надо. Пускай знает! Я поблагодарил ребят за сообщение и крепко, по-мужски пожал их маленькие, загорелые дочерна руки.

Жаль расставаться с новыми друзьями, но дорога звала в путь. Я приказал собирать палатки. Мы решили выйти на другую сторону Конгурта и там подождать попутной машины. По этой дороге ходит автобус. Но он нам ни к чему. Во-первых, дорого, а во-вторых, с палатками туда не пустят. Поедем на грузовике. Сегодня доберемся до Советска, а потом двинем дальше, в Куляб.

Обязанности у нас уже были распределены: кому нести палатки, кому следить за дорогой и махать впереди красным флажком. Тылы прикрывал Алибекниязходжа-заде. Набор слов у него был краток. В тишине утра слышались энергичные реплики:

— А ну, вернись! Ты козел, да? Ка-ак дам по затылку!

На улицах Конгурта было тихо. На тротуарах виднелись полосатые следы метелок. На дверях магазинов висели замки. На столбах, ничего не освещая, горели электрические лампочки. Открылись только булочные и газетные киоски. Человеку раньше всего нужны хлеб и новости.

Я уже подходил к двум киоскам. Там нашей газеты не было. Третий киоск попался на выходе из Конгурта. Это даже был не киоск. Под чинарой стоял дощатый стол на скрещенных буквой «х» ногах. Там лежали открытки с полинявшими на солнце розами, карандаши, розовые хрупкие резинки и чернильницы-непроливайки. Справа громоздилась целая стопа нашей «Пионерки», а сверху кирпич — от ветра. Продавца вблизи не было. На столе стояла железная баночка с медяками.

Я положил копейку, которую нес наготове через весь Конгурт, и торопливо вытянул из-под кирпича газету. Журналист ищет первонаперво свою заметку. Он чует ее нюхом, безошибочно угадывает то место, куда поставил ее ночью метранпаж. Сначала он читает свою заметку, потом все остальное. Читает десять, двадцать, сто раз, пока не вызубрит наизусть. И конечно — это самая лучшая заметка, шедевр, гвоздь номера! Иначе он не читал бы ее столько раз. Никогда!

Я сразу увидел свою заметку. Она была на первой полосе. Я прочел и ничего не понял. Так бывает с человеком, который до смерти хочет пить. Сгоряча он ничего не разберет, ни вкуса, ни прохлады, ни запаха. Я прочел заметку второй раз и только тогда сообразил — все на месте, все в порядке. В редакции не сократили, не прибавили, не общипали заметку, как цыпленка. Только заголовок изменили. У меня было: «Первые удачи и огорчения», а в редакции сделали: «Поход продолжается». Но это пустяки.

И вообще, дело совсем не в этом. Главное — поход продолжается. Мы живем и суетимся не зря. Мы найдем Сергея Лунева и его фронтового побратима Ашура Давлятова. Теперь у нас сто шансов из ста!

Я стоял посреди дороги, читал заметку и улыбался.

— Между прочим, Александр Иванович, нам тоже интересно, — сказал Олим. — Что там такое?

— Прости, Олим. Ребята, идите все сюда! Нашу заметку напечатали!

Я прочитал заметку. Она всем понравилась. Алибекниязходжа-заде вытянул вперед большой палец с черным ушибленным ногтем и сказал:

— Во, заметка! Поздравляю, рафик Нечаев!

Потом меня поздравляли остальные. Это был мой дебют. Я смущенно поглядывал на всех. Трудно все-таки быть счастливым!

— Ну, ребята, — сказал я. — Пошли!

Мы снова тронулись в путь. Мы торопились. На востоке, озарив горы белым слепящим светом, подымалось солнце.

Мостовая скоро окончилась. Потянулась земляная проселочная дорога. Вся она, как лепешка, была в острых ямках. Недалеко тут прошло стадо. В воздухе еще пахло теплом коровников и пресными запахами дорожной пыли.

Олим, который шел рядом со мной, вдруг остановился и указал перстом вперед.

— Между прочим, Александр Иванович, там идет наша знакомая.

Я посмотрел туда, куда указывал палец Олима. По дороге одиноко брела белая коза с бородой. Следом за ней тянулся, оставляя в пыли змеиные зигзаги, обрывок шерстяной веревки. Гранка тоже увидела козу. Она напружинилась, вытянула стрелой хвост, подалась корпусом чуть-чуть вперед и вдруг ринулась по дороге, взметая клубы густой рыжей пыли.

Все замерли. Что будет?! Но мир загадочен и непостижим. Кровопролития, которого мы боялись, не произошло. Гранка догнала козу и побежала рядом, помахивая хвостом. Видимо, еще раньше, без нас, они подружились и нашли общий язык...

Мы прибавили шагу и вскоре догнали животных. На ременном засаленном ошейнике козы болталась фанерная бирка. Я задержал козу и осмотрел эту дощечку. Крупными фиолетовыми буквами на ней было написано:

«Я ненавижу эксплуататора. Ухожу в пустыню. Прощайте! Коза».

Коза была со странностями. Мы это знали. Она сама привязывалась и сама отвязывалась. Это можно было как-то объяснить. Но сама написать такую записку она, пожалуй, не могла. Я посмотрел на ребят. Они спокойно выдержали взгляд. Только Олим чуть-чуть улыбнулся и опустил ресницы. Неужели он?

Коза, несмотря на наши уговоры, не желала возвращаться. У нее для этого были веские основания. Но вдаваться сейчас во все детали козьей психологии у меня не было желания. Я взял упрямицу за рога, развернул на сто восемьдесят градусов и стукнул хворостиной по костлявым бокам.

— Ну, вот что, коза, нечего тут тебе! Иди в Конгурт...

Мы выбрали место у развилки дорог, сложили в кучу вещи и прикрыли от пыли моим старым плащом. Один за другим, грохоча цепями, промчались три грузовика. Но это была еще не наша судьба. Грузовики свернули с дороги и запрыгали по обочине вспаханного

поля. Потом на горизонте, покачиваясь, как утка, появился автобус-тихоход. Пассажиры с завистью смотрели на нас в окна. Наверно, у них было душно и воняло бензином.

Минут через десять снова запылила дорога. Навстречу, ревя мотором, мчалась во весь дух крытая милицейская машина. Сердце тревожно замерло: неужели к нам? Машина

проскочила мимо, потом вдруг резко затормозила, заскрипела всеми своими железками и пошла к нам задним ходом. Из кабины высунулась синяя милицейская фуражка.

— Эй, Нечаев, садитесь!

— Мы же не виноваты... Мы козу не брали...

Милиционер расхохотался.

— Знаем мы про козу. Садитесь. Начальник приказал в Советск подбросить. Вы думаете, если милиция, значит... Чего же вы стоите?

Не попадая ногой на узенькие железные ступеньки, я полез в машину. Там уже сидела вся моя капелла, включая Гранку. Дверь с решеткой хлопнула, и чей-то далекий, будто из-под земли, голос крикнул:

— Поехали!

Квакнула сирена. Под машиной чихнуло, стрельнуло, и мы тронулись. Стены внутри машины были серые, гладкие и без окон. Все тут качалось, дрожало, скрипело. Мы не умели определить свое место в пространстве. Растопырив пальцы, метались от одной стенки к другой. Гранка ездила по полу, как на салазках.

Потом мы немножко освоились. Перестали бегать из угла в угол и стукаться лбами в деревянные стенки. Из крохотного окошка на дверях в кузов лились желтые зыбкие полосы света. За машиной клубилась пыль.

Приближался Советск. Наша машина перестала шуршать по песку, прыгнула на мостовую и бойко застучала колесами, пересчитывая выпуклые, нагретые солнцем камни. На обочинах появились пешеходы с подносами для лепешек и узлами на голове. Я постучал шоферу в узенькое, затянутое сеткой окошко. Машина прокатила еще немного, потом скрипнула тормозами, качнулась вперед и остановилась.

— В чем дело, Нечаев?

Милиционер распахнул дверь. С воли хлынул в нашу мышеловку свет, воздух, горячий запах дозревающих хлебов. Все принялись чихать. Гранка с завистью наблюдала за нами, а потом посмотрела рыжим, прозрачным, как стеклышко, глазом на солнце, сморщилась и тоже оглушительно чихнула.

— Теперь мы пойдем пешком, — сказал я. — Спасибо. Нам надо почиститься и привести себя в порядок.

Я схитрил. Драить и приводить в порядок нам нечего. Мне просто не хотелось выгружаться из милицейской машины посреди Советска. Иди потом объясняй каждому, что и почему... Машина, в которой мы прокатились с таким комфортом, умчалась, а мы свернули в сторону и пошли по узенькой тропке между высокими зелеными кустами хлопчатника. Вдалеке тускло серебрились на солнце метелки камыша, рябила под ветерком вода.

— Пошли, ребята, скорее. Это Кызыл-су!

Мы прошли хлопковое поле и остановились на глинистом берегу, круто сползающем к воде. Это была совсем небольшая смирная речка. Я разрешил ребятам купаться, а сам сел в тени дерева и вытянул ноги. После поездки шумело в голове и земля покачивалась и кренилась в сторону, будто огромный корабль. Неподалеку от дерева бежал куда-то родничок и разливался расплавленным стеклом по камням и зеленой шелковистой траве. Я прикоснулся губами к воде. Холодная, как лед, она берегла в себе силу старых корневищ, сладость луговой травы и чуть уловимую горчинку желтого полевого лютика.

Я выбрал большой плоский камень, сел и вынул свою газету. Интересно, что там на остальных страницах? Когда я уезжал, я отдал папку с кроссвордами и стихами Расулу Расуловичу. Если Расул Расулович напечатает стихи Олима, этот ученый в кавычках лопнет от собственной важности.

Стихов и кроссвордов на четвертой странице не оказалось. Я пробежал взглядом по листу и вдруг увидел портрет в черной траурной рамке. Было что-то очень знакомое в этом строгом взгляде больших усталых глаз, в тихой задумчивой улыбке, в черных, подкрученных в стрелку усах. Расул Расулович!

Я закрыл глаза и снова с ужасом открыл их. Расул Расулович, как и прежде, не изменив в лице ни одной черточки, смотрел на меня. Он был очень знаком и в то же время далекий, теперь уже недоступный для людей. Я сидел на камне, слушал вкрадчивое бормотанье ручья и думал о Расуле Расуловиче и последней встрече с ним.

За спиной послышались шаги. Я обернулся и увидел Игната. Он был в мокрых, обвисших до колен трусах. В руках он держал какую-то черную палку, похожую на человечка с растопыренными руками, широко и радостно улыбался. У меня не было сил ответить на улыбку Игната. Я грустно посмотрел на него и опустил глаза.

Игнат сел рядом, зашелестел газетой. Он долго молчал, потом тихо, будто бы только для себя самого, сказал:

— У меня батя был сплавщиком на реке. Его лесом затерло. Когда батю хоронили, я не плакал. У меня все переплакало в середине...

Губы у Игната дернулись. Что-то споткнулось и задрожало на миг в горле. Но он сдержал себя. Переждал несколько секунд и тихим, охрипшим голосом спросил:

— Вы его любили, Александр Иванович?

— Не надо об этом, Игнат...

Сдвинув брови, Игнат смотрел на меня, будто хотел прочесть в глазах то, чего я не сумел выразить сейчас словами.

— Александр Иванович, — сказал Игнат. — Когда вам трудно, сделайте вот так... Это меня охотник Кривошей научил, когда батю из реки баграми вытаскивали. Смотрите, рафик Нечаев.

Игнат согнул указательный палец правой руки и положил его на полукружье белых крупных зубов.

— Укушите, — шепелявя и не выпуская пальца изо рта, сказал он. — Укушите шильнее...

Я сделал так, как советовал Игнат. Мне действительно стало немного легче. Я кусал палец и смотрел на мальчишку в мокрых трусах.

— Теперь вам легче, да? — спросил меня Игнат.

— Да, Игнат, легче, — сказал я. — Спасибо тебе... Иди зови наших.

Игнат полез в воду и там что-то кратко сказал ребятам. Один за другим все вышли на берег. Они стояли на мокрой траве грустные, притихшие. Может, первый раз в жизни узнавшие, каким бывает настоящее горе. Я оглядел свою гвардию и негромко, подчеркивая в предложении каждое слово, сказал:

— Ребята, нам пора. Выше головы. Поход продолжается.

Окончание следует

Не откажетесь ли пообедать?

Наверно, откажетесь, если меню обеда будет таким:

на закуску — соленая саранча,

суп из водяных жуков «шиши»,

на второе — лепешки из молотых сушеных комаров,

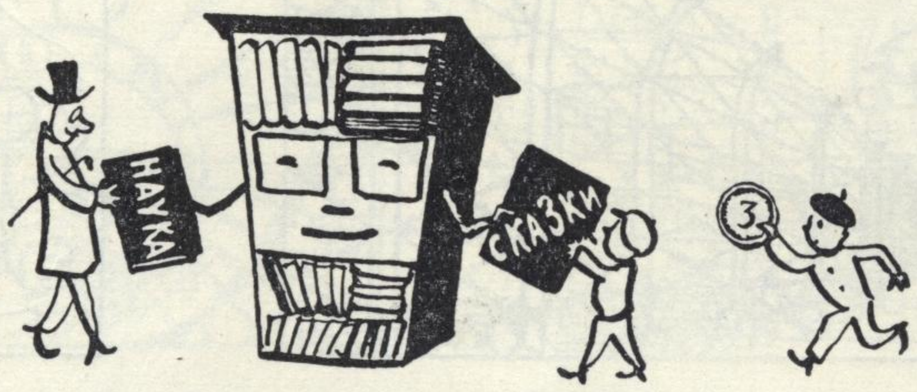
на сладкое — пряники из жирной глины.

Впрочем, составить такой обед трудновато. Ведь соленую саранчу едят в Аравии, «шиши» — в Чили и Перу, лепешки из комаров — в Центральной Африке, жирную сладковатую глину — на Яве и Суматре.

Автоматический скульптор

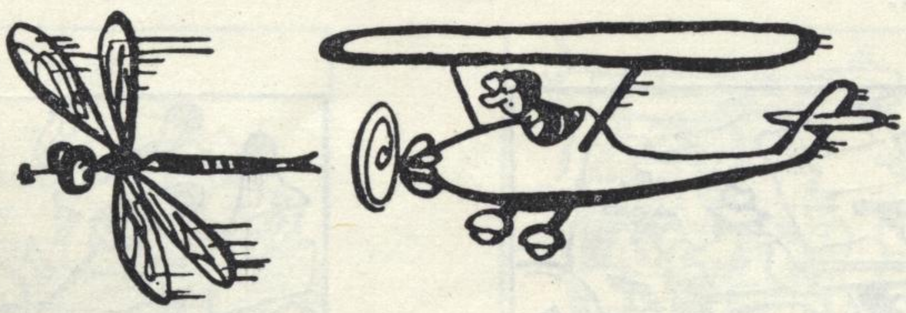
Скульптуру любой модели за два часа умеет изготовить прибор, сконструированный в Венгрии. Недаром его прозвали «автоматическим скульптором». Как это делается?

Модель помещают на подставку и начинают вращать со скоростью 15-20 оборотов в секунду. В это же время кинокамерой снимают 260 силуэтных изображений модели, а по снятому фильму вылепливается скульптура заданной величины.



Автомат торгует книгами

Этот автомат буквально начинен книгами. Стоит только опустить монету в щель, проделанную у него в «боку» — и книга ваша.



Скорость насекомых

Знаете, с какой скоростью летают насекомые? Стрекоза делает 144 километра в час, пчела — 50 километров в час, шмель — 14 километрв в час, бабочка-боярышница — 6,2 километра в час.

Маленький шмель пролетает в минуту в 10 000 раз большее расстояние, чем составляет длина его тела.

Насекомые способны пролетать довольно большое расстояние. Австралийских оводов, например, ловили в открытом океане на расстоянии 1600 километров от берега.

„Люлька" над пропастью

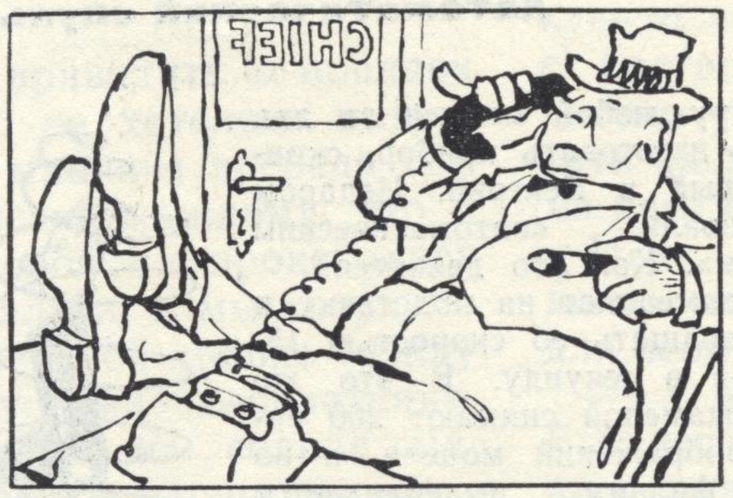
Так гидрогеологи берут пробы со дна Чаткальского ущелья в Узбекистане. Со временем здесь вырастет крупнейшая в республике ГЭС.

Фото А. Ершова

ТАЙНА ЗОЛОТОГО

Б. Грищенко

Мистер Браун раскрыл воскресную газету и в панике бросился к телефону. Дрожащими пальцами он набрал номер шефа полиции.



—Шеф слушает.

—Известно ли вам, что в форт Нокс нашли лазейку воры?

—Вы имеете в виду тот самый ФОРТ НОКС, ГДЕ ХРАНИТСЯ ЗОЛОТОЙ ЗАПАС США?

—ИМЕННО, ФОРТ НОКС В ШТАТЕ КЕНТУККИ.

—Это совершенно исключено. ФОРТ НЕПРИСТУПЕН. Нет, этой газеты я не видел. Сколько вы говорите? 80 МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ ЕЖЕДНЕВНО? Думаю, здесь какое-то недоразумение. Впрочем, мы все проверим.

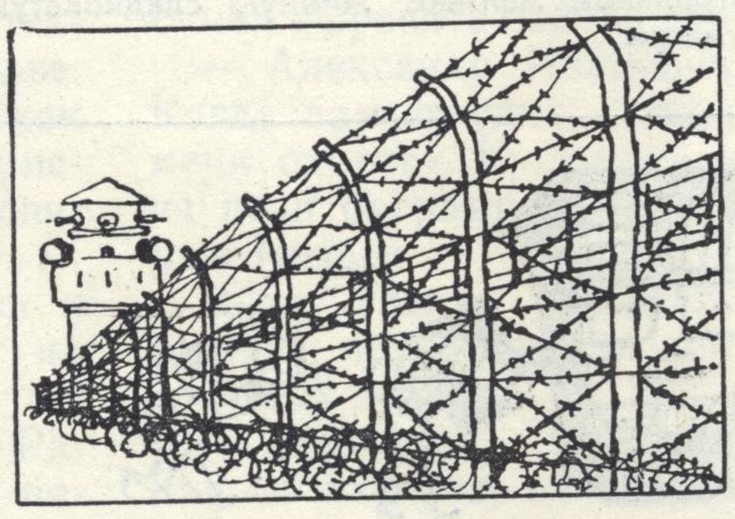
Шеф полиции взял газету и принялся изучать ее. Затем он вызвал самого опытного сыщика.

—Алло, Уэст, кажется, что-то не в порядке с фортом Нокс!

—Да, сэр?

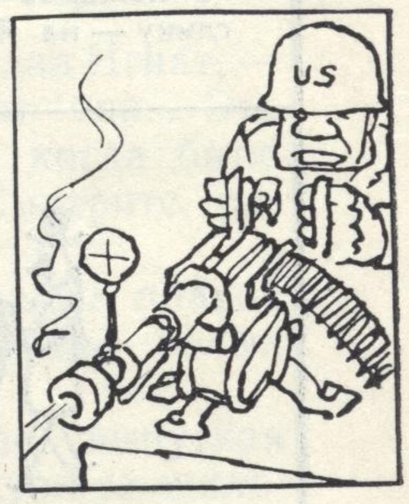
—Вот здесь,—шеф ткнул пальцем в статью,—сказано, что из форта каждый день пропадает целая куча золота. Точнее—на 80 миллионов долларов. Налогоплательщики вправе знать, куда деваются их деньги! Немедленно отправляйтесь в Кентукки.

В отдельном купе поезда Уэст внимательно изучил совершенно секретный план ГЛАВНОГО ХРАНИЛИЩА ЗОЛОТОГО ЗАПАСА АМЕРИКИ — ФОРТА НОКС. Когда поезд подходил к станции в центре скалистого штата Кентукки, Уэст уже знал, что В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ, ВЫРУБЛЕННЫХ В ГРАНИТЕ, ХРАНИТСЯ ОКОЛО 900 ТЫСЯЧ ЗОЛОТЫХ СЛИТКОВ, ЧТО ФОРТ НЕПРИСТУПЕН НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ САМОЙ СИЛЬНОЙ ГАНГСТЕРСКОЙ ШАЙКИ, НО И ДЛЯ ЦЕЛОЙ АРМИИ — ТАК СИЛЬНО ОН УКРЕПЛЕН.



Но приказ есть приказ. И Уэст прямо со станции отправился в сторону рощи, окружающей Нокс. Надежно замаскировавшись там, он принялся наблюдать...

Из своего укрытия он увидел ВЫСОКИЙ ЧАСТОКОЛ С КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ. ВДОЛЬ НЕГО РАСПОЛОЖЕНО НЕСКОЛЬКО БРОНИРОВАННЫХ КОЛПАКОВ С ПУЛЕМЕТНЫМИ ГНЕЗДАМИ, ПО УГЛАМ ОГРАДЫ ВЫСЯТСЯ БАШНИ, НА КОТОРЫХ УСТАНОВЛЕНЫ МОЩНЫЕ ПРОЖЕКТОРЫ.



— Вряд ли кто-нибудь осмелится сунуться сюда,— подумал Уэст...

И тут со сторожевых башен ударили пулеметы: это с северо-запада на штурм бросилась вооруженная банда. Однако судьба ее была вмиг решена.

Часть гангстеров взлетела на воздух на минном поле, остальные пытались отстреливаться, но, попав под перекрестный огонь, вынуждены были поднять руки...

Едва успела охрана форта увести пленных грабителей, как из-за леса послышался шум мотора. Он нарастал.

На огромной скорости к форту неслась машина. Не обращая внимания на предупредительные знаки, она со всего хода ударила в ворота. Скрежет металла, крики охранников. Бандиты уже выскакивают во дворе форта, открывают пальбу из автоматов...

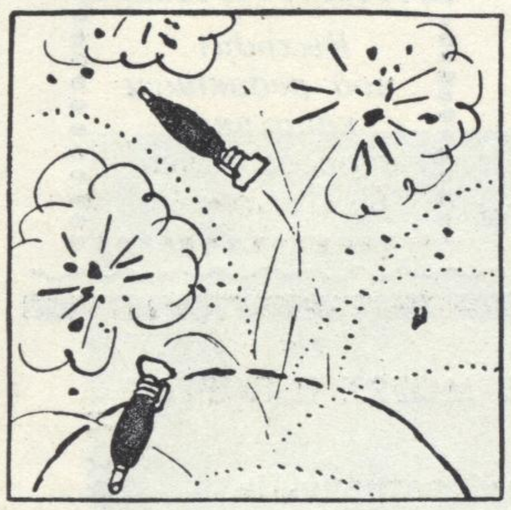
— Что же будет?— подумал Уэст.

Но в этот момент раздался оглушительный выстрел. ПУШКА БРОНЕТРАНСПОРТЕРА, ПАТРУЛИРУЮЩЕГО ДВОР ФОРТА, сделала свое дело: на месте бандитской машины зияла дымящаяся воронка...

—Ну и денек!—вытер Уэст вспотевший лоб.

ФОРТА

Рисунки Ю. Лобачева



Из-за рощи слышался гул минометов: уцелевшие бандиты палили по форту. Но мины, отскакивая ОТ СФЕРИЧЕСКОЙ КРЫШИ ЗОЛОТОХРАНИЛИЩА, не могли причинить зданию никакого вреда...

Стараясь не думать о свистящих осколках, Уэст продолжал наблюдение. Чей-то отчаянный крик справа привлек его внимание.

Уэст осторожно выглянул из-за пня и увидел, что несколько бандитов пытались было перемахнуть через забор. Но их руки словно приросли к проволоке, а сами они тряслись, как в лихорадке, и орали благим матом.

—ТОК! ПО ПРОВОЛОКЕ ПРОПУЩЕН ТОК!—понял догадливый Уэст.

В этот момент крики и выстрелы раздались в самом здании золотохранилища.

—Подкоп!—мелькнуло в голове Уэста. Он больше не мог отлеживаться в засаде, кинулся через пролом в воротах, миновал двор и оказался в коридоре форта.

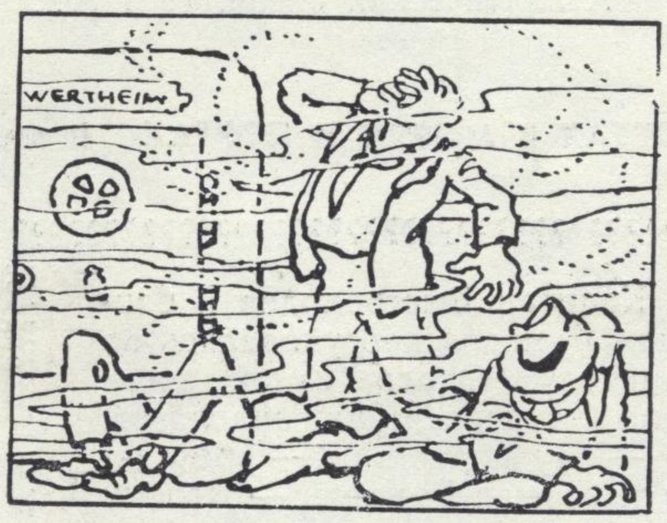
—Уэст, старина! Какими судьбами?—окликнул его знакомый дежурный офицер.

—Скорее!—заорал Уэст.—Они пробрались туда, в подвал!

—Ерунда,—усмехнулся дежурный.—Вот вам противогаз, надевайте его и пойдем...

Лифт был выведен из строя.

Они долго спускались по винтовой лестнице в глубокое подземелье. Оказывается, бандиты подвели подкоп под фундамент здания. Воспользовавшись шумом наверху, они проникли прямо на галерею, где стоял один из сейфов. Попробовали разрезать его стенку автогеном, однако ЖАРОПРОЧНАЯ СТАЛЬ не поддалась.

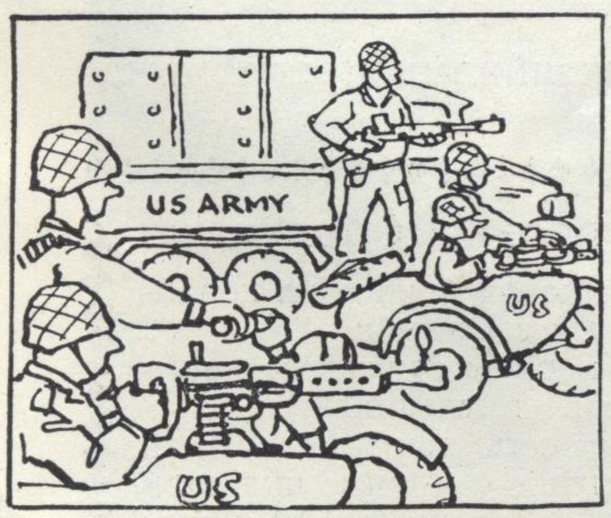


Тогда в ход пошел динамит. Раздался взрыв. Грабители кинулись к сейфу—и тут же повалились на пол: ВОЛНА ЯДОВИТОГО ГАЗА хлынула на них.

Равнодушные полицейские грузили в уже отремонтированный лифт трупы гангстеров...

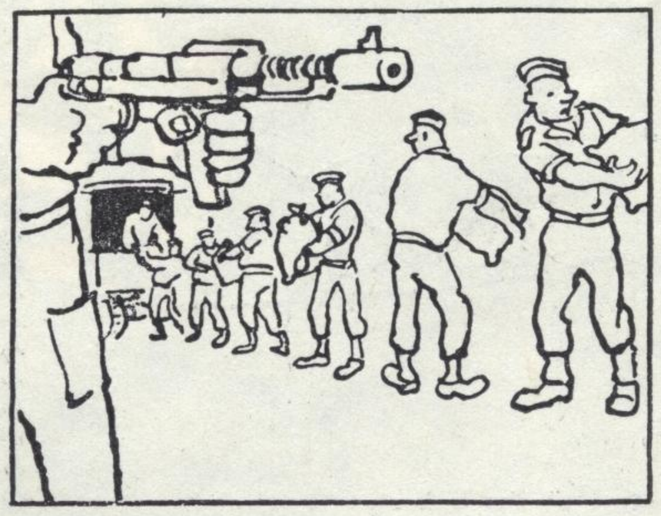
—Идиоты,—усмехнулся дежурный офицер, когда они с Уэстом вошли в его кабинет.—Им не стоило лезть так глубоко в подвал. У меня в соседней комнате лежит куча золота.

Несколько секунд Уэст не мог выговорить ни слова. Шутит ли дежурный или просто с ума спятил? Но офицер спокойно раскуривал сигарету. Уэст только собрался было узнать, почему оно лежит там, но снизу раздался автомобильный гудок.



Уэст прислушался и...

проснулся. «Проспал!»—подумал он с ужасом. Сыщик протер глаза. Форт стоял целехонек, но его массивные ворота были распахнуты настежь. В СОПРОВОЖДЕНИИ ЭСКОРТА ВООРУЖЕННЫХ ДО ЗУБОВ МОТОЦИКЛИСТОВ ВО ДВОР МЕДЛЕННО ВЪЕЗЖАЛ БРОНИРОВАННЫЙ ГРУЗОВИК С НАДПИСЬЮ «US ARMY»



Около грузовика засуетились военные. Под охраной тройного ряда полицейских солдаты выстроились в цепочку. Из здания форта один за другим стали выносить тяжелые запечатанные мешки. Они быстро передавались по живому конвейеру. Солнце в зените нещадно палило.

Погрузка подходила к концу.

—Все! ВОСЕМЬДЕСЯТ МИЛЛИОНОВ ДОЛЛАРОВ КАК ОДНА КОПЕЕЧКА,—сказал офицер.—ЭТОЙ КУЧИ ДЕНЕГ НАМ ХВАТИТ ЕЩЕ НА ОДИН ДЕНЬ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ!

Тяжело переваливаясь, машина выезжала на шоссе...

ОТ РЕДАКЦИИ. Все, что напечатано большими буквами, полностью соответствует действительности. Форт Нокс неприступен. Однако золото из него ежедневно исчезает. 80.000 000 долларов ежедневно тратит американское правительство на „грязную войну".

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией капитана второго ранга С. Сахарнова

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

ПОДВОДНЫЕ ДОМА

Много ли нужно для того, чтобы покорить глубины морей?

Пустяки: нужно только научиться жить без солнца, без свежего воздуха и забыть про твердую землю под ногами!

Станем на минутку океанавтами. Мысленно, конечно. Посмотрим на соседнюю страницу и... начнем медленно погружаться...

Глядите, вот «Ихтиандр» и «Садко» — их испытывали советские ученые на Черном море летом 1966 года.

А это «Диоген» — дом, похожий на бочку. Французы. Средиземное море. 1962 год.

Желто-красная «Морская звезда» — тоже французская. Красное море. 1963 год.

Похожая на дирижабль «Морская лаборатория-1». В ней опускались американцы. Атлантический океан. 1964 год.

«Морская лаборатория-II». Снова американцы. Тихий океан. 1965 год.

Сферический дом «Коншелф III». В нем опускались французы. Средиземное море. 1965 год.

В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ В МОРЯХ И ПОРТАХ

КЛУБ МОРСКИХ ЗНАТОКОВ

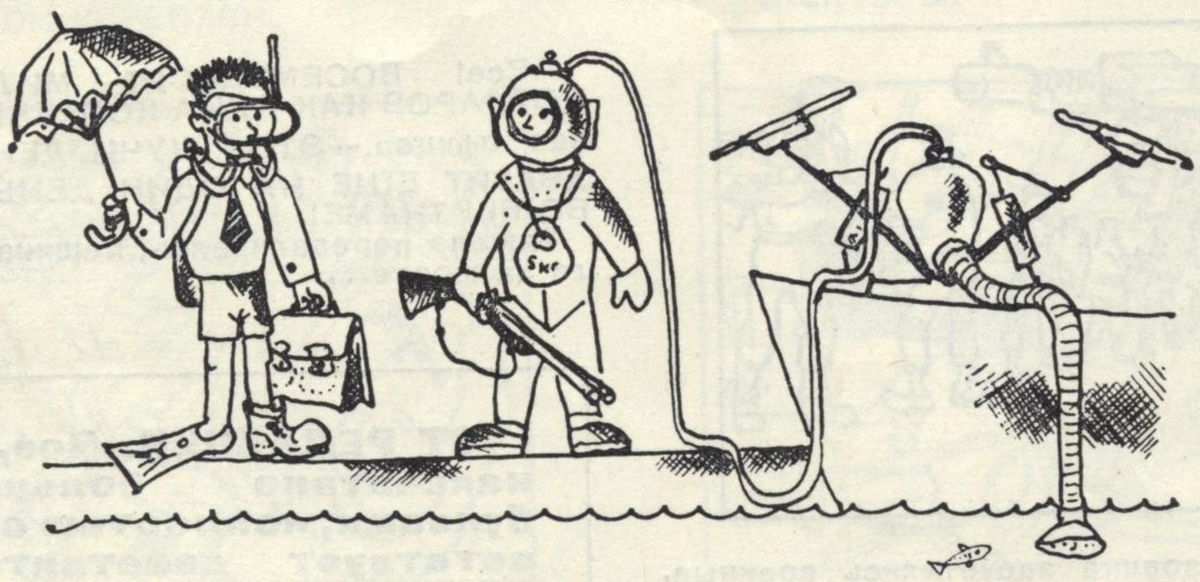
Капитан Быстроходов и боцман Румпель прогуливались по причалу. Около самой воды они увидели двух водолазов.

— Ну и растяпы! — воскликнул боцман Румпель. — Почему они так одеты?

— А мы рассеянные! — сказал один водолаз.

— Ну, положим, — возразил капитан Быстроходов. — По-настоящему рассеян из вас только один. И ему нельзя лезть под воду.

Кого имел в виду капитан Быстроходов?



ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ № 3

Записка доставлена из Белого моря, написана она в конце прошлого или в начале нашего века. Говорится в ней о судьбе двух поморов, выброшенных ветром на камни (кошки) в горле моря (в проливе, который соединяет Белое море с Баренцевым).

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшш

ШКОЛА ЮНГИ

— Какой прибор на корабле самый простой?

— Лот. Веревка да груз на конце. Бросил в воду — узнал глубину. Правда, отметки глубины надо знать, цифр на веревке не напишешь!

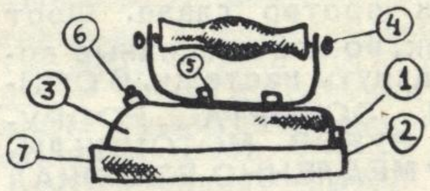
— А что такое лотлинь?

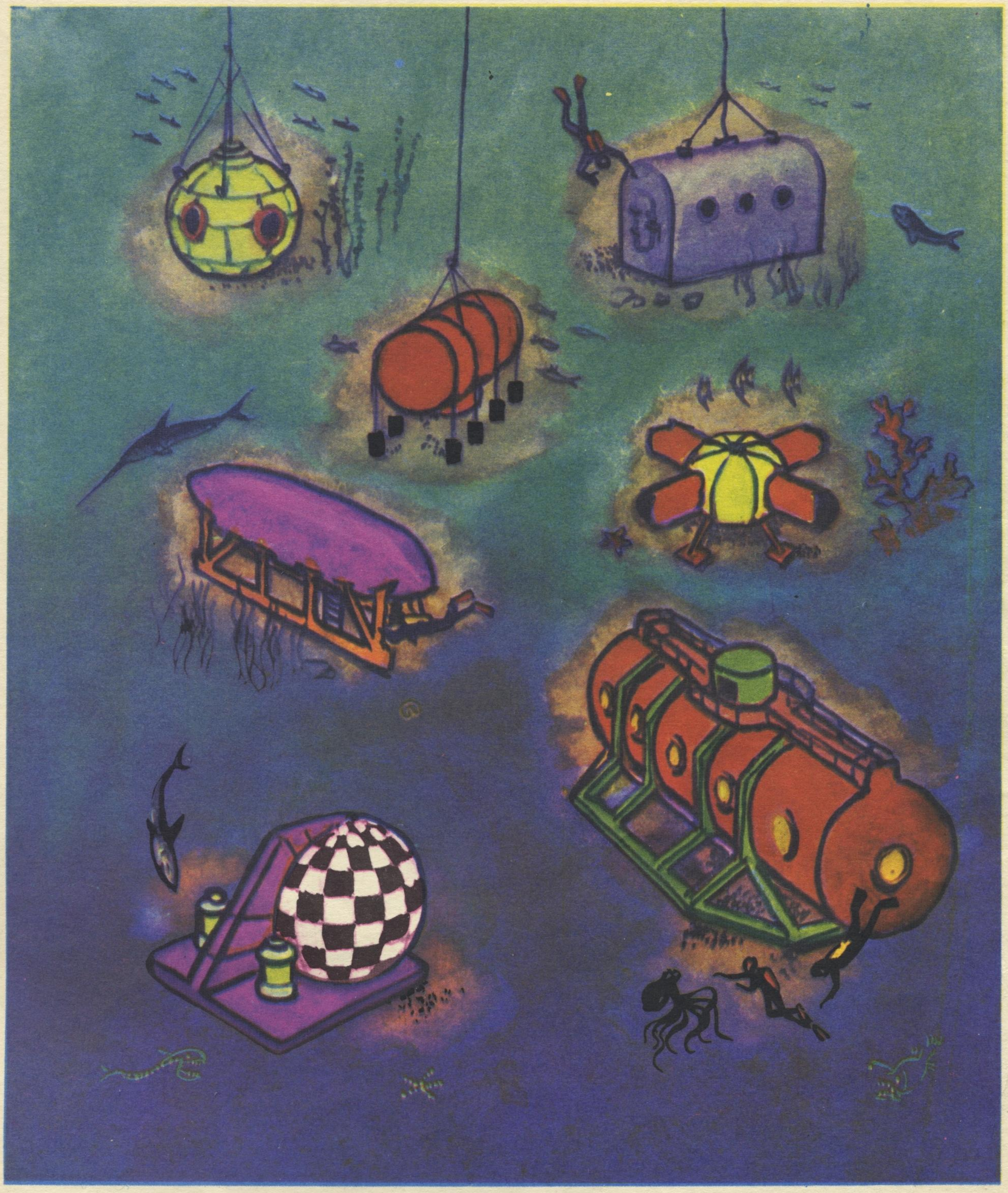
— Веревка. Только веревкой ее назвать — показать свою морскую неграмотность.

РАЗГОВОРЫ НА ПОЛУБАКЕ

— А какой прибор на корабле самый сложный?

— Утюг. На судах, где много матросов, в специальных гладилках есть паровые утюги. Настроить его — легче пуд соли съесть. То он шипит, то жжет брюки, то холодный, как лед. Очень сложный прибор!





„ЯБЛОЧКО“

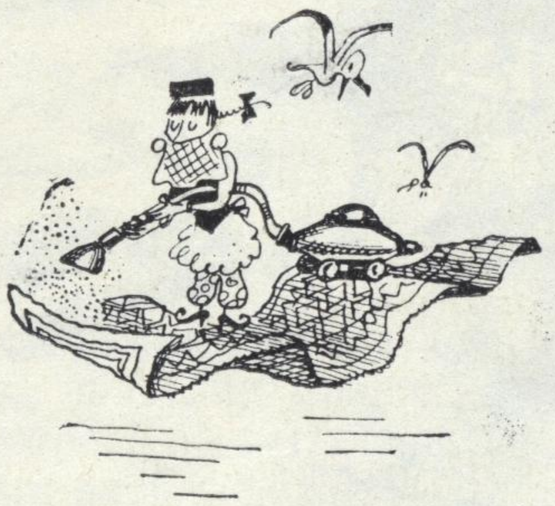
Выставка юмористов и сатириков

Выпуск № 3

РИСУНКИ

В. ГАЛЬБЫ

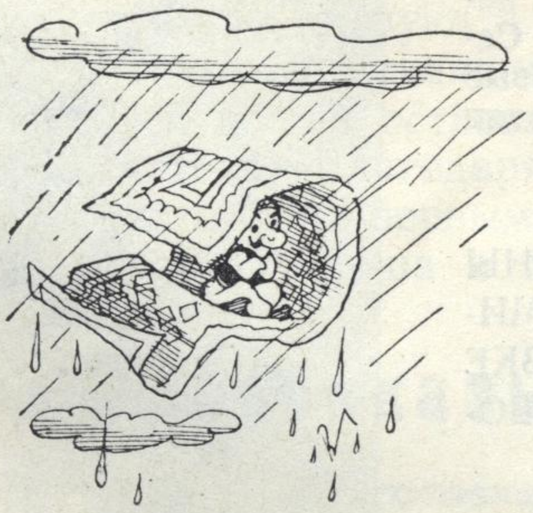
ПАРАД КОВРОВ-САМОЛЕТОВ



На цветной странице Выставка Весельчаков «Яблочко».

По условиям выставки читатели «Костра» ставят художникам, помещающим на выставке свои рисунки, отметки и присылают их в редакцию.

Художника, собравшего лучшие отметки, в конце года ждет приз. Присылайте ваши отметки В. Гальбе, Б. Семенову (см. № 4) и Н. Муратову (см. № 2).



ШКОЛА БЕГА

ПИСЬМА ЮНЫХ СПРИНТЕРОВ

Троеборье — в комнате

Когда на улице заниматься нельзя, прямо в комнате устраиваю соревнование по троеборью: прыгаю с места в длину и высоту, подтягиваюсь на руках на турнике.

Последний раз прыгнул в длину на 234 сантиметра, в высоту — на 1 метр и подтянулся 13 раз. Пусть ребята, которые попробуют свои силы в этом троеборье, напишут мне о результатах. Я живу на улице Володарского, в доме № 3-а.

Саша Кулаков
ст. Трудармейка, Кемеровская область

Что хорошего в безделье?

Сейчас у меня тренируются мои младшие братья Саша и Виталик. Без зарядки, без пробежек нам никак не обойтись.

А ведь вначале, когда я только записался, взяла меня лень. Месяц бездельничал. И весь месяц ходил, словно что-то потерял.

Зато теперь уж спорт никогда не брошу! Особенно люблю заниматься со скакалкой — в день делаю по 300 прыжков.

Женя Голубовский
с. Лесное, Кировский район, Приморский край

Кто лучший

Нынешним летом у легкоатлетических болельщиков глаза разбегаются — столько интересных соревнований!

Спартакиада народов СССР. Все лучшие спринтеры страны будут с 25 по 30 июля на стадионе в Лужниках оспаривать титулы чемпионов.

Неделей раньше — другая Всесоюзная спартакиада. Школьная. Она проводится в Ленинграде с 18 по 22 июля. Здесь померяются силами юные бегуны.

Несколько своих чемпионатов предстоит разыграть пионерам. 20 сентября в «Орленке» проводится финал «Эстафеты быстроногих». С 5 по 9 ноября в Артеке — заключительные состязания в четырехборье «Дружба».

Много увлекательных встреч предстоит советским спринтерам с зарубежными соперниками. Сборная СССР проведет три международных матча — с командами ГДР, Франции и Польши. Всех лучших бегунов континента можно будет увидеть 15—17 сентября в Киеве, где будут разыграны финалы Кубка Европы по легкой атлетике.

Состязания на приз братьев Знаменских в Ленинграде, Всемирная универсиада в Токио, кросс «Юманите» в Париже... Разве перечислишь все соревнования!

Читайте газеты, слушайте радио, смотрите телевизионные репортажи! А в декабре мы вместе с вами определим лучших спринтеров 1967 года — бегуна и бегунью. И вы напишете нам, почему ваш выбор пал на них.

ВОТ ЭТО КРОСС!

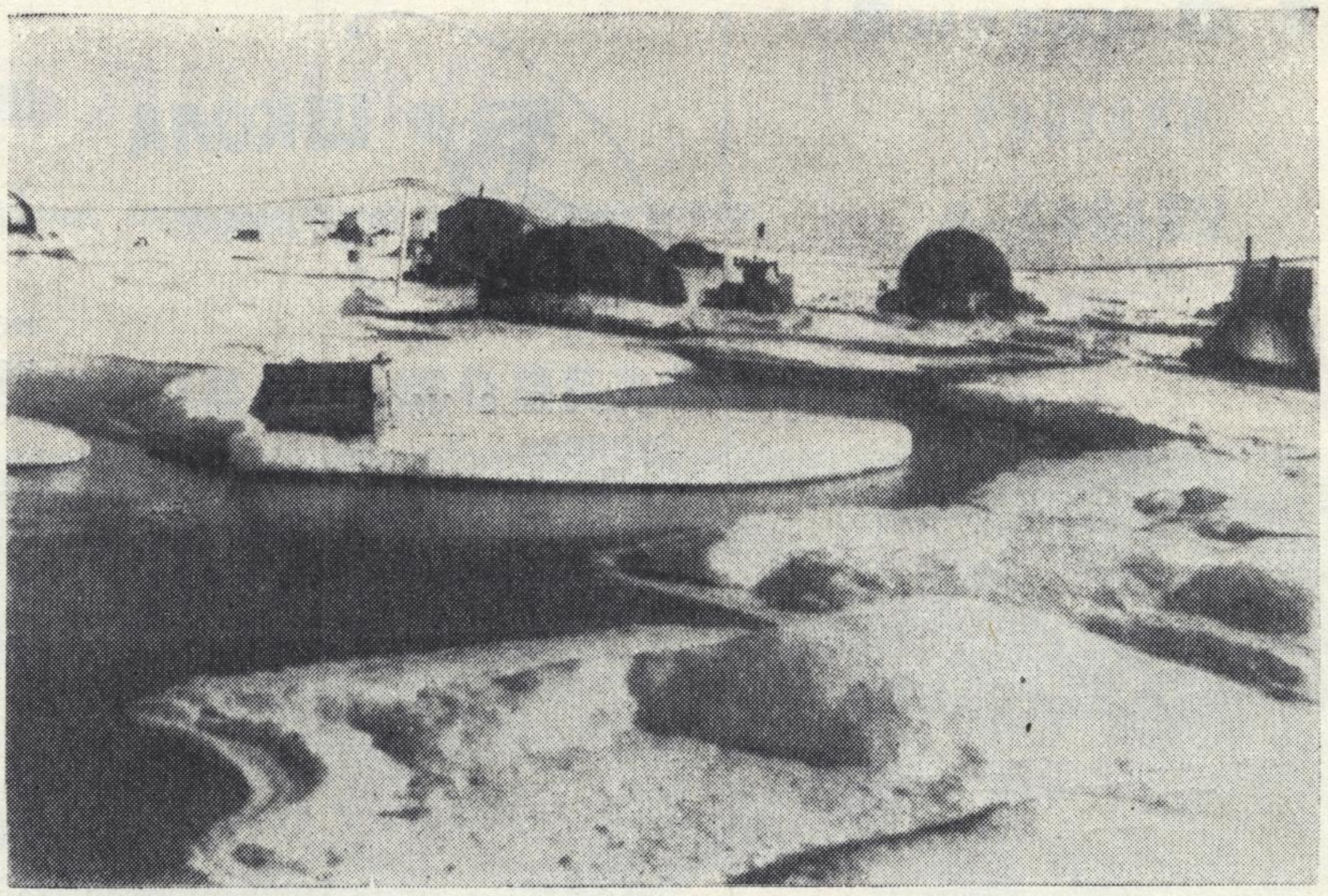
Один из самых необычных финишей в истории спорта состоялся в Соединенных Штатах Америки в субботу 1 марта 1884 года в 9 часов 35 минут утра. Финишировал бегун Вестон. Стартовал Вестон 21 ноября 1883 года. Ровно за сто дней он пробежал ровно 5000 английских миль (более 8000 километров). Во время своего изнурительного кросса бегун одолевал 50 миль (больше 80 километров) в день.

В ЛЕДОВОМ ЛАГЕРЕ

Василий Гаврилович Канаки — опытный полярник. Он работал еще на дрейфующей станции «Северный полюс-3».

Много писем получил он за все это время от ребят, и они обязательно спрашивали — как живут и работают советские люди на льдине?

Как? На этот вопрос Василий Гаврилович отвечает здесь, на страницах «Костра».

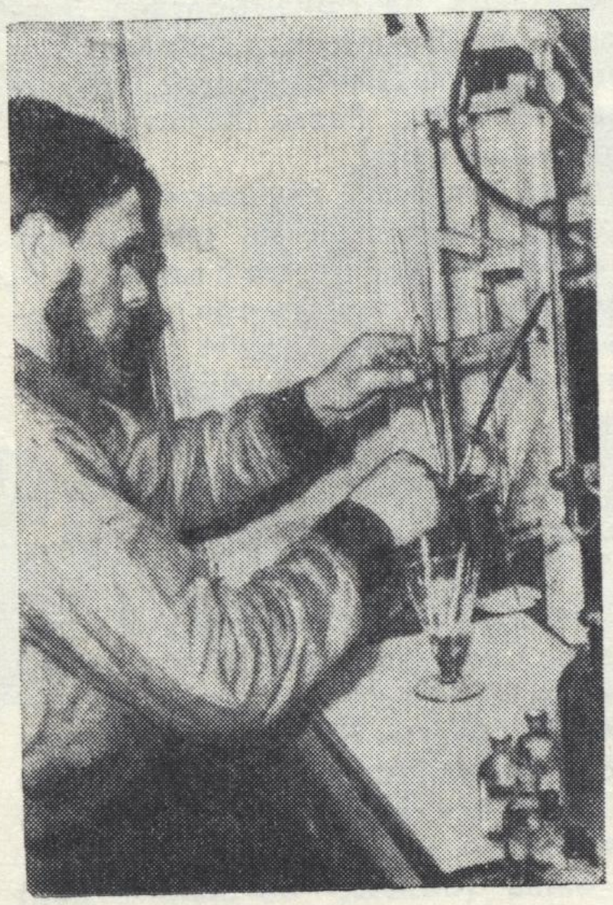


На дрейфующем льду работать трудно и опасно. Случится разлом льдины, и тогда весь лагерь уходит на оставшиеся целые участки поля. Перетаскивают жилые и рабочие домики, заново монтируют аппаратуру и все сложное хозяйство дрейфующей станции. Тревожно в это время на дрейфующей станции. При сжатиях льда возникают грандиозные силы, остановить их совершенно невозможно. Льдины толщиной в три метра громоздятся друг на друга, создавая торосы высотой с трехэтажный дом. Этот вал грохочет, скрипит на разные голоса и движется иногда прямо на лагерь. (*Фото 1*).

Получается в тревожные дни так, что полярники спят, не раздеваясь по нескольку суток. Спят урывками — от аврала до аврала, но свою программу научных наблюдений не прерывают. (*Фото 2*).

Комсомолец Виктор Рачков производит химический анализ очередной пробы воды с глубины океана (*Фото 3*).

Радист Юрий Кузнецов бессменно дежурит в радиорубке. На столе у него пишущая машинка — Юра привык работать не на запись, а прямо на машинку.



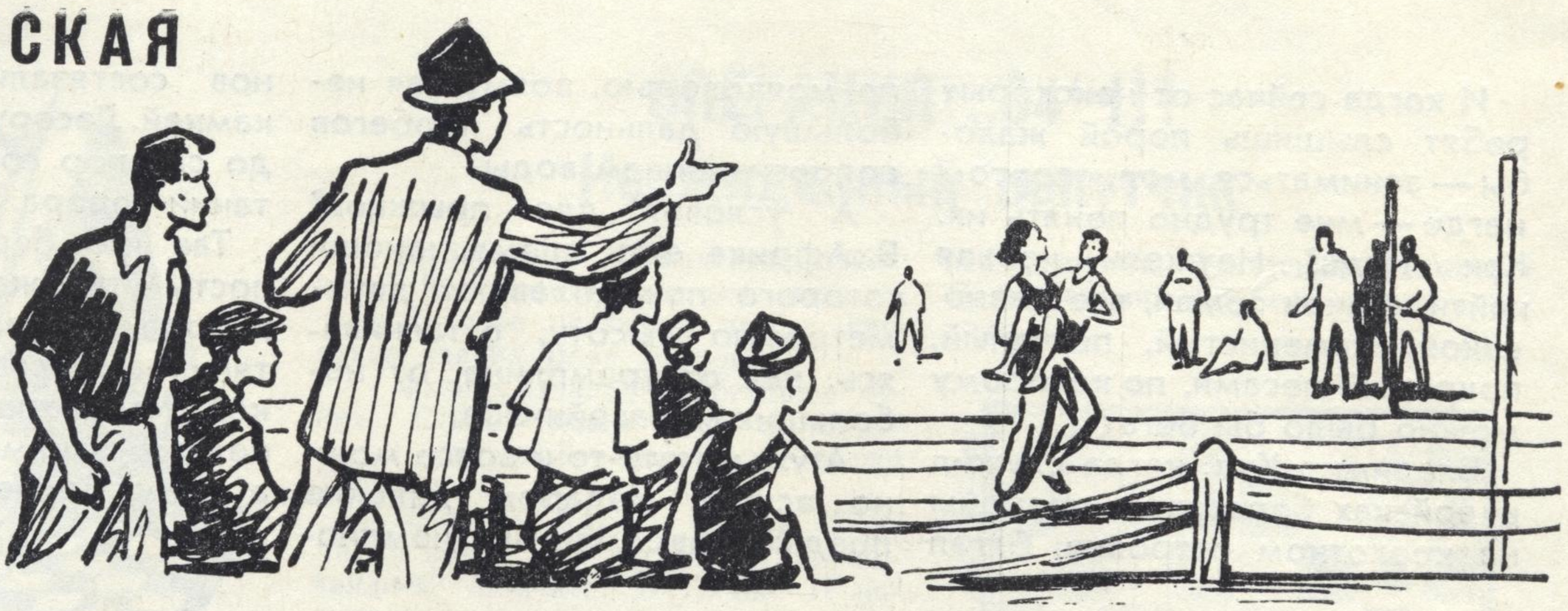
Большая ответственность у радиста. Сигналы передатчика пересекают громадные пространства Северного Ледовитого океана, их принимают береговые полярные радисты. Меньше чем за полчаса доходят они до Москвы и Ленинграда.

Юрий Кузнецов отстукивает:

«НАЧАЛИСЬ ПОДВИЖКИ ЛЬДА ТЧК ТРЕЩИНЫ ПРОШЛИ ПОД ЖИЛЫМИ РАБОЧИМИ ДОМИКАМИ ТЧК ПРИСТУПИЛИ ПЕРЕБАЗИРОВКЕ ЛАГЕРЯ ТЧК ВСЕ НАУЧНЫЕ ГРУППЫ РАБОТАЮТ ТЧК ЛАГЕРЕ ВСЕ СПОКОЙНО ТЧК».

Летом солнце греет сильно, как и в высокогорных районах. Возникают снежницы, проталины во льду, которые, соединяясь друг с другом, образуют целую систему озерков. Не меньше, чем метели, морозы и разломы льдины, осложняют эти озерки жизнь полярников. Бывают дни, когда лагерь почти затопляется талой водой. Поблизости от палатки ищет спасения и огромный белый медведь. (*Фото 4*).

ГЕРОИЧЕСКАЯ НИНА



Александр Кулешов

Помогла!

Однажды, вскоре после войны, зрители, пришедшие посмотреть на легкоатлетический матч пяти городов в Ставрополе, оказались свидетелями невероятного зрелища.

На дистанции 5000 м от ессентукийского «Спартака» бежал невысокий худенький спортсмен Федя Кириакиди.

Когда бегуны вышли на финишную прямую, ессентукийский тренер озабоченно воскликнул: «Эх, не дотянет Федя, надо поддержать!» И он собирался уже дать знак свободным членам команды, чтобы они криками и аплодисментами подбодрили своего товарища. Но в этот момент произошло неожиданное. Высокая, красивая, могучего сложения девушка, услышав слова тренера, быстро перебежала поле, схватила Федю на руки и понеслась со своей отчаянно отбивавшейся ношей оставшиеся десять метров. Благодаря такой помощи, Федя первым «пересек» линию финиша и однозременно, согласно правилам... лишился победы.

Но это выяснилось потом. А в тот момент девушка, преисполненная гордости за свой героический, выручивший (как она считала) команду поступок, торжествующе оглядывалась вокруг.

Через минуту, узнав, к чему привел ее героизм, она уже горько рыдала, уткнувшись в траву футбольного поля, а тренер, Федя и товарищи безуспешно пытались утешить ее.

Девушка эта в дальнейшем стала одной из самых прославленных спортсменок мира. Имя Нины Пономаревой знают любители спорта любой страны.

Она не только показала чудеса спортивного долголетия, став участницей четырех Олимпиад, что само по себе подвиг, который в истории спорта совершили не многие атлеты, она еще сумела завоевать на этих крупнейших соревнованиях две золотые и бронзовую медали.

Статьями и заметками о выступлениях Пономаревой, опубликованными во всех газетах мира, можно было бы заполнить не один книжный шкаф. Ее техника метания диска, ее тактическое мастерство, воля к победе, стойкость, упорство и хладнокровие стали легендарными.

И все же ключ ко всем этим успехам как раз и таился в том, что заставило много лет назад, еще не умудренную спортивными премудростями девушку, подхватить на руки своего товарища по команде и донести его до финиша.

Это было очень смешно, и весь стадион долго еще гудел от смеха. Но не всякий в тот момент задумался над причинами Нининого поступка. Верность коллективу, стремление во что бы то ни стало поддержать его честь, высоко пронести его знамя — вот каким было главное правило Нины Пономаревой в ее спортивной жизни.

Нина рассказывает

Физической подготовкой я начала заниматься с пяти лет.

О, нет, я не скользила под музыку на искусственном льду, не проделывала красивых движений на ковре в гимнастическом зале, я... таскала воду.

Мои родители строили железную дорогу в глухой тайге. Я любила бродить по таинственным тропкам, собирать грибы и ягоды, носиться наперегонки с ребятами по сырым от росы лужайкам. Частенько забиралась на деревья, прыгала через пни, таскала издалека тяжелые ведра с водой, соревновалась с мальчишками, кто дальше бросит камень...

Можно сказать, занималась всеми видами легкой атлетики. Только планкой мне служили сучья деревьев, дорожкой — трава, а диском — булыжник. Стадионом же был весь простиравшийся на тысячи километров лес — дремучий, страшный и в то же время бесконечно родной и прекрасный.

И когда сейчас от некоторых ребят слышишь порой жалобы — заниматься, мол, спортом негде — мне трудно понять их. Как негде? Неужели нельзя найти клочок земли, все равно какой: каменистый, песчаный, покрытый лесами, по которому можно было бы бегать?

Владимир Куц, когда служил в войсках береговой обороны на крохотном островке, бегал по мелководью, возмещая небольшую дальность пробегов сопротивлением воды.

А условия для прыжков? В Африке есть племя, юноши которого преодолевают двухметровую высоту, отталкиваясь, как от трамплина, от небольших муравейников.

А уж метать-то и вовсе можно всюду. Недаром далекие предки современных чемпионов состязались в бросании камней. Лесорубы Скандинавии до сих пор соревнуются в метании топора.

Так что беру на себя смелость утверждать: нет такого города, деревни, поселка нефтяников на сваях, даже одинокой сторожки лесника, где нельзя заниматься атлетикой, а тем более спортом вообще!

Лесенка побед

В 1951 г. Нина впервые получила медаль. Она стала победительницей спортивных соревнований на III Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине. А вскоре Нина завоевала еще одну золотую медаль — выиграла поединок у легендарной метательницы, рекордсменки мира по метанию диска — Нины Думбадзе!

1952 год принес ей неповторимую победу. Советский Союз впервые принял участие в Олимпийских играх. Первым номером в программе разыгрывалось метание диска у женщин. Нина выиграла с новым олимпийским рекордом. Медленно поднималось к серому небу алое полотнище, торжественно звучал гимн Советского Союза в честь первой чемпионки XV Олимпийских игр, первой советской спортсменки, удостоенной этого звания.

Потом будут Мельбурн, Рим, Токио, Кортина д'Ампеццо, Скво-Вэлли, Инсбрук, будет много советских олимпийских чемпионов (в том числе и снова Нина), но звание Первого уже никто не сможет завоевать!

В тот день Нина Пономарева навсегда вписала свое имя золотыми буквами в историю спорта!

В упорной борьбе две Нины — Пономарева и Думбадзе — несколько раз улучшали мировой рекорд в метании диска. В таблице рекордов менялись имена рекордсменок, дата, длина броска. Неизменным оставалось одно — страна. Обе спортсменки боролись за славу советского спорта, и победа любой из них была победой страны Советов...

В 1959 г. на II Спартакиаде народов СССР в борьбе с сильнейшими метательницами диска в мире — Т. Пресс, Е. Кузнецовой, А. Золотухиной, Нина завоевала первое место. Но что особенно порадовало ее, так это бронзовая медаль, полученная ею в соревнованиях по толканию ядра!

1960, олимпийский, год начался для Нины неудачно — она растянула мышцу спины. Но потом все наладилось. И вот настало 31 августа — первый день легкоатлетической программы римских, XVII Олимпийских игр.

На квалификационных соревнованиях Нина сделала лучший бросок — 53 м 68 см. Это было на 1 см меньше, чем «золотой» бросок О. Фикотовой в Мельбурне

В Рим съехались сильнейшие метательницы мира — Т. Пресс. Е. Кузнецова, румынка Л. Манолиу, американки Э. Браун и О. Фикотова-Конноли. В финал вошли три советские спортсменки. В пятом броске Нина превысила почти на полтора метра олимпийский рекорд — 55 м 10 см!

Этот бросок и решил судьбу золотой медали. Второй была Т. Пресс, третьей Л. Манолиу.

Это было исключительным достижением в истории спорта. В третьих подряд Олимпийских играх участвовала Нина Пономарева, в третьих подряд завоевывала олимпийскую медаль, причем второй раз золотую!

И то, что в Токио, участвуя в играх четвертый раз, Нина не заняла высокого места, ничуть не снижает этого беспрецедентного достижения. Всему есть предел. А в спорте есть еще и предел непреодолимый — возраст. Одно можно сказать твердо — единицами насчитываются в истории мирового спорта те, кто мог бы сравниться с Ниной Пономаревой в продолжительности ее спортивного пути, в высоте достигнутых ею на этом пути вершин.

Приказ № 7

Я, главнокомандующий операцией «64», приказываю:

§ 1. Шахматным ракетчикам найти — 1) мат, объявленный Наимом; 2) мат в три хода в позиции — белые: Крa6, Лd1, Сg3; черные: Крс8; 3) ничью за белых в позиции — белые: Крd8, п.a5; черные: Крd6, п.h7.

§ 2. Юнгам — сыграть 25 партий и прислать все интересное, что в них встретится.

§ 3. Шашечным ракетчикам — найти комбинацию за белых — 1) белые: a3, a5, b4, b6, e1, e3, g1, h2, h4; черные: b8, c7, d6, d8, e7, f6, g5, g7, h8; 2) белые: c3, e3, g3, g5, h4, h6; черные: a5, c5, c7, e5, e7, f6.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Бюро самопроверки

Решение задач Великого Рокира («Костер» № 5).

Мат в три хода. 1. Cd3! Крс1 2. Ке2 + Крb1 3. О-ОХ.

Какой ход был сделан! Лс2 — с1. Вместо этого можно было объявить мат ходом О-О-О.

Где стоял черный король! На f3, и белые объявили мат, сыграв О-О. При черном короле на cl мат в один ход не дается: пробраться на cl черный король мог лишь при отсутствии на el белого, а это означало бы, что белый король двигался, и рокировка невозможна.

Шашечная комбинация. 1. c3—d4! e5:a5 2. c5—b6! a7:c5 3. g3—f4X.

ОПЕРАЦИЯ „64“!!!

Неожиданный попутчик

Непонятно было, как он попал в ракету, но все сразу его узнали — Веселый архивариус!

— Мы рады вам, уважаемый сосед по страницам «Костра», — приветствовал его Ферзьбери, — и от души готовы предложить... шах и мат!

— Подождите, шахмат-адмирал: я проник сюда не для игры!

— Чем тогда обязаны мы вашему появлению в ракете?

— Видите радиограмму? «Ждем ракетчиков знаменитого Ферзьбери. Надеемся узнать о прошлом шахмат на Земле». А все ли ваши смогут ответить?

— Позор! — хлопнул себя по лбу Ферзьбери. — Чудовищное упущение! Беру ход обратно и исправляю промах! Слушаем вас.

И Веселый архивариус начал:

— Доблестные шахматные ракетчики! Кто назовет возраст шахмат?

— Да уже постарше меня, — уверенно заявил Вова Багров.

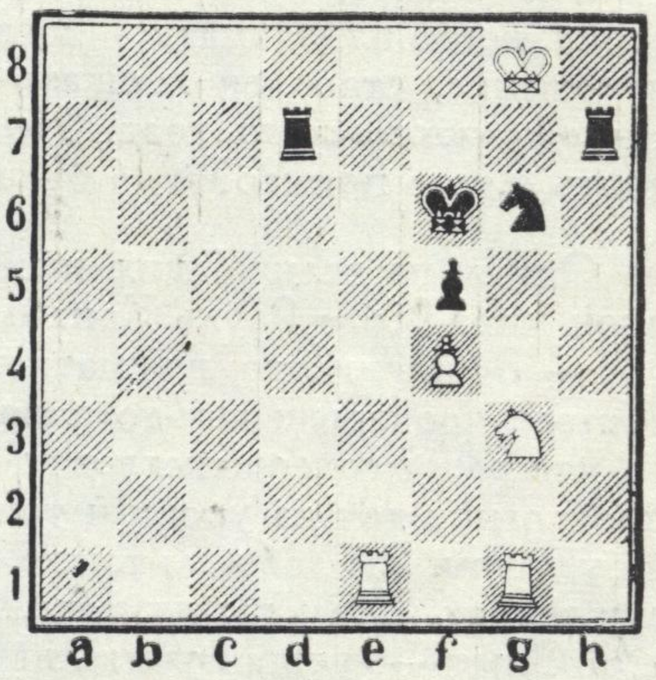
— Фью! Сказанул! «Постарше меня»... Старше моего папы! А то даже и дедушки! — поправил Сережа Туричин.

— Че-пу-ха! Хотя и верная. Шахматам почти 1500 лет! А где они появились? Молчите? В Индии. И назывались «чатуранга».

В ту пору играли не вдвоем, а вчетвером, и фигуры были четырех цветов. Мат не объявляли, да и короля-то не было: вместо него стоял полководец. А как же побеждали? Уничтожали все фигуры противника. Еще хуже было, что перед ходом бросали кости, определяя ими, куда и чем пойти: решало не только умение, но и везение.

— А мне всегда везет в кости... Я бы стал там чемпионом, — вздохнул юнга Федя Курбашкин.

— Из Индии чатуранга попала в Иран и другие страны Средней Азии. Ее назвали «шатранг». Кости изъяли. Играли уже двое. Полководца превратили в шаха и был добавлен ферзь (по-персидски «ферзин» — советник шаха). Вражеского шаха не снимали, а объявляли мат: ведь шахматы копировали военный бой, а в те века у восточных народов даже в самой горячей битве вражеский царь был неприкосновенным. Вот диаграмма с партией тысячелетней давности. Азиатский шахматист Наим объявил тут белыми мат в три хода.



В VII веке Иран завоевали арабы. Шатранг стал «шатранджем», а хорошо играть в него считалось очень почетным. Арабский халиф ал-Мамун сокрушался: «Странно, что я правлю миром от Инда на востоке до Андалусии на западе и не могу справиться с тридцатью двумя фигурами на доске в две пяди на две». В Европу шахма...

— Стоп! — прервал шахмат-адмирал. — Стрелки локаторов показывают сближение! Благодарим и надеемся еще раз услышать вас, дорогой друг. А сейчас приготовиться к посадке!

Слово шахмат-капитану Пешкоедову

После рейда на планету Неизвестную и на пути к планете Ничейной впереди находятся ракетчики, имеющие по 30 очков. Их имена

Смирнов Саша, Арасланова Ляля, Забран Володя, Чепуренко Саша, Пискунов Сережа, Фролов Володя, Аардма Эдик, Нурок Юлий, Новоселов Саша, Карасев Вадим, Кузнецов Володя, Полек Саша, Батырева Лариса, Михайлов Саша, Крикун Олег, Шабрин Саша, Сухов Миша, Шеходанов Геннадий, Муха Виталий, Муха Толя, Муха Коля, Гершкович Миша, Крылов Алеша, Ротмистровская Люда, Тюрин Толя, Желанов Валерий, Анисимов Юра, Новиков Володя, Брюквин Володя, Шестаков Саша, Лидский Володя, Матюшенко Валя и Толя, Пикман Эдя, Старцев Володя, Дворяшин Саша, Волкомор Витя, Койшин Алим, Ваулин Женя, Андреев Толя, Петухов Сергей, Казанкин Саша, Клишо Светлана, Лобач Вася, Третьякова Лена, Давиденко Саша, Панфилов Женя, Павлов Игорь, Пучин Сергей, Грищенко Володя, Завьялов Сергей, Байков Сергей, Медведенко Саша, Морозов Сережа, Яковлевы Светлана и Андрей, Темчук Леня, Короткин Ефим, Попов Игорь, Крючков Игорь, Белоусов Миша, Коновал Яша, Стоян Витя, Кочубей Слава, Тюрин Витя, Брюховецкий Юра, Вавилин Аркадий, Богомаз Игорь, Богомолов Володя, Вепрев Коля, Доброзраков Саша, Могутин Володя, Полякова Люба, Тиссен Артур, Локшев Геннадий, Семак Леня, Минаков Коля, Багавеев Тагир, Махонина Нина, Зубаев Гайса, Мордвин Толя, Локтев Витя, Богданович Костя, Шойхет Саша, Змановский Валерий, Распутько Коля, Бенькович Юра, Абрашев Слава, Пономарев Саша, Цельядт Марина, Мосягин Лева, Данилов Вадим, Евдокимов Сережа, Терещенко Юра.

За правильное решение позиций из журнала № 2 призы получают (по жребию):

Яковлевы Светлана и Андрей, Пикман Эдуард, Пучин Сергей.

Лучше всех решили задание из «Костра» № 2 юнги:

Ромм Саша, Беляев Сережа, Ефимова Люда, Лукин Юра, Вусатых Нина, Полыскалов Слава, Боева Лариса, Бочков Алеша, Крюкова Галя, Филонова Наташа, Максименко Ф., Юдковский Женя, Комиссарова Ира, Юзяк Ира, Шер Саша, Ахмадеев Вадим, Махинов Коля, Поротикова Надя, Неклюдов Юра, Милосердова Рита, Деккер Ваня, Гойсин Марат, Нагаев Саша, Клишо Саша, Булдакова Люда, Глазырин Андрей, Медведев Юра, Кононский Миша, Остапенко Дима, Шмаков Олег, Иванов Саша, Аблаухова Алла, Гульдас Игорь, Бенькович Миша, Искембаев Мамбет, Конышев Юра.

Призами награждаются (по жребию): *Клишо Александр и Деккер Иван.*

Уголок весёлого архивариуса

МИМОХОДОМ!

Несколько замечаний Веселого архивариуса, произнесенных в кают-компании шахматной ракеты

Знаменитый русский шахматист Михаил Иванович Чигорин, когда на шахматной доске возникало особенно острое положение, старался держать руки в карманах, чтобы не сделать поспешного хода. Не полезно ли кое-кому из вас взять с него пример?

Одним из величайших шахматистов был кубинец чемпион мира Хозе Рауль Капабланка. Вот его совет:

— Большинство шахматистов не любит проигрывать и считает проигрыш чем-то позорным. Это ложный взгляд; те, кто хотят совершенствоваться, должны смотреть на свои проигрыши как на уроки и учиться по ним — чего избегать в будущем. Вы должны также быть решительными в ваших суждениях. Если вы думаете, что ваш ход хорош, делайте его! Опыт — лучший учитель!

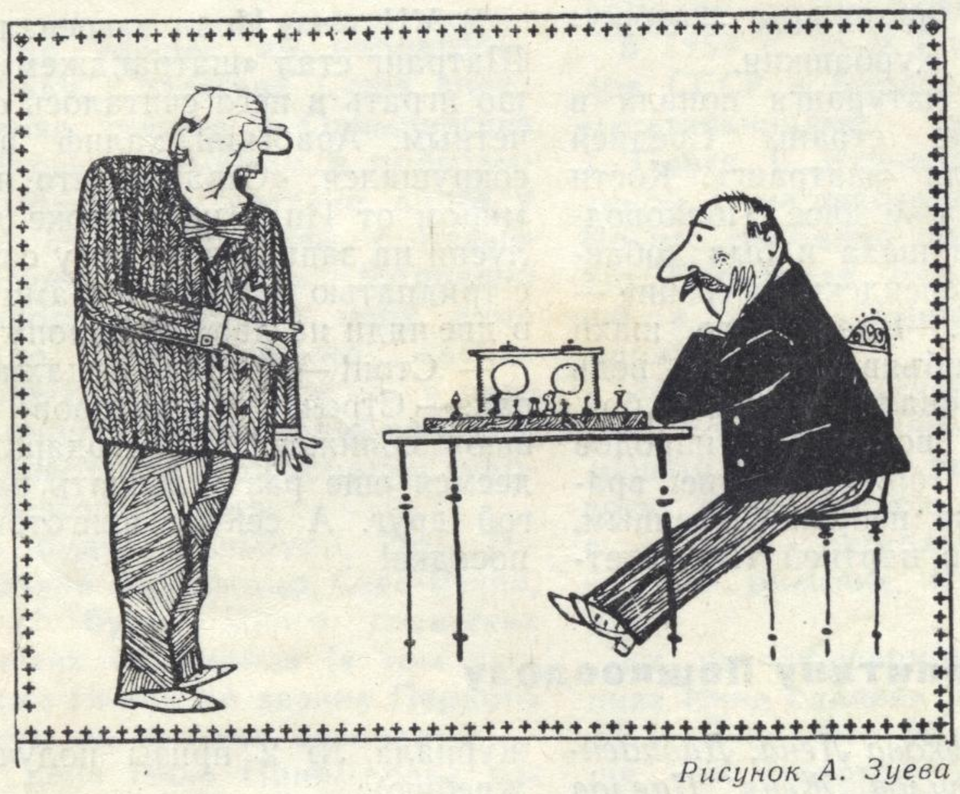


Рисунок А. Зуева

В Петербурге в 1914 году встретились на международном турнире два маэстро — семидесятидвухлетний Блэкберн и шестидесятилетний Гунсберг.

— Молоды вы еще со мной играть! — воскликнул Блэкберн, объявляя партнеру мат.

Обложка И. Казаковой

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская, (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор ***Ю. П. Мезерницкий***

Технический редактор ***А. А. Двораковская***

Корректор *В. А. Маевская*

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

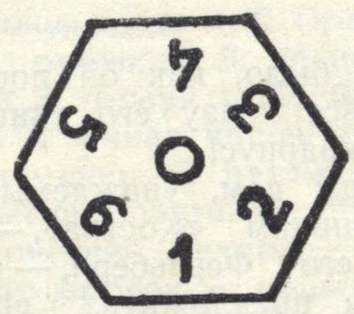
М-16300. Подписано к печати 11/V 1967 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+1. 6,36 усл., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 330 000 экз. Заказ № 645. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ в джунглях

В игре участвуют двое, причем у каждого две фигуры, фишки — «охотник» и «собака». Фишками могут служить шашки, монеты, пуговицы, канцелярские кнопки — что найдется под руками... Перерисуйте на картон изображенный здесь шестиугольник, вырежьте, проткните в центре шилом и, вставив заостренную спичку, сделайте волчок.

Игра готова — игровое поле рядом на обложке...



В начале игры фигуры ставятся на синие кружки — «охотник» на самый кружок, «собака» — рядом с ним. Первый ход разыгрывается (это можно сделать поочередным запуском волчка — у кого будет больше очков, тот и начинает). Выигрывает тот, кто первым пересечет джунгли и обеими своими фигурами займет кружок, на котором в начале игры стояли фишки партнера.

За один ход можно подвинуть обе свои фигуры — и «охотника» и «собаку». «Охотник» с каждым ходом подвигается на один шаг вперед, становясь на следующую точку пути. Отступать он не может, однако может оставаться на месте, если продвижение вперед опасно.

Для «собаки» же запускается волчок — она может переместиться вперед или назад на показанное волчком число шагов или же сделать комбинированный ход — какую-то (по желанию) часть шагов сделать в одном направлении, а оставшиеся шаги — в другом. Но дважды менять направление движения фигуры за один ход нельзя. Когда «охотник» и «собака» находятся вместе, «охотник» занимает точку, а «собака» ставится рядом с ним.

«Охотник» может вступить на звериную тропу только вместе со своей собакой.

При встрече с фигурами партнера через них можно «перепрыгивать», ставить же фишки на занятые чужими фигурами точки нельзя.

Последний ход игры должен быть точным — при «переборе» фишка отступает от синего кружка на лишнее число шагов и ожидает следующего хода, если играющему не удалось, используя право комбинированного хода, вступить точно на синий кружок.

В. Акентьев

25 коп.